ISSN: 2709 - 7382

**АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА
МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШ**

МУАРРИХ

(маҷаллаи илмӣ - назариявӣ)

№ 4 (44) 2025

Маҷаллаи илмӣ - назариявии «Муаррих» соли 2015 таъсис ёфта, дар давоми як сол чаҳор шумора ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешавад. Маҷалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳти 331/МҶ - 97 22 феврали соли 2024 аз нав ба қайд гирифта шудааст.

Маҷалла аз 26 апрели соли 2018 дар рӯйхати маҷаллаҳои илмии тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии (КОА) назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва аз 21 феврали соли 2022 таҳти рақами 1520 дар Феҳристи маҷаллаҳои илмии тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии (КОА) назди Вазорати маориф ва илми Федератсияи Россия номнавис гардидааст.

САРМУҲАРРИР: МУРОДЗОДА А. А., доктори илмҳои таърих, дотсент

МУҲАРРИРИ МАСЪУЛ: Ҳамза КАМОЛ, доктори илмҳои таърих, профессор

ҲАЙАТИ ТАҲРИРИЯ:

АБДУРАШИТОВ Фозил - доктори илмҳои таърих, профессор
ДОДХУДОЕВА Лариса - доктори илмҳои таърих, профессор
ДУБОВА Надежда - доктори илмҳои таърих, профессор (Россия)
ЁҚУБОВ Юсуфшо - доктори илмҳои таърих, академики АМИТ
ИБРОҲИМОВ Муродалӣ - доктори илмҳои таърих, профессор
ИСКАНДАРОВ Қосимшо - доктори илмҳои таърих, профессор
ПИРУМШОЕВ Ҳайдаршо - узви вобастаи АМИТ, доктори илмҳои таърих, профессор
РАҶАБОВ Аскаралӣ - доктори илмҳои таърих, профессор
РИШАР Франсис - узви хориҷии АМИТ, доктори илмҳои таърих, профессор (Фаронса)
САИДОВ Абдуқаҳҳор - доктори илмҳои таърих, профессор
ФРАНКФОР Анри-Пол - узви хориҷии АМИТ, доктори илмҳои таърих, профессор (Фаронса)
ХУДЖАГЕЛДИЕВ Тура - номзади илмҳои кишоварзӣ
ЧУБАРЯН Александр - академики Академияи илмҳои Россия (Россия)
ШАРИФЗОДА Абдувалӣ - номзади илмҳои таърих

© Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, 2025.

ISSN: 2709 - 7382

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ АХМАДА ДОНИША**

ИСТОРИК

(научно - теоретический журнал)

№ 4 (44) 2025

Научно-теоретический журнал «Историк» основан в 2015 г. и выходит четыре раза в год на таджикском, русском и английском языках. Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан под № 331/МҶ-97 от 22 февраля 2024 г.

Журнал с 26 апреля 2018 года входит в перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Президенте Республики Таджикистан и с 21 февраля 2022 года под № 1520 входит в перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: МУРОДЗОДА А. А., доктор исторических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Хамза КАМОЛ, доктор исторических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

АБДУРАШИТОВ Фозил - доктор исторических наук, профессор
ДОДХУДОЕВА Лариса - доктор исторических наук, профессор
ДУБОВА Надежда - доктор исторических наук, профессор (Россия)
ИБРОХИМОВ Муродали - доктор исторических наук, профессор
ИСКАНДАРОВ Косимшо - доктор исторических наук;
ПИРУМШО Хайдаршо - член-корреспондент Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук, профессор
РАДЖАБОВ Аскарали - доктор исторических наук, профессор
РИШАРД Франсис - иностранный член НАНТ, доктор исторических наук, профессор (Франция), доктор исторических наук, профессор (Франция)
САИДОВ Абдукаххор - доктор исторических наук, профессор
ФРАНКФОРТ Анри-Поль - иностранный член НАНТ, доктор исторических наук, профессор (Франция)
ХУДЖАГЕЛДИЕВ Тура - кандидат сельскохозяйственных наук
ЧУБАРЯН Александр - академик РАН (Россия)
ШАРИФЗОДА Абдували - кандидат исторических наук
ЯКУБОВ Юсуфшо - доктор исторических наук, академик НАНТ

© Институт истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана, 2025.

ISSN: 2709 - 7382

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF TAJIKISTAN
AHMAD DONISH INSTITUTE OF HISTORY,
ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

HISTORIAN

(scientific - theoretical journal)

№ 4 (44) 2025

The scientific and theoretical journal «Historian» was founded in 2015 and is published four times a year in Tajik, Russian and English. The magazine is registered with the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan under number 331/MJ-97 dated February 22, 2024.

Since April 26, 2018 is the List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission (HAC) under the President of the Republic of Tajikistan and since February 21, 2022 under No. 1520HAC Ministry of Education and science of the Russian Federation.

CHIEF EDITOR: MURODZODA A. A., doctor of Historical Sciences, Associate Professor

EXECUTIVE EDITOR: Hamza Kamol, doctor of Historical Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD:

ABDURASHITOV Fozil - doctor of Historical Sciences, Professor
CHUBARYAN Alexander - academician of the Russian Academy of Sciences (Russia)
DODHUDOEVA Larisa - doctor of Historical Sciences, Professor;
DUBOVA Nadezhda - doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
FRANKFORT Henri-Paul - foreign Member of the NAST,
Doctor of Historical Sciences, Professor (France)
IBROKHIMOV Murodali - doctor of Historical Sciences, Professor
ISKANDAROV Kosimsho - doctor of Historical Sciences
KHUDZHAGELDIEV Tura - candidate of agricultural sciences
PIRUMSHO Khaidarsho - corresponding Member of the NAST,
doctor of Historical Sciences, Professor;
RAJABOV Askarali - doctor of Historical Sciences, Professor
RICHARD Francis - foreign Member of the NAST, Doctor of Historical Sciences, Professor (France)
SAIDOV Abdukakhhor - doctor of Historical Sciences, Professor
SHARIFZODA Abduvali - candidate of Historical Sciences
YAKUBOV Yusufsho - doctor of Historical Sciences, academician of the NAST

© Ahmad Donish Institute of history, archaeology and ethnography
of the National Academy of Sciences of Tajikistan, 2025.

МУНДАРИҶА - СОДЕРЖАНИЕ - CONTENTS

ТАЪРИХИ ВАТАНӢ - ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ - NATIONAL HISTORY

ХОДЖАЕВА Н. ДЖ. О зороастрийских сезонных праздниках 5
ШАРИФЗОДА А. Қ. Сиккакӯбӣ ва низоми пулии шоҳаншоҳии Ҳахоманишиён 12
САФАРЗОДА Н. Политико-географические факторы разложения государства Тахиридов в Хорасане 25
АРИФДЖАНОВА Н. Р. Национальная идея таджиков: от древних цивилизаций к глобальной водной дипломатии 33
ОДИНАЗОДА Б.Э. Узоры и символы в искусстве Средней Азии 46
НЕЪМАТОВ И. Нақши иттифоқҳои касаба ва созмони комсомол дар раванди саноатикунонии ҶШС Тоҷикистон (1961-1990) 53
УБАЙДУЛЛО Н. К., ҚОЗИЗОДА Ш. Қ. Ҳаёти ҷамъиятию фарҳангии ноҳияи Масчоҳ дар замони Шуравӣ 62
ХОДЖИБЕКОВ Э., АБДУРАХМОНОВ З. В. Основные вопросы развития медицины Таджикистана в период 1979-1980 гг. 74
КУЛЕШОВА А. А. О хоре Театра оперы и балета им. С. Айни в период независимости 83

БОСТОНШИНОСӢ - АРХЕОЛОГИЯ – ARCHEOLOGY

НАВРУЗБЕКОВ М. Н. Палеоантропологические исследования в Таджикистане (2015-2025 гг.) 92

ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ ВА МАРДУМШИНОСӢ -- ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ - ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY

КОБИЛОВА М. П. Некоторые нехарактерные явления в исторической одежде таджиков 101

ТАЪРИХНИГОРӢ ВА МАЪХАЗШИНОСӢ - ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ - HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

НАСРИДДИНОВ Ф. А. Мундариҷа ва сабки таълифи «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ 109
МУРОДЗОДА А. А. Инъикоси ваҳшониятҳои Темур дар осори академик Аҳрор Мухторов 120
МУҲИДИНОВ С. Р. Минётурҳои асримиёнаи Эрону Осиёи Марказӣ ҳамчун сарчашмаи таърихӣ 127
САФАРОВ К. Х. Бартольд В. В. – исследователь истории и культуры таджиков 137

ТАЪРИХИ ИЛМ ВА ТЕХНИКА - ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ - HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

ИСМАТОВ С. Н., КАРИМЗОДА Д. Ҷ. Таҳқиқ ва татбиқи қиматҳои миёнаи функсияҳои Чебишёв аз тарафи олимони тоҷик 143
МУКИМОВ Р. С. Баня - хаммом как утилитарно - бытовая постройка средневекового Востока 155

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

КЕНҶАЕВ М. Илм аз ҳилм некпай гардад 167

ТАЪРИХИ ВАТАНӢ - ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ - NATIONAL HISTORY

УДК 94 (560) : 299.1

О ЗОРОАСТРИЙСКИХ СЕЗОННЫХ ПРАЗДНИКАХ

ХОДЖАЕВА Н. ДЖ.[1]
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

Зороастрийская религия предписывала всем правоверным ежегодно отмечать семь праздников в честь Ахура-Мазды и шесть – Амеша Спента. Согласно зороастрийским преданиям, эти праздники основал пророк Заратуштра [см.:4,68]. Помимо семи календарных праздников зороастрийцы отмечали сезонные праздники – гаханбары (gāhānbārs), которые были древними языческими праздниками и также учреждены Заратуштрой как святые дни его собственной веры [12, 794]. Гаханбары проводились в конце каждого из шести сезонов зороастрийского года. Эти праздники составляли основу религиозного года, и не соблюдение гаханбаров считалось грехом. В «Авесте» (Vr. 1.2) наблюдается интересный факт: и времена года, и праздники называются yāirya ratavō («годовые периоды» от ratu- «периоды») [7,1497-1498] и термин «рад» все еще использовался в этом смысле в раннем среднеперсидском языке, как и термин «гах» в значении «(назначенное) время» [15, 264-266]. Слово «гаханбар» состоит из двух частей: гах – «время» и бар – «плод», то есть это время созревания плодов.

Происхождение гаханбаров объясняется тем, что, согласно зороастрийской доктрине, сотворение мира принадлежит Ахура-Мазде, который создал шесть творений: небо, воду, землю, растения, животных и человека (Bd.1.28) [16]. Эти шесть творений он создал в течение 365 дней, которые делятся на шесть периодов. Зороастрийцы должны отмечать сотворение мира шестью праздниками – гаханбарами, которые посвящены этим шести творениям мира (Bd. 25.1). Тем самым, согласно, зороастрийскому календарю, в течение года древние иранцы отмечали шесть гаханбаров. Традицией отмечать гаханбары древние иранцы выражали благодарность творцу Ахура-Мазде и его творениям за сезонные дары и их благословение (āfarīn). Эта традиция помогала укрепить чувство братства среди людей, призывала напомнить зороастрийцам об их корнях и о том, что они должны творить благие дела. Бируни дает подробное описание происхождения гаханбаров и как их отмечают [2, 223-253].

Гаханбары распределены по всему году, разделяя его на шесть сезонов, которые следуют друг за другом неравномерно. В «Авесте» (Vr. 1.2) [6, 1] и «Стоглав

[1] Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа (III – начало XX века), государственный регистрационный номер 0121TJ1211.

Бундахишне» («Saddar Bundaheš») [18] указаны названия этих праздников и их эпитеты. Они перечислены следующим образом:

Маидйой-зарэмайа (авест. Maiδiiōi.zarəmaiia) – середина весны, означает букв. «середина позеленения». Согласно «Висппераду» «молочный» (paiiah-). Праздник, проходивший под защитой Шахревара, спустя сорок пять дней после начала года. Он приходился на пятнадцатый день второго месяца, символизируя создание неба.

1. Маидйой-шема (авест. Maiδiiōi. šəma) – летнее солнцестояние, означает букв. «середина лета». Согласно «Висппераду», благоприятный для полевых работ (wāstrō-dātainiia-). Праздник, проходивший под защитой Амахраспанда Хордада, спустя шестьдесят дней после первого праздника. Он приходится на пятнадцатый день четвертого месяца, символизируя создание воды.

2. Паитишахйа (авест. Paitiš.hahiia) – жатва означает букв. «возвращение зерна». Согласно «Висппераду», «хлебный» (hahiia-). Праздник, проходивший под защитой Амахраспанда Спандармада, спустя семьдесят пять дней после предыдущего или тридцатый день шестого месяца, символизируя создание земли. Третий гаханбар совпадал с окончанием лета и началом осени, когда поспевал урожай и происходил его сбор.

3. Айатрима (авест. Aiiāθrima) – праздник возвращения скота с летних пастбищ, означает букв. «возвращение к дому». Согласно «Висппераду», «возвращение (стад) и отпуск самцов (на спаривание с самками)» (fraourva ēštrimavaršni.haršta-). Праздник символизирующий конец лета, проходивший под защитой Амахраспанда Амурдада, спустя тридцать дней после предыдущего. Он приходится на тридцатый день седьмого месяца, символизируя создание растений.

4. Маидйаирйа (авест. Maiδiiāiriia) –зимнее солнцестояние, означает букв. «середина года»). Согласно «Висппераду», «дождливый (сезон)» (sarəδa-).Праздник, проходивший под защитой Амахраспанда Вахмана, спустя восемьдесят дней после предыдущего. Он приходился на двадцатый день десятого месяца, то есть середину зимы, символизируя создание скота, то есть животных.

5. Хамаспатмаэдайа (авест. Hamaspaθmaēδaiia) – конец года, означает букв. «период между двумя годами, за которым следует лето». Согласно «Висппераду», «сотворение пользы» (arətō.karəθna-).Шестой гаханбар совпадал с окончанием зимы и преддверием весны и переходил в праздник фравашей, или поминания душ близких предков [11, 33-34]. Отмечался в конце года, спустя семьдесят пять дней после предыдущего. Он приходился на последний день года, то есть на день весеннего равноденствия, и проводился под защитой самого Ормузда (в сасанидский период праздник длился десять дней и был известен под названием Фравардиган) [7, 160, 838, 1117-1119, 1775-1776; 3, 132-134]. Тем самым, шестой гаханбар совпадал с празднованием Навруза. Этот гаханбар был посвящен сотворению человека и воздаянию почестей ушедшим в загробный мир душам предков; при этом указывалось, что особым уважением и почитанием пользуются наиболее праведные души, творившие при жизни добро, и оказывавшие благодеяния [14, 118].

Что касается времени празднования гаханбаров, то согласно зороастрийской традиции пятый их день, когда проходит собственно сам праздник, приходится на следующие даты зороастрийского календаря:

Маидйой-зарэмайа приходится на день Дэй-бе-Михр месяца Ардбихишта. Это 15 день 2-го месяца года.

Маидйой-шема приходится на день Дэй-бе-Михр месяца Тир. Это 15-й день 4-го месяца года.

Паитишахйа приходится на день Анарам месяца Шахривар. Это 30-й день 6-го месяца года.

Айатрима приходится на день Анарам месяца Мехр. Это 30-й день 7-го месяца года.

Маидйаирйа приходится на день Варахрам месяца Дэй. Это 20-й день 10-го месяца года.

Хамаспатмаэдайа приходится на день Вахиштоиш благой пятерки – дней Гат, то есть на последний день года.

М. Бойс отмечает, что четвертый фестиваль посвящен возвращению животных в приют до наступления зимы. Таким образом, первое, третье и четвертое числа отмечают времена, важные для скотоводов и земледельцев, в то время как второе и пятое отмечают природные явления (солнцестояния), важные для тех, кто считал время главным образом по солнцу. Тот факт, что день зимнего солнцестояния называется «середина года», показывает, что изначально эти праздники относились к календарю, в котором год отсчитывался от летнего солнцестояния [13]. Тем самым, названия гаханбаров свидетельствует о том, что у древних иранцев одинаково преобладали два типа хозяйственной деятельности: земледелие и скотоводство.

В «Бундахишне» объясняется, как подсчитать день наступления очередного гаханбара. Из источника следует, что гаханбары разграничивают год по точкам равноденствий и солнцестояний. Так, «всегда сначала следует считать дни, а потом ночи, потому что сначала уходит день, а потом приходит ночь. И от праздника медйошам, что в день Хвар месяца Тир подвижного (года), до праздника медйорам, что в день Вахрам месяца Дэй подвижного (года), самый короткий день, ночь – увеличивается. От праздника медйорам до праздника медйошам ночь уменьшается, а день увеличивается. ... В праздник хамаспадмайдим, то есть в пять (дополнительных дней) в конце месяца Спандармад, день и ночь опять равны» (Bd. 25.2-3, 6).

Обращаясь к вопросу о времени канонизации гаханбаров, мы не можем не согласиться с точкой зрения М. Бойс, которая полагает, что в то время как шесть гаханбаров, чьи младоавестийские названия указывают на то, что они были праздниками скотоводов и земледельцев, были, вероятно, приняты и заново посвящены вере его (Заратуштры) последователями в период «Младшей Авесты», то есть примерно в 1200-800 гг. до н.э. [11, 105].

В «Стоглав Бундахишне» говорится, что «при наступлении очередного периода времени люди обязаны совершать обряд бескровного жертвоприношения

(мйазд) гаханбару, раздавать еду нищим, возносить молитвы благословения в честь богов, совершать церемонии афринган и благодарить Бога Всевышнего» [18, 57].

Тем самым, для всех гаханбаров обязательны две церемонии: афринган (āfarīn) – благословение, или особый вид богослужения и молитвы, текст которой входил в «Младшую Авесту», и бадж (bāj) – богослужения, связанные с приношениями всеми членами общины пожертвований и даров. Гаханбары проводились в храмах и святилищах огня, у семейного домашнего алтаря. Прежде чем входить в святилище или храм, каждый зороастриец должен был совершить омовение и частичный или полный обряд очищения [4, 69].

Сначала гаханбары отмечали, очевидно, один день, что наблюдалось в парфянский период. Тогда не было для них специального богослужения. Скорее всего, при Сасанидах была разработана расширенная служба, специально предназначенная для их празднования, известная как Vīspo Ratavō или jašt ī Visperad («Служба всем Повелителям») [12,795]. Она посвящается Ормазду, «верховному Повелителю», а под его руководством – всем богам благого творения. Богослужение совершали во время Hāvan Gāh, то есть между восходом солнца и луной в дни гахамбара. Было принято, чтобы все священники той или иной местности собирались вместе для празднования в их главном месте отправления культа, где также присутствовало много мирян [9, 277]. Этот торжественный обряд был особым поводом для принесения в жертву животных, жир которых приносился в жертву огню [8, 101-103].

Ритуалы и церемонии, связанные с празднованием каждого гаханбара длились пять дней. Установление пятидневных гаханбаров, вероятно, относится ко второй сасанидской реформе календаря, которую М. Бойс датирует периодом между 507 и 511 гг. [12, 808]. Первые четыре дня праздника были подготовительными, последний пятый – днем самого гаханбара. В этот день проводились все основные обряды. Зороастрийцы соотносили пять дней гаханбара, то есть «времени Гат» с пятью «Гатами» Заратуштры. Особенно это характерно для последнего гаханбара, который полностью приходит на Благую Пятерку дней «Гат».

В дни гаханбаров запрещалась любая работа. Как при праздновании Навруза и Мехргона, приготовление к гаханбарам начиналось за несколько дней до наступления праздников. Дома убирались и украшались, зороастрийцы надевали свои лучшие одежды, готовили сладости и другие блюда. Согласно традиции, каждый сначала посещал, по крайней мере, часть религиозных служб, произнося свои собственные молитвы, пока они совершались священниками; или, если они не могли этого сделать, то, по крайней мере, принимали участие, разделяя пищу, которую затем благословляли [10, 34-35, 39-40, 232-234].

После совершения религиозной службы каждый зороастриец должен радоваться, потому что быть, как можно более веселым, стало приятной обязанностью. Это объясняется тем, что в зороастрийской доктрине жизнерадостность – это позитивная добродетель, оружие против печали и забот.

Пиршество, дружеское и приятное совместное употребление пищи и напитков, составляет важную часть зороастрийских праздников, особенно гаханбаров. О том, какие кушанья следует готовить на эти праздники, говорится в седьмом наске Пазаг «Большой Авесты», о чем отмечено в «Персидском Риваяте». Так, среди традиционных праздничных блюд на столе обязательно должны стоять смесь из фиников, сенджеда (дикая маслина), миндаля, грецких орехов, сушеных персиков и сухих орешков, поверх которой водружается гранат с веточками вечнозеленого мирта – знака Ахура-Мазды. На стол ставятся также лепешки и другие блюда, регулярно употреблялось вино, и произносились тосты. Кроме того, всегда звучала музыка – либо во время пира, либо после него, либо и то, и другое вместе.

Мясо ставилось на стол, наряду с хлебом и фруктами, которые также освящались во время богослужения. Считалось, что на тех, кто вкушал это мясо, нисходила благодать, так назывались освященные подношения. Всех призывали в качестве религиозного долга внести свой вклад, каким бы незначительным он ни был. Если человек был слишком беден, чтобы иметь что-то, что он мог бы пожертвовать, он все равно должен был присутствовать и разделять со своими собратьями, как богослужение, так и радость. Если гахамбар по соседству проводился в доме врага, он все равно должен был пройти, потому что это время года было самым подходящим для примирения и способствовать развитию братской любви, а также благочестия [17, 290, 325].

Гахамбары отмечали все – и богатые, и бедные. В «Персидском Риваяте» говорится, что Хосров Анушерван пышно отпраздновал день гахамбар Хамаспатмаэдайа, пригласив всех подданных, знатных и незнатных, на свой пир. Но во сне он узнал, что, несмотря на его щедрость, еще большая заслуга досталась бедному человеку, который, не имея возможности присутствовать на царском гахамбаре, продал створку своей деревянной двустворчатой двери, и «отпраздновал гахамбар, как мог», лишая себя всего, ради того, чтобы поклониться Богу [17, 325].

Самым главным из гахамбаров считался праздник Хамаспатмаэдайа, так как он завершал и начинал серию гахамбаров. Этот праздник совпадал с Наврузом. В «Авесте» говорится:

«Добрым, сильным, святым
Фраваши праведных поклоняемся,
Которые в свои дома прилетают
Во время Хамаспатмаэдайа [10-12 марта],
Которые здесь [в этом мире] проводят
Десять ночей,
Осведомляясь [о родственниках]»
(Yt. 13.49).

Почему во время Хамаспатмаэдайа приходят фраваши, и какие в этой связи имеются предписания для праведников, говорится в «Стаглав Бундахишне: «в Хамаспатмаэдайе все фраваши нисходят на эту землю, и все они возвращаются в свои собственные [прежние] обители... Когда празднуется гахамбар, проклятый Ахриман ошеломлен, а души нечестивцев освобождены из ада и снова возвращаются в

свои собственные обители. Души благочестивых радуются и веселятся... души нечестивых пребывают в страхе... подобно человеку, который выходит из императорской тюрьмы и ежечасно боится, как бы его не вернули обратно в его родное место... Поэтому необходимо для мужчин, чтобы [в течение] этих... дней они возжигали благовония и восхваляли души, совершали мах и афринаган и читали Авесту, чтобы эти души пребывали в комфорте, радости и восхищении. И... в течение этих... дней они не должны заниматься ничем другим, кроме выполнения обязанностей и добрых дел, чтобы души могли с радостью вернуться на свои места и произнести благословение» [18, 60].

Подобные предписания описывает и Бируни: «В это время люди приносят еду в наусы мертвецов, а напитки на крыши домов, веря, что духи их умерших... выходят из места их награды или наказания, приходят к приготовленным для них кушаньям, всасывают их силу и впитывают их вкус. Они окуривают свои дома девясилом, чтобы умершие могли насладиться его запахом. Духи благочестивых людей обитают среди их семей, детей и родственников и занимаются их делами, хотя и невидимы для них»[2, 236].

Следует отметить, что ритуалы и обряды, связанные с проведением гахамбаров, были одинаковые для каждого праздника. Традиция празднования гахамбаров насчитывает не одно тысячелетие, сохранившись до наших дней. В настоящее время интерес к изучению зороастризма вновь увеличился, предпринимаются попытки углубленного изучения зороастрийских источников. Изучение зороастрийских праздников, особенно обрядовой практики, связанной с проведением гахамбаров, позволил выявить древний пласт в духовной культуре таджиков и других современных иранских народов. Таким образом, изучение гахамбаров важно для изучения истории, истории религии и истории духовной культуры иранских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авеста в русских переводах (1861-1996). Сост., общ. ред., прим., справочный раздел И.В. Рака. – СПб.: «Журнал «Нева»», «Летний Сад», 1998. – 480 с.
2. Бируни Абу Рейхан. Избранные сочинения Т. I / Абу Рейхан Бируни. – Ташкент: Изд-во АН УзбССР, 1957. – 485 с.
3. Гюиз Ф. Древняя Персия / Ф. Гюиз. – М.: Вече, 2007. – 336 с.
4. Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране. Историко-этнографический очерк / Е.А. Дорошенко. – М.: Наука, 1982. – 135 с.
5. Зороастрийские тексты. Суждения Духа Разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение Основы (Бундахишн) и другие тексты. Издание подготовлено О. М. Чунаковой. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – 352 с.
6. Avesta. См. электронный ресурс: http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etsc/iran/airan/ avesta/avest.htm (Дата доступа: 12.03.2024).
7. Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch / Chr. Bartholomae. – Strassburg: Verlag Von Karl J. Trübner, 1904. – 2000 sp.
8. Boyce M. Ātaš-zobr and Āb-zobr / M. Boyce // JRAS. – 1966. – P. 101-103.
9. Boyce M. The Pious Foundations of the Zoroastrians / M. Boyce // BSOAS. – 1968. XXX. – P. 270-289.
10. Boyce M. A Persian stronghold of Zoroastrianism / M. Boyce. – Oxford: Clarendon Press, 1977. –

284 p. (Ratabani Katrak lectures, 1975)

11. Boyce M. Zoroastrianism: Its Antiquity and Constant Vigour / M. Boyce. – Costa Mesa: Mazda Publishers, 1992. – 204 p. (Columbia Lectures on Iranian Studies, No.7).

12. Boyce M. Iranian festivals / M. Boyce // The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (2): The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods. Ed. By E. Yarshater. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P. 792-819.

13. Boyce M. Gāhānbār /M. Boyce/Encyclopædia Iranica, online edition. 2012. URL: https://iranicaonline.org/articles/gahanbar (Date of issue 25/10/2024).

14. Duchesne-Guillemin J. La religion l'Iran ancient /J. Duchesne-Guillemin. – Paris: Presses Univ. de France, 1962. – 411 p.

15. MacKenzie D.N. A Zoroastrian Master of Ceremonies / D.N. MacKenzie // W.B. Henning Memorial Volume. Ed. by M. Boyce, I. Gershevitch. – London: Lund Humphries. – P. 264-271.

16. The Bundahis, Bahman-Yasht [Pahlavi], and Shâyast [and: Appendix to the Bundahis: Selections of Zâdspram, brother of dastûr Pârs and Kirmân, A.D. 881. – Oxford, University Press, 1880. – 434 p. Part I. Chapters I-IX (Paraphrase of Bundahis, I-XVII)]. Transl. by E. W. West. – P. 1-151. (SBE, vol. 5).

17. The Persian Rivoyats of Hormazyar and Others. Their version with Introductions and note by E.B.N. Dhabhar. – Bombay: The K.R. Cama Oriental Institute, 1932. – 658 p.

18. Šāyast – nā šāyast («Что можно, а что нельзя»). Предания и обычаи позднего зороастризма. Введение, комментированный перевод с персидского. Библиография. Приложения. Подготовлено к изданию А.И. Колесниковым. – СПб.: Наука, 2021. – 135 с.

О ЗОРОАСТРИЙСКИХ СЕЗОННЫХ ПРАЗДНИКАХ

Зороастрийская религия предписывала всем правоверным ежегодно отмечать семь праздников в честь Ахура-Мазды и шесть – Амеша Спента. Согласно зороастрийским преданиям, эти праздники основал пророк Заратуштра. Помимо семи календарных праздников зороастрийцы отмечали сезонные праздники – гаханбары (gāhānbārs), которые были древними языческими праздниками и также учреждены Заратуштрой как святые дни его собственной веры.

Автор статьи рассматривает вопросы происхождения Гаханбаров, времени их празднования, а также обычаи и обряды, связанные с этими праздниками. Автор отмечает, что традиция празднования гахамбаров насчитывает не одно тысячелетие, сохранившись до наших дней. Изучение зороастрийских праздников, особенно обрядовой практики, связанной с проведением гахамбаров, позволил выявить древний пласт в духовной культуре таджиков и других современных иранских народов.

Ключевые слова: *гаханбары, зороастризм, Авеста, Бундахишн, Заратуштра, традиции, обряды, фраваши.*

ДАР БОРАИ ҶАШНҲОИ МАВСИМИИ ЗАРДУШТӢ

Дини зардуштӣ ҳамаи пайравони худро муваззаф мекард, ки ҳафт ҷашни солонаро ба ифтихори Аҳуро Маздо ва шаш ҷашни дигарро ба шарафи Амеша Спанта (Амшоспандон) таҷлил намоянд. Тибқи ривоятҳои зардуштӣ, ин ҷашнҳо аз ҷониби пайғамбар Зардушт таъсис дода шудаанд.

Ба ҷуз аз ҳафт иди тақвимӣ, зардуштиён ҷашнҳои мавсимиро низ таҷлил мекарданд, ки бо номи гоҳанбарҳо машҳуранд. Онҳо аз идҳои қадимаи бутпарастӣ буданд ва аз ҷониби Зардушт ҳамчун рӯзҳои муқаддаси дини ӯ муқаррар гардиданд.

Муаллифи мақола масъалаҳои пайдоиши гоҳанбарҳо, замони баргузории онҳо, инчунин урфу одат ва маросимҳои вобаста ба ин ҷашнҳоро мавриди таҳқиқ қарор додааст. Муаллиф ишора мекунад, ки суннати ҷашн гирифтани гоҳанбарҳо беш аз як ҳазора аст, ки то ба имрӯз зинда мондааст. Баррасии ҷашнҳои зартуштӣ, ба вижа амалияи расмии марбут ба баргузории гоҳанбарҳо лояҳои бостониро дар фарҳанги маънавии тоҷикон ва дигар халқҳои муосири эронӣ ошкор кунад.

Калидвожаҳо: *гоҳанбарҳо, зардуштия, Авасто, Бундаҳишн, Зардушт, анъанаҳо, маросимҳо, Фраварши.*

ABOUT THE ZOROASTRIAN SEASONAL FESTIVALS

The Zoroastrian religion prescribed that all believers celebrate seven festivals annually in honor of Ahura Mazda and six in honor of Amesha Spenta. According to Zoroastrian legends, these holidays were founded by the prophet Zarathustra. In addition to the seven calendar holidays Zoroastrians celebrated seasonal festivals, gahanbars, which were ancient pagan holidays and were also established by Zarathustra as holy days of his own faith.

The author of the article examines the issues of the origin of Gahanbars, the time of their celebration, as well as the customs and rituals associated with these holidays. The author notes that the tradition of celebrating the Gahambars goes back more than one millennium and has survived to the present day. The study of Zoroastrian festivals, especially the ritual practices associated with the celebration of the Gahambars, has made it possible to identify an ancient layer in the spiritual culture of the Tajiks and other modern Iranian peoples.

Key words: *Gahanbars, Zoroastrianism, Avesta, Bundahishn, Zarathustra, traditions, rituals, Fravashi.*

Сведение об авторе: Ходжаева Наргис Джомиевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: Республика Таджикистан, 734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33. Тел.: (+992) 918-64-91-85; E-mail: rangha@mail.ru

Information about the author: Khojaeva Nargis Jomievna - Doctor of History, Leading Researcher of the Department of Ancient, Mediaeval and New History of the A.Donis Institute of History, Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Tajikistan. Adress: Republic of Tajikistan, 734025, Dushanbe, 33 Rudaki Ave. Tel.: Тел.: (+992) 918-64-91 85; E-mail: rangha@mail.ru

УДК 94 (560) : 336.74

СИККАКӮБӢ ВА НИЗОМИ ПУЛИИ ШОҲАНШОҲИИ ҲАХОМАНИШИЁН[1]

ШАРИФЗОДА А. Қ.,
Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Сикка ҳамчун хориқаи таърихӣ яке аз муҳимтарин ихтирои башарӣ буда, дар гузори таърих аз ибтидои пайдо шуданаш то имрӯз дар ҳаёти инсоният нақши мондагор дорад. Пешрафти иқтисодиёт ва зарурати танзиму такмили тиҷорат, пардохти ҳаққи кор, нигоҳ доштани лашкари кироя ва дар умум мустаҳкам намудани сохти давлатдорӣ ҳанӯз дар замонҳои қадим зарурати кӯбидани сиккаро ба миён овард. То ихтироъ ва истифодаи сикка муомилоти пулӣ тавассути ашёи гуногун ва филизоти қиматбаҳо амалӣ мегашт. Асоси муомилоти тиҷоратӣ ва ҳақпардозиро шаклҳои гуногуни мол, аз ҷумла маҳсулоти кишоварзӣ, чорводорӣ

[1] Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи илм ва техникаи халқи тоҷик аз давраи қадим то замони ҳозира», рақами қайди давлатӣ 0121TJ1273 навишта шудааст.

ва филизӣ ташкил медод. Ҳаққи иҷрои кор низ бо маҳсулоти гуногуни табиӣ пардохта мешуд. Ғуломон низ бо мол ва маҳсулоти гуногун иваз карда мешуданд.

Соли 1967 дар ҷараёни ковишҳои бостоншиносӣ дар Нушҷонтеппаи Малойири Ҳамадон аз қабатҳои мадании давраи Модҳо зиёда аз 200 нуқрапораи гудохташуда кашф гардид ва онҳоро А.Д. Бивар «пули ибтидоӣ» номидааст [2, 613].

Тибқи Вандидоди Авасто, дар Эрони бостон ба табиб барои табобати шаҳриёр як гардунаи чаҳорасба, барои табобати ҳамсари шаҳриёр - шутури мода, барои табобати хонахудо (кадхудо) - хурдтарин чорво (сутур), барои табобати ҳамсари раиси хона - маркаби мода, барои табобати раиси деҳа - чорвои миёна, барои табобати ҳамсари раиси деҳа - гови мода, барои табобати раиси ноҳия - чорвои калон, барои табобати ҳамсари раиси ноҳия - аспи мода, барои табобати чорвои калон - чорвои миёна ва барои табобати гӯсфанд - хӯроки гӯштӣ ҳамчун музди кор муайян гардида буд [1, 737]. Ин гуна муқаррароти авастоӣ аз мавҷуд набудани сикка ва муомилоти пулии даврони авастоӣ дарак медиҳад.

Дар хусуси инкишофи минбаъдаи муносибатҳои тиҷоратию молӣ бояд зикр кард, ки захира намудани маҳсулот ба муҳлати дароз, пеш аз ҳама маҳсулоти кишоварзӣ ва чорводорӣ ғайриимкон буд. Бинобар ин, филизоти қиматбаҳо аз қабили тилло ва нуқра ҳамчун сарват ҷамъоварӣ мешуданд. Пораҳои онҳо ҳам дар шакли хом ва ҳам дар шакли гудохтаи гуногуншакл дар муомилоти молӣ ва ҳақпардозӣ истифода мегардиданд, ки намунаҳои онҳо дар гӯшаҳои гуногуни олам кашф ва таҳқиқ шудаанд [11, 15-16]. Аммо ин филизпораҳои қиматбаҳо шакли якхела, вазн ва арзиши меъёрӣ надоштанд, ки ин дар навбати худ дар муомилоти молӣ мушкилоти зиёд ба вуҷуд меовард.

Дар ин замина зарурати рӯ овардан ба Лидия пеш меояд. Зеро лидиягиҳо, тибқи навиштаи Ҳеродот, нахустин ихтироъкорони сикка маҳсуб мешаванд [6, 42] ва нақши онҳо дар ташаккул ва рушди сиккакӯбӣ ва низоми пулии Ҳахоманишиён бисёр муҳим аст.

Тақрибан дар чоряки сеюми асри VII пеш аз милод лидиягиҳо ё иониҳо ба кӯбидани сиккаҳои электрум оғоз намуданд. Ҳаштод сол баъд подшоҳ Крез (560-546 п.м.) аввалин касе буд, ки барои сиккакӯбӣ аз тилло ва нуқраи пок истифода кард ва ба ин васила қолаби сиккакӯбии подшоҳиро ба вуҷуд овард [19, 60].

Лидия дар асрҳои VII-VI пеш аз милод яке аз бузургтарин марказҳои тиҷоратии замон дар Осиёи Хурд маҳсуб ёфта, тиҷорат аз муҳимтарин шуғлҳои ҷомеаи он ба ҳисоб мерафт. Аҳолии он барои ворид намудани тилло ва нуқра аз хориҷ эҳтиёҷ надоштанд, зеро аз соҳили дарёи Пактол (Pactolus) тиллои зиёд ҷамъоварӣ карда, онро бо дигар маҳсулоти зарурии худ иваз менамуданд. Аммо чунин мубодилаи молӣ мушкилоти зиёд дошт ва равшан набуд, ки як навъи мол бо моли дигар бо кадом меъёр ва ченак иваз карда шавад.

Аввалин сиккаҳои лидиягӣ вазн ва шакли яксон надошта, аз электрум - омехтаи тилло ва нуқра кӯбида мешуданд [11, 50-53]. Кӯбидани нахустин сиккаҳое, ки вазн, иёр, шакл, тасвир, филиз ва арзиши муайян доштанд, ба охирин шоҳи Лидия - Крез (561-546 пеш аз милод) нисбат дода мешавад. Ин сиккаҳоро дар сарчашмаҳо «сиккаҳои крезӣ» номидаанд [22, 19-21].

Крез бародари ҳамсари охирин шоҳи Мод, Астиаг (падарарӯси Куруши Кабир) ва яке аз сарватмандтарин шахсони замони худ ба шумор мерафт [3, 3]. Ӯ аз тилло ва нуқра сикка кӯбонда, холисии онҳоро то 99 фоиз мерасонд [21, 87]. Ин сиккаҳо меъёри муайян доштанд ва юнониёни қадим онҳоро «статер» меномиданд. Ба қавли муҳаққиқон, вожаи «статер» решаи бобулӣ дошта, аз номи эзадбону Иштар гирифта шудааст ва маънои аслии он «меъёр», яъне сиккаи дорои меъёри муайян мебошад [3, 7].

Крез баъди ислоҳоти пулӣ барои сиккаҳои тилло вазни меъёрии аз 8,6 то 8,19 грамм ва барои сиккаҳои нуқра вазни меъёрии аз 10,75 то 10,92 граммро таъйин намуд.

Машҳуртарин статерҳои крезӣ ҳамон статерҳо мебошанд, ки дар як тарафи онҳо фурӯрафтагӣ (барҷаста нашудан) ва дар тарафи дигарашон тасвири барҷастаи нимтанаи шер ва буққа ҷой дорад. Ташаббускори асосии кӯбидани сиккаҳои лидиёӣ давлат–полис дар симои Крез буд ва сиккаҳои лидиягӣ пеш аз ҳама барои пардохти музди сарбозони лашкари кирояи Лидия, ки Крез онҳоро дар лашкаркашиҳои худ истифода мекард, кӯбида мешуданд. Ҳамчунин сиккаҳои крезӣ на танҳо дар ганҷинаандӯзӣ ва муомилоти пулӣ, балки дар маросимҳои динӣ низ истифода мегардиданд. Чунончи, шоҳ Крез соли 560 пеш аз милод чунин сиккаҳоро ба маъбади Эфсус ҳадя намудааст. Дар маҷмуъ, ӯ низоми пулиеро асос гузошт, ки аз доираи Лидия берун рафт. Мақсади ниҳоии Крез табдил додани сиккаҳои лидиягӣ ба асъори байналмилалӣ буд [22, 21].

Аммо ишғоли Лидия аз ҷониби Куруши Кабир дар соли 546 пеш аз милод (зикри санаи ин рухдод яксон нест) ин ҳадафи Крезро барҳам зад. Дар робита ба ин суоле матраҳ мегардад, ки оё сиккаҳои лидиягӣ ба сиккакӯбии Ҳахоманишиён иртибот доранд ё не. Маълум аст, ки Куруши Кабир пойтахти Лидия - шаҳри Сард, аз ҷумла мехкадаи онро забт намуда, Крезро асир мегирад. То ин вақт Ҳахоманишиён сиккаи худӣ намебароварданд ва аз сиккаҳои лидиягӣ ва дигар сиккаҳои юнонӣ истифода мекарданд ва онҳо аз аҳаммияти сикка дар давлатдорӣ огоҳ буданд. Аммо кӯбидани сикка аз ҷониби Куруш ва писараш Камбуҷия мушаххас нест. Аксари муҳаққиқон бар онанд, ки онҳо ба ишғоли кишварҳои дигар машғул буда, фурсати аз номи худ сикка баровароданро надоштанд.

Куруши Кабир сиккакӯбӣ ва муомилоти пулиро бо сиккаҳои лидиягӣ дар қаламрави давлати худ иҷозат дода, мехкадаи (сиккахонаи) Сардро вайрон накард. Писараш Камбуҷия низ, бо назардошти лашкаркашиҳои пайдарпай ва зарурати фурӯ нишонидани ошӯбу исёнҳо, сикка накӯбида, гардиши сиккаҳои лидиягӣ ва юнониро дар ҳудуди давлати Ҳахоманишиён иҷозат дод [15, 10].

Аксари сиккашиносон бар ин назаранд, ки то оғози сиккакӯбии ҳахоманишӣ ва ҳатто дар давраи ҳукмронии Дориюши Бузург (солҳои 522-486 пеш аз милод) сиккаҳои лидиягӣ дар ҳудуди империяи Ҳахоманишиён дар муомилот қарор доштанд.

Дар бораи он ки аз ҷониби кадом шоҳи ҳахоманишӣ аввалин бор дарик ва сигил кӯбида шудааст, дар илм андешаи ягона вуҷуд надорад. Бархе олимон бар ин назаранд, ки номи ин навъи сиккаи тиллоии ҳахоманишӣ аз номи Дориюши Бузург гирифта шудааст. Онҳо суханони Ҳеродотро асос мегиранд. Тибқи навиштаи Ҳе-

родот, Арианд, ки сатрапи Миср буд, бе иҷозати Дориюши Бузург сиккаи софи нуқра кӯбид ва бо ин сабаб бо амри шоҳаншоҳ ба қатл расид. Ҳеродот дар рафти нақли ин рӯйдод таъкид мекунад, ки «Дориюш мехост ёдгории бузурге барпо созад, ки ҳеҷ подшоҳи пешин барои худ насохта буд» [6, 230]. Зери мафҳуми «ёдгорӣ» дар ин ҷо маҳз кӯбидани сиккаи беғаш дар назар дошта шудааст.

Дар робита ба ин масъала Э. Бабелон чунин менависад: «Ба таври куллӣ бояд эътироф кард, ки Куруш (559-529 п.м.) ва Камбиз (529-522 п.м.) аз вазъ ва ҷойгоҳи сиккаҳои Крез дар Миёнрӯдон (Байнаннаҳрайн) огоҳ буданд. Далелҳои бениҳоят равшан нишон медиҳанд, ки баъзе аз сиккаҳои Крез дар аҳди Куруш дар Байнаннаҳрайн мавриди муомилот қарор доштаанд. Дар ҷараёни ташкили давлати Форс, Куруш сиёсати хирадмандонаеро пеш гирифт, ки аз бархӯрди шадид бо умури дохилӣ парҳез карда, барои ҷалби дудасти кишварҳои фатҳшуда талош менамуд. Ба ҳамон андоза, ки Куруш дар умури динӣ мудоро мекард ва ба эътиқодоти умумии мардум арҷ мегузошт, дар умури иқтисодӣ низ бо эҳтиёт амал мекард. Агар бихоҳем аз илали ин масоил сухан бигӯем, метавон ибтидо аз поён оғоз кард ва пурсид, ки чаро Куруш танҳо ба сиккаи Крез қаноат накард?

Пас чаро Куруш сиккаи дигаре ихтироъ накард ва ба кор нагирифт? Қиёс ба ақли солим ин аст, ки агар Куруш дар ин бора тасмиме дошт, онро амалӣ мекард. Аммо интизор будан барои иваз кардани сикка кори оқилонае набуд. Дориюш, баръакси Куруш, ки ташкили давлати Форсро такмил намуд, худ масъулияти танзими равобити иқтисодиро бар дӯш гирифт, дар ҳоле ки Куруш танҳо иқтисодиёти таъйидкардаи давлати пешинаро мубодила менамуд» [18, 3].

Дар ҳақиқат, Дориюши Бузург дар таърихи ниёкони мо аввалин шуда, дар сикка тасвири шоҳро истифода мекунад ва то ӯ ҳеҷ шоҳи дигар чунин тасвирро дар сикка наоварда буд. Бо вуҷуди ин, гурӯҳи дуюми олимон, бавижа донандаи барҷастаи забонҳои бостон доктор Ҳ. Р. Боғбедӣ бар он аст, ки «номи Дориюш» дар забони форсии бостон вуҷуд надорад. Аз ин рӯ, ин вожаро наметавон муштақ аз номи Дориюш донист. Ба таъкиди ӯ, «дарик» дар форсии бостон «дарӣ» ба маънои «заррин, тиллоӣ» будааст [3, 5].

Ҳахоманишиён ду навъи асосии сикка мекӯбиданд. Яке сиккаи тиллоӣ – дарик ва дигаре сиккаи нуқрагӣ – сигил (сиглос). Дарик бо сабаби иёри баландаш асъори байналмилалӣ буда, ҳатто дар китоби Библия зикр шудааст [7, 206]. Сигилро ба порсии қадима «падука» (пафука) мегуфтанд, ки маънояш гӯсфанд аст. Нархи як гӯсфанд як сигил буд. Сигил дар бозори дохилӣ нақши асосӣ мебозид. Дар сиккаҳои ҳахоманишӣ ном, солу ҷои кӯбиш ва номи шоҳаншоҳ зикр нашудааст, ки ин муайян намудани таърихи дақиқи ҳар як навъи сиккаро душвор мегардонад. Аммо илми бостоншиносӣ барои ҳалли масъалаи санаи оғози сиккакӯбии Ҳахоманишиён мусоидат мекунад.

Соли 1933 дар ҷараёни ҳафриёти толори марказии Оподони Тахти Ҷамшед ду сандуқи сангӣ бо як лавҳаи заррин ва як лавҳаи симин кашф гардид. Олимон муайян намуданд, ки дар онҳо бо фармони Дориюши Бузург ба забонҳои форсии бостон, эломӣ ва бобулӣ катиба ҳак шудааст. Илова бар ин, аз ҳар як сандуқ боз чор сиккаи тиллоии лидиягӣ ва ду сиккаи нуқрагии юнонӣ ба даст омадааст. Аммо дар

ин сандуқҳо ягон сиккаи ҳахоманишӣ (дарик ё сигил) мавҷуд набуд. Маълум аст, ки бинои Ободон соли 516 пеш аз милод бунёд шудааст. Агар Куруши Кабир ё дигар шоҳони Ҳахоманишиён, аз ҷумла Дориюши Бузург, то соли 516 пеш аз милод сикка мекӯбиданд, пас дар сандуқҳо ҳатман сиккаҳои ҳахоманишӣ гузошта мешуданд.

Чунончи, аз Тахти Ҷамшед лавҳае ба забони эломӣ ёфт шудааст, ки ба соли 22-юми ҳукумронии Дориюши Бузург, яъне ба соли 500 пеш аз милод мансуб буда, дар он нақши ду дарик инъикос ёфтааст [16, 60]. Аз ин бармеояд, ки аввалин дарикҳо байни солҳои 516 ва 500 пеш аз милод кӯбида шудаанд. Аксари сиккашиносон бар онанд, ки кӯбидани дарикҳо соли 515 пеш аз милод оғоз ёфтааст. Хулосаи ин матлаб он аст, ки аз эрониён аввалин шуда Дориюши Бузург аз тилло ва нуқра сикка кӯбидааст.

Дарик аз 8,42 то 8, 83 грам ва сигил аз 5,6 то 5,88 грамм вазн дошт. Як дарик баробари 20 сигил арзиш дошт [7, 204]. Тағйирёбии каму беши вазну қурби нисбии дарику сигил истисно набуд.

Э. Бабелон кӯшиш намудааст, то сиккаҳои ҳахоманиширо аз рӯйи тасвири шоҳӣ дар рӯи сиккаҳо тасниф намояд, аммо ин усули ӯро аксари олимон қабул надоранд [24, 187]. Ҳанӯз соли 1876 Ҳед Б. В. (1844-1876) дарики ҳахоманиширо ворисӣ ҳақиқии статери тиллоии Крез номида буд [22, 22]. Ба ақидаи ӯ тақсими бонизоми империя ба сатрапияҳо, ки шумораи ибтидоии онҳо ба бист мерасид ва таъйини ҳаҷми мушаххаси андоз барои ҳар яке аз ин воҳидҳои маъмурӣ, ки ҷамъоварии он бар зиммаи сатрапҳо гузошта шуда, ба хазинаи шоҳӣ ворид мегардид, аз ҷумлаи чорабиниҳои асосие буд, ки Дориюш бо ҳадафи таъмини ҳамгироии маъмурӣ, молиявӣ ва сиёсӣ миёни вилоятҳои мухталифи империя татбиқ кард.

Татбиқи сиёсати андозбандии мушаххас ва пойдор, ҳамчунин ҷорӣ намудани усули муназзами муайянсозии ҳаҷми андоз, дар ниҳоят ба ташкили низоми умумиимпериявии сиккакӯбии давлатӣ оғоз бахшид. Нахустин тарҳи ин икдом аз таҷрибаи сиккаҳои тиллоӣ ва нуқрагии Лидия, ки то давраи Крез дар сатрапияҳои ғарбӣ дар муомилот буданд, илҳом гирифта шудааст. Бар замми ин, ҳамзамон бартариҳои равшану арзишманди пули дорои кафолати давлатӣ тадриҷан барои аҳолии берун аз ҳудуди Осиёи Хурд низ ошкор мегашт. Низоми муоширати босуръат бо истифода аз почтаи шоҳӣ ва пайкбарон имкон медод, ки дар манотиқи дурдаст пардохтҳо бо сиккаҳои тилло ва нуқра аз рӯйи шумора, на аз рӯйи вазн, анҷом пазиранд. Ин амал то он давра дар Шарқи Бостон роиҷ набуд. Аз рӯйи шумора истифода шудани сиккаҳо аз меъёри мустаҳками вазнӣ ва зери назорати қатъии шоҳаншоҳ қарор доштани сиккакӯбӣ гувоҳӣ медиҳад [22, 24].

Б. В. Ҳед сабаби истифода нашудани тасвири шер ва буққаро дар сиккаҳои ҳахоманишӣ ва иваз шудани он бо тасвири симои шоҳаншоҳ дар садоқати Дориюш ба Зардушт медонад [22, 24]. Симои шоҳаншоҳ дар сиккаҳо ба рамзи қудрати иқтисодӣ табдил ёфта буд.

Яке аз масъалаҳои мубрами омӯзиши сиккаҳои ҳахоманишӣ таснифи онҳост. Е. С. Робинсон асосгузори типологияи сиккаҳои ҳахоманишӣ мебошад. Маҳз ӯ нахустин шуда, типологияи илмии сиккаҳои Ҳахоманишиёнро (навъҳои I-IV) ба

вуҷуд оварда, масъалаи оғози сиккакӯбии онҳоро ба таври илмӣ асоснок кардааст. Ӯ таъкид менамояд, ки Ҳахоманишиён анъанаи сиккакӯбии лидиягиро, ки дар замони Крез ба расмият даромада буд, қабул карда, онро ба низоми мутамаркази давлатӣ табдил доданд. Ба гуфтаи Робинсон, сиккаҳои ҳахоманишӣ дар арсаи муомилот ногаҳон бо навъи комилан нави тасвир - сурати камондор зуҳур мекунанд ва маҳз ҳамин навъ хусусияти умумиимпериявӣ пайдо намуда, дар тамоми минтақаҳои таҳти ҳукмронии Ҳахоманишиён роиҷ мегардад.

Робинсон сиккаҳои ҳахоманиширо дар асоси тасвири шоҳаншоҳ ё образи ғоявии Ҳахоманишиён, ки онро рамзи қудрат медонад, ба чор навъи асосии зерин гурӯҳбандӣ мекунад:

1. Камондори нимпайкар бо тоҷ бар сар ва бо ду тир;
2. Камондор дар ҳолати зонузада бо камон ва тирдон;
3. Камондор дар ҳолати давидан ва зону ба пеш бо найза ва камон;
4. Камондор дар ҳолати давидан ва зону ба пеш бо корд ва камон [24, 189].

Маълум нест, ки худи Ҳахоманишиён ин сиккаҳоро чӣ меномиданд. Юнониёни қадим сиккаҳои тиллоии ҳахоманиширо «дарикус статер» ва сиккаҳои нуқрагиро «мидикус сиглус» меномиданд. Инчунин аз мис сикка кӯбидани шоҳони Ҳахоманишӣ ба таври мушаххас маълум нест. А. Қадёнӣ аз мис кӯбидани сиккаҳои Ҳахоманишиёнро зикр мекунад, аммо барои ин андешаи худ далели равшан намеорад. Д. Довудӣ низ сиккаи ҳахоманишии аз ноҳияи Ёвони Хатлон ёфтшударо «дарики мисӣ» номидааст [8, 35-36]. Таҳқиқи ин сикка нишон дод, ки он аз омехтаи тилло, нуқра ва мис кӯбида шуда, дар таркиби он 80,70% нуқра, 17,42% мис ва 1,87% тилло мавҷуд аст [17, 315]. Аз ин рӯ, он сигил - сиккаи нуқрагӣ маҳсуб мегардад.

Бояд зикр намуд, ки дар бораи таносуби байни дарику сигил ва ҷойгоҳи гардиши онҳо фикрҳои мухталиф мавҷуд аст. Масалан, А. В. Бивар дар натиҷаи таҳқиқи хеле дақиқ нишон медиҳад, ки пеш аз давраи Дориюш сиккакӯбӣ асосан маҳаллӣ ва дар ҳудуди Лидия роиҷ буд. Бо барқарор шудани ҳокимияти Ҳахоманишиён ва зарурати идораи як империяи бузург, ниёз ба як низоми ягонаи сиккакӯбӣ ва молиявӣ ба миён омад. Ҳамин зарурат боиси пайдо шудани дарик ва сигил гардид, ки ба сифати сиккаҳои расмии давлатӣ қабул шуданд. Дарик, ки аз тиллои баландсифат кӯбида мешуд, ба асъори байналмилалӣ табдил ёфт ва дар савдои ҷаҳонӣ нақши муҳим бозид. Сигил бошад, ба муомилоти дохилӣ ва пардохти музд хизмат мекард. Низоми сиккакӯбии шоҳаншоҳӣ яке аз сутунҳои асосии иқтисоди марказонидашудаи империя гардид [2, 499-532].

Дар империяи Ҳахоманишиён якчанд анъанаҳои вазнӣ мавҷуд буданд, вале Дориюши Бузург онҳоро муттаҳид кард. Вазни асосӣ, ки асосан ба шикили бобилӣ такя дошт, дар тамоми империя роиҷ гардид. Вазнҳои расмӣ бо нишонаҳои шоҳӣ муҳр мегардиданд, ки ин ба онҳо эътибори қонунӣ медод. Ҳамоҳангии вазнҳо имкони ҳисобу китоб, андозситонӣ ва савдоро осон мекард ва низомро устувор нигоҳ медошт.

Ҳамоҳангсозии сиккакӯбӣ, низоми вазнҳо ва ченакҳо на танҳо пояҳои сохтори молиявии империяро устувор намуд, балки шароите фароҳам сохт, ки давлат таво-

нист низоми андозгирӣ, шабакаи савдо ва муомилоти дохилиро бо сатҳи баланди дақиқӣ, танзимпазирӣ ва самаранокӣ амалӣ созад. Ин низом яке аз намунаҳои барҷастаи ташаккули маъмурияти марказонидаи давлатӣ дар ҷаҳони бостон ба шумор меравад ва аз комёбиҳои муҳимми созмони сиёсӣ-иқтисодии Ҳахоманишиён шаҳодат медиҳад [2, 499-532].

Дар давлати Ҳахоманишиён низоми сиккакӯбӣ дорои чаҳор навъи асосӣ буд: шоҳона, сатрапӣ, музофотӣ бо тасвири шоҳаншоҳ ва маҳаллии шаҳрҳо ва кишварҳои тобеи империя дар ҳавзаи баҳри Миёназамин [6, 204].

Сиккакӯбии Ҳахоманишиён дар замони Дориюши Бузург, махсусан дар асри V пеш аз милод, ба дараҷаи баланди рушд расид. Бо вуҷуди ин, мубодилаи молӣ дар қаламрави империя нақши пешбарандаи худро аз даст надода, ҳамоно шакли асосии доду гирифт боқӣ монд. Дар ҳамин замина таҳлили матнҳои лавҳаҳои гилии аз Тахти Ҷамшед ёфтшуда аҳаммияти махсус пайдо мекунад. Ошуршинос ва эламшиноси машҳури амрикоӣ Р. Т. Ҳоллок бо тарҷума ва таҳлили матнҳои мазкур нақши се навъи асосии табодули иқтисодиро дар низоми Ҳахоманишиён равшан намудааст [22, 1969]. Мавсуф таҳқиқоти худро мустақиман бар сарчашмаҳои аввалия - матнҳои эламии дижи Тахти Ҷамшед - асос гузошта, бо хондан, нашр ва таҳлили муфассали онҳо низоми анбордорӣ, ченакҳои ҳаҷмӣ (ка, бар, артиба), шаклҳои қабул ва тақсими маҳсулот ва механизмҳои мубодилаи ҳисобиро дар давраи Ҳахоманишиён бозсозӣ намудааст. Корҳои ӯ хусусияти филологӣ-манбаъшиносӣ дошта, барои таҳқиқоти минбаъда ҳамчун пояи асосӣ хизмат мекунанд.

Аз таҳлил ва баррасии матнҳои аз дижи Тахти Ҷамшед ёфтшуда бармеояд**,** ки дар низоми иқтисодии давраи Ҳахоманишиён се навъи асосии мубодила мавҷуд буд: мубодилаи маъмурӣ (дунёвӣ), мубодилаи маросимӣ-динӣ ва мубодилаи махсуси ҳисобӣ, ки дар сарчашмаҳо бо истилоҳи эламии ***шаумарраш*** (šaumarraš) ифода ёфтааст. Дар доираи ин мубодилаҳо ивазкунии молҳо ва маҳсулоти моеъ, аз ҷумла шароб ва равған, бар пояи ченакҳои расмии ҳаҷмӣ - ***ка***, ***бар*** ва ***артиба*** амалӣ мегардид. Як ***ка*** тақрибан ба 1 литри муосир баробар буда, як ***бар*** 10 ***ка*** ва як ***артиба*** 30 ***ка***-ро ташкил медод.

Масалан, муҳаққиқи эронӣ Ф. Мирӣ бо такя ба натиҷаҳои таҳқиқоти олими итолиёвӣ Ҷ. Ҷовинассо (G. Giovinazzo) қайд мекунад, ки аз ҷониби анбордорони шоҳӣ «як духтари бардаи дараҷаи якум» бо 1820 литр шароб (мутобиқсозии муосири ченак) иваз карда шуда буд [13, 146].

Ҷуғрофияи гардиши дарик ва сигилҳо яке аз мавзуъҳои баҳсбарангези мақолаи мазкур мебошад. То имрӯз дарикҳои ҳахоманишӣ бештар аз бахшҳои ғарбии қаламрави Ҳахоманишиҳо ва ҳатто берун аз ҳудуди он нисбат ба бахшҳои марказӣ ва шарқии он ёфт шудаанд. Ин нукта аз иттилои сарчашмаҳои хаттӣ ва бозёфтҳои бостоншиносӣ тасдиқи худро меёбад.

Тибқи маълумоти Ксенофонт муносибатҳои шоҳзода Куруши Сағир бо нерӯҳои юнонӣ ва фармондеҳони онҳо ба таври равшан инъикос ёфтаанд. Аз ҷумла, Клеархи лакедемониро шоҳзодаи Ҳахоманишӣ ба хидмати худ ҷалб намуда, ҳамчун аломати эътимоду эҳтиром ба ӯ 10 ҳазор дарик ҳадя кард [10, 8].

Дар идома барои ҷалби бештари неруҳои юнонӣ ва таҳкими мавқеи сиёсӣ-низомии худ, Куруши Сағир ба сарбозони юнонӣ ваъда дод, ки минбаъд ба онҳо ба ҷои як дарик ҳар моҳ се нимдарикӣ маош медиҳад (10, 18).

Дар соли 1893 ҳангоми ковишҳои бостоншиносӣ дар маъбади Делфӣ ва минбаъд ба таври тасодуфӣ дар маҷмуъ 18 дарик кашф мешавад. Мелвилл-Ҷонс гардиши дарикҳоро дар маркази аслии динӣ ва сиёсӣ дар Юнони бостон, воқеъ дар нишебиҳои ҷанубии кӯҳи Парнас (Фокида) - Делфӣ бо такя ба ҳуҷҷатҳои муҳосибӣ ва рӯйхатҳои расмии хазина баррасӣ мекунад. Таҳлил нишон медиҳад, ки дарикҳои ҳахоманишӣ дар ин маркази панэллинӣ ҳамчун яке аз устувортарин воҳидҳои арзиш истифода шуда, дар пардохтҳои марбут ба коҳинон, ҳунармандон ва коргарон нақши густурда доштаанд.

Маълумоти хазинадорӣ собит месозад, ки дарик дар низоми ҳисобдорӣ ба ҳайси воҳиди расмии арзиш ба қайд гирифта мешуд ва қимати миёнаи он тақрибан ба 20 драхма баробар буд (дар баъзе мавридҳо то 25 драхма). Дар ин қисми Юнон дар баъзе ҳолатҳо музди ашхоси алоҳида бо дарик пардохт мешуд. Ин устувории қурб боиси афзалияти дарик нисбат ба тетрадрахмаи аттикӣ гардида, мавқеи онро дар бозори пулии Юнон таҳким мебахшад. Паҳншавии дарик ба Делфӣ, ба хулосаи Мелвилл-Ҷонс, асосан тавассути неруҳои кироияи юнонӣ, савдогарон ва ҳайатҳои сиёсии Ҳахоманишӣ сурат мегирифт. Ин раванд мавқеи Ҳахоманишиёнро дар муомилоти байналмилалӣ таҳким медод ва Делфиро ба яке аз марказҳои муҳимми гардиши дарик дар фазои иқтисодии баҳри Миёназамин табдил медод. Муҳим он аст, ки дар ҳеҷ яке аз санадҳои Делфӣ сигил зикр нашудааст. Ин далолат мекунад, ки сигил сиккаи маҳаллии Осиёи Хурд боқӣ монда, дарик бошад мақоми асъори фаромиллӣ касб кардааст. Ба ҳамин асос, Мелвилл-Ҷонс дарикро яке аз асъорҳои калидии ҷаҳони қадим медонад [23, 25-36].

Шоҳаншоҳони Ҳахоманишӣ сатрапҳо ва шоҳони тобеи худро маҷбур мекарданд, ки онҳо андозро ба хазинаи шоҳаншоҳӣ бештар бо сиккаи тилло ва нуқра супоранд. Сиккаҳо ба хусус дарик дар муомилоти пулии дохили қаламрави Ҳахоманишиён дар гардиши фаъол набуд. Он бештар дар хазинаи шоҳаншоҳӣ ҷамъоварӣ ва ҳифз карда мешуд. Аммо берун аз Порс дар Осиёи Хурд гардиши он густурда буд. Тибқи иттилои Ҳеродот Пифияи лидиягӣ ба шоҳаншоҳ Хушоёршоҳ иброз менамояд, ки ӯ илова ба дигар навъҳои сарват 4 миллион дарик (статери дориюшӣ) андӯхтааст [6, 323]. Чун ин миқдор дарикро ба вазн гардонем, вазни умумии онҳо 33 тон тиллоро ташкил медиҳад. Агар ин суханони Ҳеродот шоистаи эътимод бошанд, пас метавон гуфт, ки ба дурустӣ гардиши дарикҳо дар Осиёи Хурд нисбат ба Порс хеле фароз будааст. М. Дандамаев дар асоси навиштаҳои Квинт Куртсий Руф менависад, ки Искадари Макдунӣ баъд аз шикаст додани Ҳахоманишиҳо аз ганҷинаҳои онҳо бештар аз 5 ҳазор тон тиллову нуқраи гудохташуда ва зиёда аз 27 миллион сиккаро ғорат мекунад [7, 212].

Мусаллам аст, ки қисме аз ҳудуди Осиёи Миёна, аз ҷумла ҳудуди имрӯзаи Тоҷикистон, ҳамчун ҷузъи таркибии Бохтари қадим дар тобеияти Ҳахоманишиён қарор дошт. То имрӯз қадимтарин сиккаҳои аз Осиёи Миёна ёфтшуда сиккаҳои ҳахоманишии аз таркиби Ганҷинаи Омударё бадастомада ба ҳисоб мерав止, ки

онҳоро Дориюши Бузург берун аз Осиёи Миёна, дар мехкадаи Сарди Лидия кӯбонида буд.

Миқдори дақиқи сиккаҳои ҳахоманишии Ганҷинаи Омударё ба мо маълум нест. Баъдан, дар давраи Шуравӣ ва соҳибистиқлолӣ, аз Осиёи Миёна миқдори хеле ками сиккаҳои ҳахоманишӣ кашф шуда, дар бораи онҳо иттилои нисбатан маҳдуд мавҷуд аст.

Академик Б. Ғафуров дар баррасии масъалаи ба империяи Ҳахоманишиён дохил будани Осиёи Миёна, такроран таъкид кардааст, ки Ҳахоманишиён бори аввал мардуми Осиёи Миёнаро бо сикка ошно намуданд [5, 86].

Соли 2018 Д. Довудӣ як сиккаи ҳахоманишии аз ноҳияи Қубодиёни Хатлон ёфтшударо «дарики мисӣ» номида, тасвири камондори рӯйи онро ба Куруши Кабир нисбат дода буд. Ҳамчунин, соли 2017 ба фонди Осорхонаи миллии Тоҷикистон як сиккаи дигари ҳахоманишӣ аз Хатлон ворид гардид, ки дар хулосаи экспертизаи илмиаш он мисӣ ташхис шудааст. Аммо таҳқиқи муаллифи ин сатрҳо тавассути таҷҳизоти муосир нишон дод, ки ҳардуи сиккаи зикршуда аз нуқра кӯбида шудаанд.

Соли 2020 аз мавзеи Сари Банди Кӯлоб сиккае ёфт шуд, ки он дар баррасии ин масъала сарчашмаи муҳимми илмию таърихӣ мебошад. Аз таҳқиқи ин сикка маълум гардид, ки он аз филизи сафедранг ба шакли дарозрӯя кӯбида шуда, 3,4 грамм вазн дорад. Тибқи нишондоди дастгоҳи иёрсанҷӣ дар он 97,79% нуқра ва 2,20% тилло мавҷуд аст [16, 58]. Дар як тарафи ин сикка ду фурурафтагии дорои андозаҳои гуногун ва дар тарафи дигараш тасвири барҷастаи нимтанаи шер ва гови нар, ки дар муқобили ҳам ба таври ҳамлавар тасвир шудаанд, дида мешавад.

Ин сиккаи нуқрагии аз мавзеи Сари Банд ёфтшуда, зоҳиран аз ҷумлаи аввалин сиккаҳои ҷаҳон буда, дар мехкадаи Сарди Лидия дар асри VI то милоди Масеҳ кӯбида шудааст. Аммо вазни сиккаи мазкур аз вазни навъи дигари сиккаҳои нуқрагии Крез камтар аст, ки ин шояд қадимияти он, яъне бо амри шоҳи Лидия кӯбида шудани онро то андозае шубҳанок намояд. Зеро чунин сиккаҳо дар асри V пеш аз милод бо фармони Дориюши Бузург дар мехкадаи Сард кӯбида мешуданд.

Дар ҷойи ёфти сиккаи лидиягӣ сафолпора, дигар ашёи маснуӣ ва қабати фарҳангӣ ба мушоҳида намерасад. Аз ин пештар, соли 2016 аз мавзеи Сари Банд як дарики ҳахоманишӣ низ ёфт шуда буд. Он 20 мм қутр ва 16,57 грамм вазн дошта, дар як тарафи он фурӯрафтагӣ ва дар тарафи дигараш симои шоҳи тоҷдор, ки пои росташ ба зону зада, дар дасти росташ ханҷар ва дар дасти чапаш камон дорад, тасвир ёфтааст [16, 59].

Натиҷаи таҳқиқи ду сиккаи кашфшуда аз Кӯлоб нишон медиҳад, ки пайдо шудани қадимтарин сиккаҳо аз ҳудуди Тоҷикистон тасодуфӣ набуда, балки амри қонунманди таърихӣ аст, зеро онҳо аз гардиши молию пулии ин минтақа шаҳодат медиҳанд. Илова бар ин, кашфи сиккаҳои ҳахоманишӣ аз таркиби Ганҷинаи Омударё ва ёфт шудани як сиккаи ҳахоманишӣ аз ноҳияи Қубодиён гуфтаҳои болоро тақвият мебахшанд.

Бо дарназардошти гуфтаҳои боло, таҳқиқи ду сиккаи зикршуда аз Кӯлоб дар хусуси асолат, қадимият ва мушаххас будани замону макони пайдоиш маълумоти

дақиқ дода, аҳаммияти калони илмию фарҳангӣ дорад. Дарики аз Кӯлоб ёфтшударо дар асоси вазнаш ба гурӯҳи сиккаҳои тиллоии дударика метавон шомил кард. Зеро дарикҳо тақрибан 8,20 грамм, аммо дударикаҳо дорои вазни 16,40 грамм мебошанд.

Тибқи гуфтаи бархе аз муҳаққиқон, дударикаҳо дар охири давраи ҳукумронии Ҳахоманишиён - замони Дорои III ва аввали забткориҳои Искандари Мақдунӣ (асри IV пеш аз милод) кӯбида мешуданд.

Вобаста ба баррасиҳои мавзуи сиккакӯбиҳои Ҳахоманишиҳо таърихи пайдоиши муомилоти пулӣ дар Осиёи Миёна масъалаи марказӣ мебошад.

Массон В.М. паҳншавии васеи сиккаро дар Осиёи Миёна ба асри III пеш аз милоди Масеҳ мансуб медонад [12, 38]. Зеймал Е. дар асоси таҳқиқи сиккаҳои қадимаи Ганҷинаи Омударё ва сиккаҳои то соли 1981 аз Тоҷикистон ёфтшуда ба хулосае меояд, ки ин сиккаҳо дар муомилоти пулии Осиёи Миёна дар замони Ҳахоманишиён истифода нашуда, чун сарват ҷамъоварӣ шудаанд [9,15]. Э. Ртвеладзе ҳам чунин ақида дорад [14, 17].

Аммо кашфи нави сиккаҳои дигари Ҳахоманишӣ дар солҳои охир хулосаи болоро тағйир медиҳад. Чунончи баъди таҳқиқи ганҷинаи сиклҳои ҳахоманишӣ аз ҷануби Туркманистон ёфтшуда Д. Ю. Брюков ба хулосае меояд, ки ворид будани Осиёи Миёна дар муомилоти пулии Ҳахоманишиҳо аз имконият берун нест [4,5-17].

Метавон гуфт, ки Ҳахоманишиҳо бо густариши истифодаи сиккаҳои лидиягӣ дар давраи аввали давлатдории худ ва сипас бо кӯбидани сиккаҳои баландиёри тиллоӣ ва нуқрагӣ дар ташаккули муомилоти пулии Осиёи Миёна нақши бориз гузоштанд.

Дар натиҷаи таҳқиқи мавзуи мақолаи мазкур мо ба чунин хулоса расидем:

- сиккакӯбии Ҳахоманишиён дар заминаи анъанаи сиккакӯбии Лидия ва низоми вазнии Бобил ташаккул ёфт ва онро Дориюши Бузург бо ҷорӣ кардани дарик ва сигил ба шакли низоми мутамаркази дуасосаи пулии шоҳаншоҳӣ табдил дод;
- метрологияи дақиқ ва вазн, иёри меъёрӣ, навъи тасвир ва шакли сикка ба устувории иқтисодии шоҳаншоҳӣ ва эътимоди умумӣ ба асъори Ҳахоманишӣ мусоидат кард;
- тасвири шоҳаншоҳ дар рӯйи сиккаҳо рамзи маҷозии қудрати подшоҳӣ ва ҳувияти идеологии Ҳахоманишиён буда, сиккаҳоро ба воситаи пурқуввати таблиғотӣ табдил дод;
- дарик ҳамчун асъори байналмилалӣ дар бозорҳои Юнон, Миср ва тамоми ҳавзаи бахри Миёназамин фаъол буд, дар ҳоле ки сигил бештар сиккаи маҳаллии Осиёи Сағир боқӣ монд;
- дар муомилоти пулии шарқи шоҳаншоҳӣ на танҳо сиккаҳои ҳахоманишӣ, балки тетрадрахмаҳои аттикии юнонӣ низ истифода мешуданд, ки ин аз муносибатҳои дуҷонибаи иқтисодии Эрон ва Юнон шаҳодат медиҳад;
- кашфи сиккаҳои Ҳахоманишӣ дар Осиёи Миёна, аз ҷумла дар қаламрави Тоҷикистон (дар таркиби Ганҷинаи Омударё, бозёфтҳоии ҷудогона аз Ёвон, Кубо-

диён ва Кӯлоб) ва Туркманистон далели мустанади иштироки Бохтари Қадим дар низоми умумии муомилоти молию пулии шоҳаншоҳӣ мебошанд;

- кашфи нави сиккаҳои бостонӣ, аз ҷумла сиглоси лидиягӣ ва дударика аз Кӯлоб на танҳо аз қадимияти муомилоти пулии ин минтақа шаҳодат медиҳанд, балки барои бознигарии роҳҳои тиҷоратӣ ва барқарорсозии харитаи иқтисодии давраи Ҳахоманишиён маводи нав пешниҳод мекунанд. Кашфи осори дигари замони Ҳахоманишиён аз ин минтақа бебаҳс аст.

- сиккакӯбӣ ва низоми пулии Ҳахоманишиён яке аз сутунҳои асосии муваффақияти сиёсӣ ва иқтисодии ин империя буда, таъсири он дар қаламрави Осиёи Миёна то имрӯз тавассути бозёфтҳои сиккаҳои бостонӣ ба тасбит мерасад.

АДАБИЁТ

1. Авасто / гузориш ва пажуҳиши Ҷ. Дӯстхоҳ. – Теҳрон, 1371 ҳ.ш. – 1206 с.
2. Бивар А. Д. Сиккаҳои ҳахоманишӣ, вазн ва андозаҳои онҳо /А. Д. Бивар/ Таърихи Эрон. Давраи Ҳахоманишӣ: аз маҷмуаи Таърихи Кембриҷ / аз англисӣ тарҷ. М. Соқибфар. – Теҳрон, 1384. – С. 499-532.
3. Боғбедӣ Ҳ. Р. Пайдоӣ ва оғози кӯбидани сикка дар Эрон /Ҳ. Р. Боғбедӣ/ Сирри сухан. – Теҳрон, 1391 ҳ.ш. – № 178. – С. 2-9.
4. Бирюков Д. В. У истоков денежного обращения Средней Азии / Д. В. Бирюков // Нумизматика Центральной Азии. – Ташкент, 1995. – Вып. I. – С. 5-17.
5. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М., 1972. – 564 с.
6. Геродот. История / пер. Г. А. Стратановского. – Л., 1972. – 600 с.
7. Дандамаев М. А., Луконин, В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. – М., 1980. – 415 с.
8. Довудӣ, Д. Сиккаи нодири Ҳахоманишӣ аз Ёвон / Д. Довудӣ // Мероси ниёгон. – Душанбе, 2018. – № 20. – С. 35-36.
9. Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. – Душанбе, 1983. – 344 с.
10. Ксенофонт. Анабасис/ пер. с древнегреч., статья и примеч. М. И. Максимовой. – М. ; Л., 1951. – 297 с.
11. Массон В. М. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным / В. М. Массон // Вестник древней истории. – М., 1955. – № 2(52). – С. 37-47.
12. Маликзода Б. Таърихи сикка: аз қадимтарин замона то давраи Сосониён. – Теҳрон, 1381 ҳ.ш. – Ҷ. 1. – 196 с.
13. Мирӣ Ф. Дар ҳавзаи рӯди Кур: даромаде бар моҳияти мубодила ва тиҷорат / Ф. Мирӣ // Пажӯҳишҳои бостоншиносии Эрон. – Теҳрон, 2014. – № 15(24). – С. 137-163.
14. Ртвеладзе Э. В. Древние монеты Средней Азии. – Ташкент, 1987. – 182 с.
15. Он же. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. – Ташкент, 2002. – Т. 1. – 304 с.
16. Шарифзода А. Қ. Қадимтарин сиккаи Осиёи Миёна аз Кӯлоб / А. Қ. Шарифзода // Ахбори Осорхонаи миллии Тоҷикистон. – Душанбе, 2021. – № 3. – С. 56-62.
17. Шарифзода А. Қ., Сафоев, М., Сафоев, Ф. Кашфи нави сиккаҳои бостонӣ аз Тоҷикистон / А. Қ. Шарифзода [ва ғ.] // Тахти Сангин — намоди омезиши тамаддуни Шарқу Ғарб. – Душанбе, 2023. – С. 309-328.
18. Babelon E. Catalogue des monnaies grecques de la Bibliothèque Nationale. Les Perses achéménides, les satrapes et les dynastes tributaires de leur empire : Chypre et Phénicie. – Paris, 1893. – 412 p.
19. Bodzek J. Achaemenid Asia Minor: Coins of the Satraps and of the Great King // First International Congress of the Anatolian Monetary History and Numismatics, 25-28 February 2013, Antalya. – Antalya, 2013. – P. 49-72.
20. Gardner P. A History of Ancient Coinage, 700-300 B.C. – Oxford, 1918. – 330 p.
21. Hallock R. T. Persepolis Fortification Tablets. – Chicago, 1969. – 776 p.

22. Head B. V. The Coinage of Lydia and Persia. – London, 1877. – 199 p.
23. Melville-Jones, J. R. Darics at Delphi // Revue belge de numismatique. – 1979. – P. 25-36.
24. Robinson E. S. G. The Beginnings of Achaemenid Coinage // The Numismatic Chronicle. – 1952. – Ser. 6, Vol. 12. – P. 187-193.

СИККАКӮБӢ ВА НИЗОМИ ПУЛИИ ШОҲАНШОҲИИ ҲАХОМАНИШИЁН

Дар доираи мақолаи мазкур муаллиф дар таърихнигории Тоҷикистон бори нахуст сиккакӯбӣ ва низоми пулии шоҳаншоҳии Ҳахоманишиёнро таҳқиқ намудааст.

Дар натиҷаи таҳқиқи сарчашмаҳои хаттӣ, маводи нумизматӣ ва адабиёти илмӣ муаллиф муайян кардааст, ки Куруши Кабир бо забти Лидия дар соли 546 пеш аз милод сиккакӯбии онро барҳам надод. Ӯ барои фаъолияти минбаъдаи мехкадаи марказии Лидия, ки дар пойтахти он - шаҳри Сард ҷойгир буд иҷозат дод. Инчунин Куруши Кабир ва писараш Камбуҷия ба муомилоти пулӣ бо сиккаҳои лидиягӣ монеъ нашуданд.

Таҳқиқот нишон дод, ки ба сиккакӯбии Ҳахоманишиён Дориюши Бузург асос гузоштааст. Ӯ дар асоси анъанаҳои сиккакӯбии Лидия ва низоми вазнии Бобил ду навъи асосии сикка – дарик (сиккаи тиллоӣ) ва сигил (сиккаи нуқрагӣ) баровард. Ба нигори сари шер ва буққаи статерҳои лидиягӣ Дориюш дар сиккаҳои ҳахоманишӣ тасвири барҷастаи шоҳаншоҳи камондорро ҷо намуд. Софии тиллои дарик 98-99% буд. Дар натиҷаи ислоҳоти гузаронидаи ӯ дарик ба асъори байналмилалӣ табдил меёбад. Дар муомилоти пулии дохилии шоҳаншоҳӣ сигил нақши асосӣ мебозид. Дарик барои пардохти музди сарбозони ҳахоманишӣ ва гоҳе юнонӣ низ истифода мешуд. Гардиши дарик дар муомилоти қисмати ғарбии қаламрави Ҳахоманишиён нисбат ба қисми ғарбии он бештар ривоҷ ёфта буд. Кӯбидани сиккаи тилло ҳаққи истисноии шоҳаншоҳ буд.

Ҳахоманишиён дар пайдо шудани сикка ва ташаккулёбии зиминаҳои муомилоти пулии Эрон, Бохтар, Суғд ва Хоразм нақши калидӣ бозидаанд.

Калидвожаҳо: *Ҳахоманишиҳо, Куруши Кабир, муомилоти пулӣ, Лидия, Крез, сиккакӯбӣ, Дориюши Бузург, дарик, сигил, Эрон, Бохтар, Суғд, Хоразм, Кӯлоб.*

МОНЕТНОЕ ДЕЛО И ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА АХЕМЕНИДСКОЙ ИМПЕРИИ

В данной статье автор впервые в историографии Таджикистана комплексно исследует монетное дело и денежную систему Ахеменидской империи.

На основе письменных источников, нумизматических материалов и научной литературы установлено, что Кир Великий после завоевания Лидии в 546 г. до н. э. не отменил чеканку лидийских монет. Напротив, он разрешил дальнейшую деятельность центрального лидийского монетного двора, располагавшегося в столице Лидии – городе Сардах. Кир Великий и его сын Камбиз также не препятствовали обращению лидийских монет.

Исследование показало, что основы ахеменидской монетной системы заложил Дарий Великий. Опиравшись на традиции лидийского монетного дела и вавилонскую весовую систему, он ввёл два основных типа монет: дарик (золотая монета) и сигил (серебряная монета). По аналогии с изображениями львиной головы и быка на лидийских статерах, Дарий разместил на ахеменидских монетах выразительный образ царя с короной и луком.

Содержание золота в дариках достигало 98-99 %, что сделало их одной из самых высокопробных золотых монет древности. В результате денежной реформы Дория дарик превратился в международную валюту. Сиглос играл важную роль во внутреннем денежном обращении империи. Дариками выплачивалось жалованье ахеменидским, а нередко и греческим наёмным воинам.

Обращение дарика было более развито в западных областях Ахеменидской державы по сравнению с восточными. Чеканка золотых монет являлась исключительно царской прерогативой.

Ахемениды сыграли ключевую роль в становлении монетного дела и формировании ареалов денежного обращения Ирана, Бактрии, Согдианы и Хорезма.

Ключевые слова: *Ахемениды, Кир Великий, денежное обращение, Лидия, Крез, чеканка монет, Дарий Великий, дарик, сигил, Иран, Бактрия, Согд, Хорезм, Куляб.*

COINAGE AND THE MONETARY SYSTEM OF THE ACHEMANIAN EMPIRE

In this article, the author provides the first comprehensive study in Tajik historiography of the coinage and monetary system of the Achaemenid Empire.

Based on written sources, numismatic evidence, and scholarly literature, it is established that Cyrus the Great, after the conquest of Lydia in 546 BCE, did not abolish the minting of Lydian coins. On the contrary, he permitted the continued operation of the central Lydian mint located in the Lydian capital, Sardis. Neither Cyrus the Great nor his son Cambyses hindered the circulation of Lydian coinage.

The study demonstrates that the foundations of the Achaemenid monetary system were laid by Darius the Great. Drawing on the traditions of Lydian coinage and the Babylonian weight standard, he introduced two principal types of coins: the *daric* (gold coin) and the *siglos* (silver coin). Following the iconographic practices of Lydian staters depicting a lion’s head and a bull, Darius placed on Achaemenid coins a distinctive image of the king wearing a crown and holding a bow.

The gold content of the darics reached 98-99%, making them among the highest-purity gold coins of antiquity. As a result of Darius’s monetary reform, the daric became an international currency. The siglos played an important role in the internal monetary circulation of the empire. Payment of wages to Achaemenid and at times even Greek mercenary - soldiers was made in darics.

The circulation of darics was more developed in the western regions of the Achaemenid realm than in the eastern ones. The minting of gold coins remained the exclusive prerogative of the king.

The Achaemenids played a crucial role in the emergence of coinage and in the formation of monetary circulation zones in Iran, Bactria, Sogdiana, and Khwarazm.

Key words: ancient coins, siglos, daric, sikl, obol, drachma, tetradrachma, stater, coinage, money circulation, mint, Northern Bactria, Achaemenids, Kulob.

Маълумот дар бораи муаллиф: Абдувалӣ Шарифзода - номзади илмҳои таърих, мудири Шуъбаи таърихи илм ва техникаи Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ. Тел.: (+992) 900-55-75-75. E-mail: abduvali05@mail.ru

Сведения об авторе: Шарифзода Абдували - кандидат исторических наук, заведующий отделом истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им А. Дониша НАНТ. Тел.: (+992) 900-55-75-75. E-mail: abduvali05@mail.ru

Information about the author: Sharifzoda Abduvali - Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History of Science and Technology of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Tel: (+992) 900-55-75-75. E-mail: abduvali05@mail.ru

---

УДК 94 (55) : 911.3

ПОЛИТИКО - ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗЛОЖЕНИЯ ГОСУДАРСТВА ТАХИРИДОВ В ХОРАСАНЕ[1]

САФАРЗОДА Н. Ш.,
Институт истории, археологии и этнографии
им. А. Дониша НАНТ

Государство Тахиридов занимает весьма важную роль в истории таджикского народа и всей восточной части мусульманского мира. Оно является первым государством таджиков (и всех иранских народов) после распространения ислама, которые создала местная знать Хорасана во главе с Тахиром ибни Хусейном после почти двух столетия падения Сасанидской империи [2,331;3,130-131]. Относительно разных вопросов истории Тахиридского государства по сей день опубликовано много трудов, как и отечественных, так и зарубежных исследователей [1; 2; 3; 4; 5; 18]. Однако вопрос политической географии данного государства не был предметом специального исследования.

[1] Статья написана на основе проекта «История таджикского народа (III век - начало XX века)», государственной регистрационный номер 0121TJ1211.

С точки зрения научной логики считается правильным разделить вопрос исторической (политической) географии Тахиридского государства на две части: в первой рассматривать образование государства и его территориальное расширение, по которому уже была опубликована наша статья [6, 154-165.]; во второй исследовать как раз политико-географические факторы разложения государства Тахиридов в Хорасане, которое мы намерены опубликовать в виде отдельной статьи. Таким образом, будет определена территория государства Тахиридов накануне его распада.

После смерти Абдуллаха ибн Тахира на трон вступил его сын Тахир II (844-862) [8, 92]. Об отношениях Тахира II и других представителей династии Тахиридов с Аббасидским халифом высказывал свое мнение иранский историк Амир Акбари. Рассматривая слова Акбари можно прийти к выводу, что Аббасидские халифы – аль-Васик (842-847) и аль-Мутаваккиль (847-861) совсем не желали чтобы Тахир II занял трон Тахиридского эмирата. По словам А. Акбари, эти халифы хотели видеть на указанном посту другого представителя Тахиридов – Исхака ибн Ибрахима. В период правления Абдуллаха ибни Тахира (828-844) Исхак занял пост главы полиции (сахибшурат) Багдада, а также наместника Фарса и Савада (южная часть Ирака) [18, 28]. Были даже случаи, когда Багдадский халиф хотел назначить Исхака эмиром Хорасана вместо Абдуллаха ибн Тахира, чтобы таким образом хоть как-то ограничить власть второго и чуть укрепить позицию Багдада в Хорасане. Однако авторитет Абдуллаха ибн Тахира среди хорасанской знати и его власть в этом регионе были настолько прочными [18, 28], что халифу пришлось пока оставить свой «план» до подходящего момента.

После смерти Абдуллаха халиф аль - Васик всерьёз рассматривал назначение Исхака ибн Ибрахима эмиром Хорасана. Этот подход способствовал бы ограничению власти Тахира II, разжиганию вражды между представителями династии Тахиридов, и таким образом, созданию баланса, которым управляли халифы и могли использовать для укрепления своей позиции в Хорасане [4, 213-215].

Посевять розньи между разными правящими элитами Хорасана было обычным делом Аббасидских халифов. В письменных источниках сохранилось немало сведений об организации смут Аббасидскими халифами против Тахиридов.

Так, был случай когда халиф аль - Васик по совету своего визиря Мухаммада ибн Абд-аль Малика хотел назначить Исхака ибни Ибрахима эмиром Хорасана вместо Тахира II, верховный кадий (судья) халифата – Ахмад ибн Абу Дувад напомнил ему, что Исхак является пленником Тахиридского дома в руках Багдадского двора, не кажется благоразумным мысль отправки Исхака в Хорасан, и таким образом лишить себя рычага давления на Тахиридов и способа сохранения их покорности [10, 141].

Такое отношение халифа и его придворных к Тахиридам свидельствует об их реальном опасении от усиления власти Тахиридской династии. Их пугала мысль о том что Тахириды могут в любое подходящее для них время объявить Хорасан независимым, как это делал в свое время основатель династии – Тахир ибн Хусейн. Поэтому халиф и его придворные часто организовывали интриги и

заговоры против Тахиридов. Однако, они принимали во внимание и то реальное положение, что не могут абсолютно избавится от власти Тахиридского дома, поскольку сохранение и прочность власти самих халифов в значительной степени зависело от первых; большинство восстаний и мятежей против халифата в разных регионов государства подавили именно войска Тахиридов, обеспечив тем самым правление Багдада.

Итак, вопреки желанию халифа, Тахир II занял трон эмира Хорасана. Историки считают его вполне талантливым политиком, который до занятия поста эмира Хорасана был правителем области Табаристан. В некоторых источниках встречаются сведения о том, что «Тахир II покорял города, в которых не вступила у других даже нога» [19, 321]. Речь идет о походах Тахира II на некоторые районы Гура, которые были совершены при его отце Абдуллахе. Должно быть эти сведения имеют отношения с подавлением мятежей, вспыхнувшихся в упомянутых районах, поскольку согласно историческим источникам, территория Тахиридского государства и его границы были определенно формированы [8; 16; 19]. С учетом данного факта нельзя считать упомянутые выше походы Тахира II аргументом расширения границ Тахиридского государства.

Другим весьма впечатляющим событием времен правления Тахира II было, назначение его брата Мухаммада ибн Абдуллаха в 851 г. его заместителем в Багдаде. Это событие заслуживает внимание по той причине, что все административные и военные должности Багдада перешли в распоряжении детей Абдуллаха ибн Тахира, что стало фактором укрепления единства и повышения статуса Тахиридского дома [4, 216] в государственных делах халифата.

В общем, период правления Тахира II был последним этапом сохранения территориальной целостности Государства Тахиридов. Несмотря на случившиеся восстания при нем, и даже при его отце в таких приграничных регионах как Табаристан и Систан, всеми возможными способами удалось сохранить прочность власти и необходимую стабильность в государстве.

Известный востоковед Август Мюллер утверждает, что «при Тахире II политические ошибки этой династии стали впервые заметны по некоторым их последствиям. Тахиридам следовало бы освободиться совершенно от всякого участия в незавидном положении дел в Ираке» [7, 32].

Речь о сложившейся напряженной ситуации при халифе аль-Мутаваккиле (847-861), когда при дворе государства самые ключевые посты перешли в руки людей тюркского происхождения, и дело дошло до того, что даже внутри самой семьи халифа начались противоречия. В таком случае кажется правдивым мнение А. Мюллера о том, что: «…было бы умнее ограничиться охраной спокойствия в восточных областях, а халифат, с которым Тахириды по крайней мере, как властители восточной Персии, не имели никаких общих интересов, – представить собственной его судьбе. Но такое ограничение себя шло в разрез с природой гордого и честолюбивого рода Тахиридов…потомки Тахира желали и впредь распоряжаться судьбами мировой империи…но для этого им недоставало уже ни сил, ни средств [7, 33].

Нами уже был упомянут тот факт, что Тахир II до занятия поста эмира Хорасана был правителем области Табаристан. Этот регион с давних исторических времен, в силу особого географического положения, имел полузависимый статус, где сохранились специфичные давние традиции и язык. В период арабских завоеваний Табаристан намного позднее, и даже частично был присоединен в состав халифата. После того как Тахир II стал эмиром Хорасана, он назначил своего брата – Сулеймана ибн Абдуллаха правителем Табаристана.

Два региона - Систан и Табаристан почти всегда были «головной болью» Тахиридских эмиров из-за их нестабильности. В последние годы правления Тахира II Систан был охвачен смутой и восстаниями [8,92]. Особенно, после смерти наместника Тахиридов в этом регионе - Ибрахима ибн Хусейна (858 г.) Систан стал яблоком раздора различных группировок. В результате противостояний за власть глава одной из влиятельных групп газиев - Якуб ибн Лейс, который в дальнейшем стал основателем государства Саффаридов, взял правление Систаном в свои руки в 861г. Первыми городами, которые вышли из подчинения Тахиридского эмирата были Бост и Зерендж - самые большие города области Систан. Смерть Тахира II через год, т.е. в 862 году ускорила процесс потери власти Тахиридов над Систаном [2, 333-334; 3, 176 -178].

Сложение данной ситуации также, связан с ошибочными действиями Тахира II. В период от 851 до 859 гг. в Систане шла борьба различных групп за власть и влияние. Вместо проблем Багдада, Тахиру как раз нужно было заниматься решением проблемы Систана с учетом ее географического положения и важности для Тахиридского государства. Однако, Тахир II вместо активных и планомерных действий оставляет Систан самой себе, пока восстание и нестабильность достигнут Герата и даже Балха, и преградить им путь уже станет очень сложным или просто невозможным. В 861 был убит халиф аль-Мутаваккиль, а через год погиб Тахир II, что еще более усугубило ситуацию и в Багдаде, и в Хорасане.

Мухаммад ибн Тахир (862-873) был последним из представителей династии Тахиридов, правившей Хорасаном, при котором также произошел распад государства Тахиридов. В письменных источниках встречаются сведения, которые указывают на существование и усиление вражды между представителями Тахиридского дома и тюркских придворных халифа в этот период [11, 525]. Бывшие тюркские рабы и их потомки в это время уже заняли ключевые посты при дворе халифа и сыграли немалую роль в свержении Тахиридов. Однако основную и решающую роль в распаде Тахиридского эмирата сыграла сама личность Мухаммада ибн Тахира. Согласно сведениям письменных источников, он большее время своих жизни провел в развлечениях и пьянстве, не обратив ни малейшего внимания регулированию государственных дел.

Процесс разложения государства Тахиридов или сужение территории властвования его эмиров начался с Табаристана [4, 223; 11, 323]. Наместник Тахиридов – Сулейман ибни Абдуллах, являясь прямым потомком этого дома с 851 года стал правителем Табаристана. Он выбрав в качестве резиденции город Горган, управление данной области предоставил в распоряжение одному из своих слуг по

имени Мухаммад Авс Балхи. Этот Балхи назначив в ключевые посты своих родных, отнял земли некоторых бывших местных правителей, а также большую часть земель простого народа. Другой государственный чиновник Тахиридов – Джабир ибни Харун, поступив таким же образом, при этом, требовал три раза в год дань от жителей этого региона.

Такое отношение госслужащих Тахиридского государства став причиной недовольства народа создала предпосылки для восстаний. Такая ситуация была приемлема для Алавитов, которые уже много лет были одним из наиболее влиятельных групп, претендующих на власть в Табаристане. Народное восстание в Табаристане началось с районов Калар и Чалус. По инициативе испахбеда (местный руководитель) Джибаля жители Табаристана в 864 году привзвали лидера Алидов (Алавидов) – Хасана ибн Зейда, который жил в Рее приехать в их регион и взять власть в свои руки. Они поклялись Хасану на верность, тот перебрался в Табаристан со своими последователями и войском и прогнал наместников Тахиридов [14, 229; 16].

Таким образом, горная область Табаристан вышла из подчининия Тахиридского эмирата и это был первый случай «отсоединения» целого региона и началом территориального сужения Государства Тахиридов.

По сведениям Ибн Асира между войсками Сулеймана ибн Абдуллаха Тахирида и Хасана ибн Зейда несколько раз произошли столкновения, в результате чего в течении определенного времени города Амоль и Сари переходили из рук в руки. Однако, в итоге Сулейман Тахирид потерпев полное поражение, покинул территорию Табаристана [15, 297-299]. В течении одного года после этого события Рей, Казвин, Зенджан и несколько городов Хорасана также вышли из под контроля Государства Тахиридов [4, 225].

По сведениям Ибн Асира и Масуди главные города области Джибаль, в частности Рей с прилегающими ему районами до образования государства Алидов вышли из подчинения Тахиридов, однако были заново им присоединены [15, 299-300]. Хасан ибн Зейд Алид после завладения над Табаристаном и Горганом, подчинил себе также Рей, с прилегающими к нему районами и выгнал оттуда ставленников Тахиридского эмира.

Таким образом, при последнем эмире Тахиридов – Мухаммаде ибн Тахире они в дейстительности правили только Нишапуром и прилегающими ему районами. В результате народных восстаний и острых противоборств различных групп за власть в нескольких областеях, Тахириды потеряли управление над большой частью своего прежнего государства. В частности, Систан, Кирман и Фарс были уже покорены Якубом ибн Лейсом, Мавераннахр фактически стал независимым владением Саманидов, а Табаристан, Горган и Рей уже стали частью государства Алидов.

У Мухаммада ибн Тахира в течении почти десяти лет (862-871) были возможности если не вернуть все потерянные территории, хотя бы спасти государство от полного падения, однако, он без всяких обосновательных причин, оставался в бездействии в течении такого относительно долгого времени для

исправления ситуации. И наконец, дело дошло до того, что Якуб ибн Лейс овладев почти всем Хорасаном, в 873 г. вошел в Нишапур, подчинил себе город, и таким образом Тахиридский эмират совершенно прекратил свое существование.

Знаменитый средневековый философ и историк Ибн Хальдун в одном из разделов своего труда «Мукаддима» – «О том каким образом границы одного государства расширяются с началом его образования до конца покорения им земель, а затем поэтапно сужается и уменьшается до такой степени, что в итоге приводит к его полному разложению и падению» описывает причины падения государств. По его утверждениям, первым признаком «устарелости» государства является его разложение (разделение), которое начинается от районов и областей находившихся вдали от центра (т.е. столицы), а тем самым пространство подвластное государству сужается по сравнению с периодом его образования, и поэтапно продолжается до самого конца падения государства [17, 604-610].

Тахиридское государство постигла именно такая судьба, которая выше описана нами со слов Ибн Хальдуна, т.е., сначала такие области как Табаристан и Систан вышли из подчинения Тахиридского эмирата, затем поэтапно в течении примерно десяти лет территория государства постепенно сужалась, что в конечном итоге само государство прекратило свое существование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В. В. Работы по исторической географии и истории Ирана /Соч. Т. 7. М., Наука, 1971. –661 с.; Бартольд В. В. Общие работы по истории Средней Азии /Соч. Т. 2.ч. 1 М., ИВЛ, 1963. –1024 с.
2. Ғафуров Б. Тоҷикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асрҳои миёна. Душанбе, 1998.-413 с.
3. Амиршоҳӣ Нурмуҳаммад. Давлатдории тоҷикон дар асрҳои IX-XIV. Душанбе, 1998. –1008 с.
4. Амир Акбарӣ. Таърихи ҳукумати Тоҳириён аз оғоз то анҷом. Машҳад, 1384 ҳ. 400 с.
5. Босворт К. Э. Мусульманские династии. М.: Наука, 1971. – 324 с.
6. Сафаров Н. Ш. Қаламрави давлати Тоҳириён аз замони Тоҳир ибни Ҳусайн то поёни ҳукумати Абдуллоҳ ибни Тоҳир (солҳои 821-844) /Н. Сафаров//Тоҳириён ва эҳёи истиқлоли Хуросони Бузург. Маводи ҳамоиши илмии ҷумҳуриявӣ бахшида ба 1200-солагии таъсиси давлати Тоҳириён. Душанбе: «Ганҷи хирад», 2022. С. 154 -165.
7. Август Мюллер. История ислама: от мусульманской Персии до падения мусульманской Испании. Пер. с нем. Том 2, - М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. – 894 с.
8. Аҳмад ибни Абиъқуб ибни Возеҳ ал-Яъқубӣ. Ал-Булдон. Тарҷимаи доктор Муҳаммад-иброҳими Оятӣ. Баргардонкунанда аз хатти форсӣ ба кириллӣ Некрӯз Сафарзода. Сарредаксияи илмии Энсиклопедияи миллии тоҷик, Душанбе, 2022. –220 с. ISBN 978-99986-0-013-6.
9. История таджикского народа. Т.II. Эпоха формирования таджикского народа. Под редакцией академика Н. Негматова. Душанбе, 1999. -790 с.
10. Шобаштӣ Алӣ ибни Муҳаммад. ад-Диёрот. Димишқ: «ал-Мадӣ», 2008. –455 с.
11. Аҳмад ибни Исҳоқи Яъқубӣ. Таърихи Яъқубӣ. Тарҷумаи Муҳаммадиброҳими Оятӣ. Ҷилди 2, Теҳрон, 1387 ҳ.– 644 с.
12. Ибни Хурдодбеҳ Убайдуллоҳ ибни Абдуллоҳ. Масолик ва мамолик. Тарҷумаи Саъид Хокранд. Баргардонкунанда аз хатти форсӣ ба кириллӣ Некрӯз Сафарзода. Сарредаксияи илмии Энсиклопедияи миллии тоҷик, Душанбе, 2022. –232 с. ISBN 978-99986-0-012-9.
13. Табарӣ Муҳаммад ибни Ҷарир. Таъриху-р-русул вал мулук. Дар 8 китоб. Китоби 7. Душанбе. 2014.

14. Ле Стренҷ Гай. Ҷуғрофияи таърихии сарзаминҳои Хилофати Шарқӣ. Тарҷумаи М. Ирфон. Теҳрон, 1390 ҳ.ш. –609 с.

15. Ибни Асир. ал-Комил фи-т-таърих. Дар 13 ҷилд. Баргардони Ҳамид Ризо Ожир. Теҳрон: Асотир, 1382. Ҷ. 7-9.

16. Муҳаммад ибни Ҳасан ибни Исфандиёр. Таърихи Табаристон. Ба тасҳеҳи Аббос Иқбол. Ба эҳтимоми Муҳаммад Рамазонӣ Теҳрон: Асотир, 1389.

17. Муқаддимаи Ибни Халдун (иборат аз ду ҷилд). Мутарҷим Муҳаммад Парвини Гунободӣ. Таълиқот ва тасҳеҳу ҳавошӣ аз Нурмуҳаммад Амиршоҳӣ. Душанбе, Сарредаксияи илмии Энсиклопедияи Миллии Тоҷик, 2019– 688 с.

18. Камол Ҳ. Абдуллоҳ ибни Тоҳир ва тақвияти ҳукумати Тоҳириён дар Хуросони Бузург// Муаррих (маҷаллаи илмӣ - назариявӣ) № 3 (43), 2025. С. 21-32.

ОМИЛҲОИ ҶУҒРОФӢ - СИЁСИИ ТАҶЗИЯИ ДАВЛАТИ ТОҲИРИЁН ДАР ХУРОСОН

Давлати Тоҳириён нахустин давлати ниёгони тоҷикон пас аз густариши ислом буда, ҳудуди ин давлат фазои асосии ташаккул ва қаламрави таърихии сукунати мардуми тоҷик дар асрҳои миёна ва давраҳои баъдии таърихӣ дониста мешавад. Ин давлат ҳудуди густардаеро фаро мегирифт, ки қаламрави он сарҳадоти Ироқ дар ғарб то Синд ва Чин дар Шарқ имтидод дошт. Омӯзиши масоили ҷуғрофӣ-таърихии давлати Тоҳириён аз мавзуъҳои мубрами таърихи халқи тоҷик мебошад.

То имрӯз вобаста ба масоили марзӣ-ҳудудии давлати Тоҳириён таҳқиқоти ҷудогона сурат нагирифтааст. Ҳудуди ин давлат вобаста ба давраҳои гуногуни таърихии мавҷудияти он дучори тағйирот шуда, дар маҷмуъ марҳилаи густариш ва коҳишро паси сар кардааст.

Муаллиф бо такя ба сарчашмаҳои арзишманди таърихӣ кӯшиш намудааст авомили ҷуғрофиёӣ-сиёсии таҷзияи давлати Тоҳириёнро, ки баъдан боиси суқути комили он гаштаанд, мушаххас намояд. Зимни таҳқиқ ва баррасӣ ҳамчунин аз таълифоти муҳаққиқони ватанӣ ва хориҷӣ, ки вобаста ба масъалаи мавриди назар ба нашр расидаанд, истифода шудааст. Дар пайи хулосаҳои муаллифи мақола омилҳои ҷуғрофӣ-сиёсии фурӯпошии давлати Тоҳириён дар Хуросон мушаххас карда мешаванд.

Калидвожаҳо: *давлати Тоҳириён, қаламрави ҳукумат, ҷуғрофиё, вилоят, Хуросон, Мовароуннаҳр, Систон, Ҷибол, Кирмон, Тоҳир ибни Ҳусайн, Табаристон, хилофат, марзҳои давлатӣ.*

ПОЛИТИКО - ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗЛОЖЕНИЯ ГОСУДАРСТВА ТАХИРИДОВ В ХОРАСАНЕ

Государство Тахиридов было первым государством предков таджиков после распространения ислама. Оно охватывало огромную территорию, которая считается основным пространством формирования и проживания таджиков в средние века и поздние исторические периоды. Границы этого государства про-

стирались от Ирака на западе до Синда и Китая на востоке. Изучение историко-географического аспекта государства Тахиридов является одним актуальных тем истории таджикского народа.

Исследования по территориальным вопросам государства Тахиридов до сих пор не проводились. Территория данного государства потерпела изменения в разные исторические периоды его существования, которо можно делить на этапы территориального расширения и сужения.

Анализируя сведения наиболее известных исторических источников, автор попытался определить политико-географические факторы, разложения Тахиридского государства, которые впоследствии привели к его полному распаду. В процессе изучения, также автором использованы публикации отечественных и зарубежных исследователей, которые изданы по рассматриваемой теме. По результатам заключений автора статьи определяются политико-географические факторы распада государства Тахиридов в Хорасане.

Ключевые слова: *государство, государство Тахиридов, подвластная территория, география, провинция, Хорасан, Мавераннахр, Систан, Табаристан, Керман, Тахир ибн Хусейн, халифат, государственные границы.*

POLITICAL AND GEOGRAPHICAL FACTORS OF DISINTEGRATION OF THE TAHIRID EMIRATE IN KHORASAN

The Tahirid emirate (state) was the first state of the ancestors of the Tajiks after the spread of Islam. It encompassed a vast territory, which is considered the primary area of formation and settlement for the Tajiks in the Middle Ages and later historical periods. The borders of this state extended from Iraq in the west to Sindh and China in the east. Studying the historical and geographical aspects of the Tahirid state is a pressing topic in the history of the Tajik people.

Research on the territorial issues of the Tahirid state has not yet been conducted. The territory of this state has undergone changes in different historical periods of its existence, which can be divided into stages of territorial expansion and contraction.

By analyzing the best-known historical sources, the author attempts to determine the political and geographical factors that contributed to the disintegration of the Tahirid emirate, ultimately leading to its complete collapse. During the study, the author also utilized publications by domestic and international researchers on the topic under consideration. Based on the author's findings, the article identifies the political and geographic factors behind the collapse of the Tahirid Empire in Khorasan.

Key words: *Tahirid emirate, subordinate territory, geography, province, Khorasan, Transoxiana, Sistan, Tabaristan, Kerman, Tahir ibn Husayn, caliphate, state borders.*

Сведения об авторе: Сафарзода Некруз Шоди - кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. Адрес:

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Ак. Раджабовых, 7. Телефон.: (+992) 985-88-08-10. E-mail: nekruz_tj@mail.ru.

Маълумот дар бораи муаллиф: Сафарзода Некрӯз Шодӣ - номзади илмҳои таърих, ходими пешбари илмии Шуъбаи таърихи қадим, асрҳои миёна ва нави Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон ба номи А. Дониш. Суроға: 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, кӯчаи академикҳо Раҷабовҳо,7. Телефон: (+992) 985-88-08-10. E-mail: nekruz_tj@mail.ru.

Information about the author: **Safarzoda Nekruz Shodi** – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Ancient, Medieval and Modern History of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish NAST. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. Ak. Rajabovs,7. Mobile phone: (+992) 985880810. E-mail: nekruz_tj@mail.ru.

УДК 008:94 (575.3)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ ТАДЖИКОВ: ОТ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ К ГЛОБАЛЬНОЙ ВОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ

АРИФДЖАНОВА Н. Р.,

Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова НАНТ

История таджикского народа представляет собой многовековой процесс формирования и сохранения уникальной национальной идентичности. Уникальность национальной идентичности таджикского народа имеет глубокие корни, восходящие к эпохе неолита. Уже на ранних этапах истории человечества в Средней Азии наблюдается формирование отдельных культурно-исторических общностей, различающихся археологическими памятниками и условиями существования. Этот период знаменует собой переход общества от присваивающих форм хозяйства к производящим: охота и собирательство постепенно уступают место земледелию и скотоводству.

В зависимости от природно-географических условий в регионе формируются различные типы хозяйственной деятельности. Так, в пустынно-степных зонах получает развитие кочевое скотоводство, а в оазисах и речных долинах-оседлое земледелие. Плодородие земли достигалось искусственным способом. Подобная структура хозяйственной жизни в значительной мере определила характер социальной организации и культурного развития.

Уже с древнейших времён в Средней Азии складывается особенность, на которую обратил внимание К. Маркс: «У всех восточных племен можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части» [8,162].

Эта двойственность хозяйственных укладов не только обеспечивала устойчивость общества к природным и социальным изменениям, но и создавала основу для дальнейшей культурной дифференциации.

Взаимодействие кочевого и оседлого мировоззрения стало одним из ключевых факторов формирования уникальной национальной идентичности таджикского народа, сочетающей элементы мобильности и стабильности, традиции и инновации. От концепции объединения земель эпохи Кира Великого и Сасанидов до эпохи культурного ренессанса при Саманидах таджикский этнос прошёл путь от политической централизации к глубокой культурной консолидации.

Согласно утверждению Г. Ашурова, «падение династии Саманидов еще не означало, что эпоха, связанная с их правлением, ушла в небытие. Достижения этой эпохи в государственном строительстве, в развитии науки и культуры, в формировании таджикского народа как этнокультурной общности оставил в истории не только иранской, но и мировой цивилизации неизгладимый след. В последующей истории эпоха Саманидов «как нечто великое и героическое» в сознании народа осталось» [4,13].

В современную эпоху это наследие обретает новое звучание, трансформируясь в ключевой фактор международной безопасности и устойчивого развития через призму водной дипломатии.

Формирование таджикского народа стало результатом сложного этногенеза, корни которого уходят во II тысячелетие до н.э. Этногенез происходил на обширных территориях древней Бактрии (бассейн Амударьи), Согдианы (бассейны Зеравшана и Кашкадарьи) и Ферганской долины. Уже в III-II тыс. до н.э. предки таджиков населяли Хорасан, Мавераннахр, Хорезм, Бадахшан и сопредельные регионы [7, 464].

Термин «ариец» изначально означал «благородный». Слово «таджик», означающее «венценосец», вошло в обиход в VI-VIII вв. н.э. как эндоэтноним восточно - иранских народов. Как указывает Ю. Якубов, эти понятия семантически близки. Появление этнонима «таджик» было связано с необходимостью самоидентификации в условиях противостояния арабским и тюркским завоеваниям, подчёркивая оседлый, царственный статус в противовес кочевникам. Преемственность этой традиции прослеживается в именах персидских царей с компонентом «кай» - от перс. «царь», «властелин» (Кайхусрав, Кайковус) [17,15].

Результаты наших исследований позволяют утверждать, что истоки патриотической мысли таджикского народа восходят к эпохе правления династий Пешдадидов и Каянидов, с которых начинается история государственности. Согласно преданию, первый царь Хушанг проводил политику, основанную на справедливости и законности. Он полагал, что правитель должен опережать события, дабы не допустить бедствий для народа. Эта концепция отражена в названии династии - Пешдод: от слов: «пеш» - впереди и «дод» - справедливость, то есть «Пешдод» можно понимать как «тот, кто ставит справедливость вперёд» или «Ведущий справедливость». Династия Пешдадидов — это «изначальные законодате-

ли», первые цари, которые принесли и установили саму концепцию справедливости и закона как основу человеческого общества [5,39].

Известный востоковед В. В. Бартольд отождествлял легендарных Каянидов с исторической династией Ахеменидов. Согласно результатам его исследований, «народное предание сохранило династическое имя царей, правивших после Александра, тогда как самое имя Ахеменидов было забыто и заменено именем легендарной династии Каянидов» [3, 389].

В трудах В. В. Бартольда и Б. Г. Гафурова, посвящённых истории восточных народов, развитие национальной идеи единства и консолидации осмысливается как закономерный результат эволюции ахеменидской государственности. Она основывалась на объединении различных народов и регионов в единую политическую систему, что обеспечивало целостность империи и устойчивость её институционального порядка. При этом особое значение придавалось утверждению общественного порядка на принципах справедливости, различении добра и зла и признании законности как основы бытия.

В отличие от предшествующих ближневосточных держав, таких как Ассирия и Вавилон, чья власть во многом опиралась на военную силу, репрессии и массовые депортации, политика Ахеменидов основывалась на признании и сохранении культурной и религиозной самобытности покорённых народов. Если ассирийская модель государственности предполагала устрашение и насильственную ассимиляцию, то персидская империя противопоставила ей принцип терпимости и уважения к традициям. Именно эта новаторская стратегия позволила Ахеменидам превратить своё государство в уникальную для античного мира модель устойчивого многонационального устройства, в которой разнообразие служило источником силы и стабильности. Как отмечал Э. Мейер, политика Ахеменидов представляла собой сознательный метод внедрения рациональной политики единства через терпимость и ненасилие: «Персидская держава была первой в мировой истории, умевшей щадить покорённые народы. Она ввела в покорённых странах более упорядоченное управление, которое просуществовало более 200 лет» [3, 240].

Таким образом, коллективная идентичность и национальная идея складываются через взаимное признание, диалог и согласование ценностей между индивидом и обществом. Этот опыт Ахеменидов заложил основу долговечной традиции государственности, где терпимость, справедливость и уважение к культурному многообразию стали важнейшими принципами. Исторический контраст особенно заметен, если сравнить Ахеменидов с Ассирией, где управление строилось на страхе, массовых депортациях и репрессиях, или с Римом, где, несмотря на развитую правовую систему, покорённые территории подвергались интенсивной латинизации и нередко жёсткой эксплуатации. В отличие от этого, в Персидской империи сохранялись местные верования, законы и управленческие традиции, что обеспечивало устойчивость и долговечность её институтов.

В эпоху Сасанидов эта традиция обрела новое философско-нравственное содержание. Ключевой формулой политической и этической ответственности стала максима, приписываемая Ануширвану Справедливому: «Пока существуют небо и

земля, долг наш – жить по справедливости и закону». Эта мысль выражала не только нормативную основу власти, но и утверждала идею о том, что правление должно быть служением порядку и закону как универсальным категориям бытия. В «Кабуснаме» Унсурмаали Кайкавуса этот же принцип раскрывается в практическом ключе: «Если хочешь считаться справедливым, старайся, насколько можешь, чтобы подданным жилось хорошо». Таким образом, справедливость стала не отвлечённым идеалом, а критерием легитимности власти, воплощённым Хосровом I Ануширваном в создании эффективного государственного аппарата, обеспечивавшего баланс между моральной обязанностью и административной практикой.

Исторический опыт древних цивилизаций Восточного Ирана показывает: служение идеалам справедливости, терпимости и ненасилия ради укрепления государственности и консолидации народов всегда оправдано. Именно такая политика упрочила положение державы Ахеменидов, заложила основы национального самосознания и создала стройный государственный аппарат, в котором важнейшим объединяющим фактором выступало сакральное отношение к воде. В эпоху Сасанидов коллективная идентичность формировалась не только через политическую организацию, но и через общее сакральное восприятие природы, где вода становилась символом жизни и справедливости.

Это наследие восходит к зороастрийской традиции, где в *Абан-Ясте* говорится: «Добрым Водам, созданным Маздой; святому источнику Ардви Анахита; всем водам, созданным Маздой…» [1,34].

Вода почиталась как жизненная сила и как элемент космического порядка (*аша*), а божество Митра - хранитель справедливого распределения ресурсов. Таким образом, культ воды соединял духовное и политико-экономическое измерения, формируя этику ответственности и бережного отношения к природе. Как писал Ф. Энгельс, «немалую роль играло то, что в упорядоченном Персидском царстве Сасанидов караваны передвигались сравнительно безопасно, в то время как Йемен в период с 200 по 600 годы почти постоянно находился в зависимости от Абиссинии» [8, 116].

Как говорит вековая мудрость таджиков, «сила народа - в единстве и государственной мощи». Этот опыт показывает, что устойчивое государство опирается не только на военную силу, но и на организацию хозяйства, охрану путей и справедливое распределение ресурсов. Именно глубокое осознание этой истины способствовало тому, что древние предки таджиков умели объединять разные народы в рамках единого политического целого и обеспечивать их длительное мирное сосуществование. Исторический опыт показывает: задача победителя заключается не в демонстрации превосходства, а в создании притягательных общественных отношений и прочных межнациональных связей.

При Саманидах данная линия получила национальное измерение. Государство возродило культурные и политические основы доарабской эпохи, утвердило язык дари (таджикский/фарси-дари) как язык администрации и литературы, покровительствовало науке, образованию и искусству. Государственное управление было выстроено по сасанидскому образцу, а система ирригации, как отмечал Б. Гафуров,

«в бассейне Зеравшана ещё в доарабское время была настолько развита, что впоследствии кардинальным изменениям не подвергалась» [5, 349]. Поддержание каналов и совместное управление водными ресурсами требовали согласованных усилий, что способствовало укреплению государственных институтов и развитию общественной кооперации.

Во введении к «Критике политической экономии» Карл Маркс анализировал отсутствие частной собственности, характерное для азиатских обществ, объясняя его климатическим и геоморфологическими особенностями региона: пустынные равнинные пространства требовали ирригационного орошения, что обусловливало необходимость сильной центральной власти для координации коллективных сельскохозяйственных работ. При этом в других своих исследованиях Маркс подчёркивал уникальность азиатских обществ и противопоставлял их европейским феодальным структурам [9,6]. Анализ такой исторической практики позволяет рассматривать её как важную предпосылку для понимания национальной идеи и её роли в укреплении государственности и консолидации общества в условиях глобализации и цифровых вызовов.

Сегодня этот принцип находит отражение в водной дипломатии Таджикистана, где национальные интересы и глобальная ответственность интегрируются через совместные проекты управления водными ресурсами, международное сотрудничество и продвижение устойчивого развития, демонстрируя преемственность исторической модели коллективного сознания и современной практики.

Как подчёркивал уважаемый Эмомали Рахмон в международной конференции по инициативе «Вода для устойчивого развития, 2018-2028 гг.»: «Мы все вместе смогли поставить тематику воды в центр глобальных переговоров о развитии и сплотить мировое сообщество вокруг этой чрезвычайно важной темы» [14,3].

В современных условиях, когда Таджикистан и мировое сообщество сталкивается с вызовами трансграничного водопользования и изменения климата, данная парадигма трансформировалась в новую, практическую форму реализации национальной идеи - активную водную дипломатию. Наследие предков таджиков сегодня проявляется в роли Таджикистана как инициатора глобального диалога по воде. Современная водная дипломатия Таджикистана может рассматриваться как продолжение этой традиции - стремление сочетать рациональное управление ресурсами, международное сотрудничество и сохранение культурно-исторической идентичности, формируя целостную концепцию национальной идеи в глобальном контексте.

По выражению, Президента Таджикистана, «вода есть источник жизни, основа развития и фактор стабильности» [19,5]. Таким образом, уважительное и рациональное использование водных ресурсов становится не просто практической необходимостью, но важным элементом формирования национальной идентичности и международного сотрудничества.

Водная дипломатия Таджикистана формально началась с инициативы, озвученной Президентом Эмомали Рахмоном на 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2000 года**.** На этом заседании Таджикистан впервые предложил

провести Международный год пресной воды (2003), что стало отправной точкой для глобальных дискуссий о воде и укрепило роль страны как инициатора международных водных инициатив. Объявление 2013 года - Международным годом водного сотрудничества (20 декабря 2010 г.) В соответствии с этой инициативой 20-21 августа 2013 года в Душанбе была проведена Международная конференция высокого уровня по водному сотрудничеству. По итогам которой были приняты следующие документы:

Душанбинская декларация Международной конференции высокого уровня по водному сотрудничеству и 29 августа - 1 сентября 2003 года в г. Душанбе был проведен Международный форум по пресной воде.

Проблема водных ресурсов стала одной из ключевых тем глобальной повестки устойчивого развития. В 2015 году ООН приняла «Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», где Цель устойчивого развития № 6 (ЦУР-6) называется «Чистая вода и санитария для всех». ЦУР-6 включает:

- обеспечение всеобщего доступа к безопасной питьевой воде;
- развитие систем санитарии и гигиены;
- сокращение загрязнения воды и контроль сбросов отходов;
- повышение эффективности использования воды в промышленности, сельском хозяйстве и городах;
- охрану водных экосистем (реки, озёра, подземные воды, болота);
- международное сотрудничество по управлению трансграничными водными ресурсами.

Эта цель напрямую связана с инициативами Таджикистана и Лидера нации Эмомали Рахмона, который активно продвигает тему воды на уровне ООН. Его предложения по Международным десятилетиям действий «Вода для жизни» (2005-2015) и «Вода для устойчивого развития» (2018-2028) помогают привлечь внимание к выполнению ЦУР-6 во всём мире.

Цикличность времени и связь человека с природой в таджикской культуре ярко выражена в праздниках Сада, Мехргон и Навруз. Сада (30 января - 1 февраля) символизирует победу света над тьмой и пробуждение жизненных сил, сопровождается ритуальным разжиганием костров как знаком очищения и поддержки солнца.

Мехргон (осеннее равноденствие) отмечает завершение сельскохозяйственного года, благодарность Земле и божеству Митры, укрепляя идею справедливости и социального единства. Навруз (21 марта) знаменует весеннее равноденствие, пробуждение природы и обновление мира; важной частью праздника является обряд обливания водой, символизирующий смывание накопившегося негатива и вхождение в новый год с чистой душой, обновлёнными мыслями и надеждой на гармонию.

Традиция рационального отношения к космическому порядку, природе и водопользованию получила продолжение в эпоху Саманидов через возрождение праздников Навруз, Сада и Мехргон, что укрепляло связь человека с цикличностью природы и формировало коллективное восприятие культурного и природного

порядка. Через призму постулата интерсубъективности («смотреть на себя глазами других») это способствовало формированию национальной идентичности, социальной ответственности и ценностей свободолюбия, подтверждая языковую идентичность через язык дари и возрождение культурных традиций в послеарабский период.

Сегодня деятельность Президента Эмомали Рахмона по поддержке этих праздников продолжает историческую линию, одновременно формируя уважение к природным ресурсам, рациональное использование воды и участие Таджикистана в международной водной повестке, включая Международное десятилетие действия «Вода для жизни» (2005 - 2015 гг.) [20,4].

Возрождение и празднование Навруза в Таджикистане и других странах региона представляет собой процесс, выходящий далеко за рамки обычного празднества. Его суть определяется глубокой связью с космическими циклами -прежде всего с весенним равноденствием, - что придаёт ему вневременный характер и связывает современность с эпохой древних ариев. Ритуалы Навруза, наполненные архетипическими символами борьбы добра со злом и обновления жизни, обращаются к тем слоям коллективной памяти, которые К. Г. Юнг определял как «коллективное бессознательное - тот пласт психики, содержание которого не приобретено индивидуально, а унаследовано. Оно состоит из предсуществующих форм - архетипов, которые лишь вторично обретают конкретное содержание» [16,56].

Архетипы, по Юнгу, «есть некое врождённое, всеобщее и универсальное содержание, выражающее себя в формах, присутствующих во всех культурах и во все времена» [там же, 62]. Эти формы проявляются в символах Навруза - в огне как знаке очищения, в зелени как эмблеме возрождения, в круге солнца как образе космической гармонии. Следуя логике Юнга, «архетип сам по себе пуст, формален - он есть возможность образа, но не сам образ. Только в символе архетип становится доступным сознанию» [там же, 68], - и именно в этом заключается сущность Навруза как феномена «вечного возвращения», в котором обновляется не только природа, но и космический порядок человеческого бытия.

Эмоциональная значимость праздника опирается на категории культурной памяти [2,373] - Родины, детства и семейного единства, а обряды очищения души и пространства придают Наврузу характер сакрального времени, делая его неприкосновенным и глубокоуважаемым.

Секуляризация Навруза не привела к утрате его сакрального содержания, но стала процессом отделения от прямого религиозного контроля и адаптации к социально-политическим условиям современности. Сакральная суть праздника - почитание природы, память о предках и идея обновления -сохранилась в культурном коде, обретя новые формы. Традиционные элементы - благоговение перед природой, связь с историей, ритуалы очищения и гостеприимства - дополнились национальной символикой, идеей гражданской солидарности, межэтническим согласием и экологической повесткой.

Мудрая политика Президента Таджикистана Эмомали Рахмона по возрождению этих древних традиций вывела эти праздники за рамки культурного феноме-

на, придав им новое, практическое измерение в контексте «зелёной» экономики и экологических инициатив.

Как подчеркнул Лидер нации Эмомали Рахмон, «высокие идеалы независимости, патриотизма и гуманизма, свободы мысли и свободолюбия, стремления к знаниям и просвещению, доброжелательности и терпимости, единства и дружбы - в целом, достойная мораль и добродетельные качества человека - являются нашим бесценным великим наследием, которое направляет таджикский народ и все человечество к светлому будущему и счастливой жизни» [13,63].

Благодаря его личной инициативе и последовательным усилиям, сегодня Навруз, Сада и Мехргон стали отправными точками для масштабных общенациональных кампаний по озеленению и рациональному землепользованию. Таким образом, древние традиции, олицетворяющие единство с природой и благодарность Земле-кормилице, под руководством Президента Республики Таджикистан получают современное воплощение, работая на обеспечение экологической безопасности, устойчивого развития и процветания нации.

Таким образом, «сакральная секуляризация» трансформировала Навруз в светский, но духовно насыщенный общенациональный праздник, объединяющий людей независимо от вероисповедания. Благодаря этой эволюции Навруз был признан частью глобального нематериального культурного наследия и включён в список ЮНЕСКО [18,1].

Праздник, сохраняя свой сакральный исторический ореол, был осмыслен прежде всего как светский символ национальной идентичности, основанный на древних архетипах единения с природой и обновления.

Эта внеконфессиональная природа Навруза стала ключевым фактором его интеграции в глобальное культурное пространство. Исторический приоритет Навруза неоспорим: он древнее ислама на тысячелетия.Ислам, как мировая религия, проявил гибкость, адаптируясь к местным культурам для более успешного своего распространения. Навруз - классический пример такой адаптации, а не синтеза.

Будучи очищенным от исключительно религиозного контекста, этот феномен трансформировался в универсальную цивилизационную ценность, отражающей принципы обновления, гармонии человека с природой и цикличности времени. По словам уважаемого Эмомали Рахмона, этот праздник «вселяет в сердца людей надежду, способствует миру, дружбе и укреплению национальной идентичности» [18,5].

В современном глобальном контексте это делает Навруз инструментом культурной дипломатии, способствующим продвижению позитивного имиджа Таджикистана, укреплению международного сотрудничества и интеграции национальной идеи в мировое сообщество.

Навруз никогда не имел догматически-религиозного характера: он представляет собой праздник пробуждения природы после зимнего сна, символ обновления жизни и гармонии человека с космосом. В этом смысле Навруз – это не только народная традиция, но и своеобразный «космический Новый год», зафиксированный в природно-астрономическом календаре и отражающий древние представле-

ния о единстве человека и мироздания. Навруз – это не просто календарная дата. Это:

- Живой символ непрерывной истории и культурной преемственности.
- Мост, соединяющий народы поверх современных границ и политических разногласий.
- Код единства, который позволяет миллионам людей, от Балкан до Западного Китая, чувствовать себя частью большой и древней цивилизации, основанной на идеях мира, добрососедства, обновления и надежды на лучшее будущее.

Таким образом, Навруз сохранил свое первоначальное светское и культурное содержание, связанное с астрономическим циклом, аграрным календарем и идеей обновления. Его способность сосуществовать с исламом демонстрирует не синкретизм, а культурную устойчивость и внеконфессиональный характер. Это позволило ему стать объединяющим явлением для представителей разных религий в рамках одной культурной общности.

Таджикистан активно продвигает стратегию устойчивого управления водными ресурсами, интегрируя принципы IWRM, цифровизацию сектора и трансграничное сотрудничество. Под руководством Лидера нации Эмомали Рахмона страна реализует стратегически выверенные дипломатические инициативы, укрепляя международное сотрудничество, повышая роль в решении трансграничных водных вопросов и формируя имидж ответственного партнёра, включая активное взаимодействие с Францией и участие в региональных форумах. Его усилия направлены на трансформацию Таджикистана из страны, обладающей значительными водными ресурсами, в ключевого глобального актора в решении водных проблем. Стратегическое партнерство с Францией в водной сфере является одним из наиболее ярких примеров успешной двусторонней дипломатии Таджикистана. Это партнерство имеет несколько уровней:

- Политическая поддержка на высшем уровне: Франция активно поддержала водные инициативы Таджикистана.
- Со-председательство в международных структурах: совместное председательство в Группе Всемирного банка по водным ресурсам (GWSP) и в Международном партнерстве по водным ресурсам (IPWP).
- Экспертное и финансовое содействие: через Французское агентство развития (AFD).
- Продвижение климатической повестки: взаимосвязанность водных проблем и изменения климата.

Как было сказано выше, под руководством Эмомали Рахмона Таджикистан выступил инициатором ряда ключевых резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, которые заложили основу современной глобальной водной повестки:

- Международный год пресной воды (2003 г.): первая крупная инициатива, привлекшая внимание мирового сообщества к важности водных ресурсов.
- Международное десятилетие действий «Вода для жизни» (2005-2015 гг.): позволило перейти от разовых акций к долгосрочной системной работе [20,11].

- Международное десятилетие действий «Вода для устойчивого развития» (2018-2028 гг.): продолжение и углубление предыдущих усилий [там же, 21].
- Конференция ООН по среднесрочному всеобъемлющему обзору хода выполнения целей Десятилетия (2023 г.): историческое событие, ставшее крупнейшим в области водных ресурсов за последние почти 50 лет. Эти шаги свидетельствуют о стратегическом видении, направленном на создание постоянной международной платформы для обсуждения водных проблем.

Заключение. Эволюция таджикской национальной идеи демонстрирует уникальный путь трансформации: от национальной модели управления и культурно-духовной консолидации к активной глобальной миссии в сфере устойчивого развития и миротворчества. Современный этап развития национальной идеи неразрывно связан с деятельностью Лидера нации, Основателя мира и национального единства - Президента Эмомали Рахмона, который трансформировал историко-культурное наследие таджикского народа в практическую плоскость, эффективно используя его как инструмент внутренней консолидации и укрепления позиций страны на международной арене. Ключевым элементом этой стратегии стало формирование последовательного глобального месседжа, который четко формулирует позицию Таджикистана по критически важным вопросам современности. Такие посылы, как «Вода – источник жизни, а не инструмент политики», «Таяние ледников - угроза глобальной безопасности» [19,3] и обращение к культурным архетипам гармонии с природой, заложенным в Наврузе и Мехргоне, работают на реализацию более широкой миссии. Эта миссия заключается в позиционировании страны не только как ответственного хранителя водных ресурсов, но и как центра древней мудрости, предлагающего миру модель сотрудничества на принципах справедливости и взаимного уважения.

Таким образом, национальная идея, пройдя через тысячелетия, обрела новое измерение. Она перестала быть исключительно фактором этнической самоидентификации, превратившись в эффективный инструмент мягкой силы и глобального диалога. Вода, как сакральный ресурс и основа жизни, стала её центральным символом, олицетворяющим переход от разобщающей политики к объединяющему сотрудничеству. Этот подход не только укрепляет суверенитет и единство Таджикистана, но и вносит весомый вклад в формирование новой архитектуры международной безопасности, основанной на совместном решении общих проблем.

Роль Лидера нации Эмомали Рахмона заключается не просто в продвижении национальных интересов Таджикистана, а в формулировании и лоббировании общечеловеческих приоритетов. Его лидерство превратило водный вопрос в одну из центральных тем глобальной повестки дня. Стратегическое партнерство с Францией стало катализатором этого процесса. Он последовательно призывает мировое сообщество к солидарным действиям, акцентируя внимание на решении конкретных проблем - кризиса таяния ледников и водной безопасности - через создание целевого фонда, а не на отстаивании статусных позиций.

Благодаря этим усилиям, Таджикистан под руководством Эмомали Рахмона утвердился в качестве признанного мирового лидера в области водной диплома-

тии. В своих выступлениях на водных форумах в 2025 году Президент Эмомали Рахмон усилил акцент на кризисе таяния ледников как угрозе глобальной безопасности и будет настаивать на создании под эгидой ООН целевого международного фонда для финансирования мер по адаптации. Ключевым месседжем остается призыв к переходу от деклараций к конкретным действиям в рамках завершающей фазы Международного десятилетия действий «Вода для устойчивого развития» [20,21].

ЛИТЕРАТУРА

1. «Авеста» (Абан-Яшт). Душанбе: Адиб. 1983. -176 с.
2. Ассман Ян. А 90. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности /Пер. с нем. М. М. Сокольской. - М.: Языки славян. культ., 2004. -355 с.
3. Бартольд В. В. Место иранцев и иранской культуры. Работы по исторической географии и истории Ирана. Соч. - М., 1971. Т.7.- 662 с.
4. Гафар Ашуров. Философия эпохи Саманидов (общая характеристика). Душанбе: Ирфон, 2006.-220с.
5. Гафуров Б. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Москва:«Наука»., 1972. - 690 с.
6. Гафуров Б. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история/ Б. Гафуров. Кн. 2. - Душанбе: Ирфон, 1989. - 379 с.
7. Демографический энциклопедический словарь. - М., 1985. - С.464.
8. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из переписки К. Маркса и Ф. Энгельса в мае 1853 г. Сочинения. Изд.2. Т.21. Москва, 1962.- 814 с.
9. Карл Маркс. К критике политической экономии /Маркс К., Энгельс. Ф. Сочинения. - 2-е изд. -Т.13. - С.5-9. - 805 с.
10. Выступление Президента Республики Таджикистан на Водной конференции ООН. Нью-Йорк, 22 марта 2023 г. // Официальный сайт Президента РТ. URL: https://www.prezident.tj/ru/node (дата обращения: 15.10. 2025).
11. Раҳмон Э. Давлатдории тоҷикон: аз Сомониён то оғози асри XXI /Э. Раҳмон/Омӯзгор. 1999. 15 сентябр. – 4 с.
12. Раҳмон Э. Ваҳдат ва раванди гуфтугӯи тамаддунҳо. -Душанбе: Адиб, 2015.-464с.
13. Раҳмон Э. Выступление на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 2007. [Доступ: www.un.org] (asiaplustj.info; khovar.tj)
14. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/XX/XXX «Международное десятилетие действий «Вода для устойчивого развития», 2018-2028 гг.». Резолюции и решения Генеральной Ассамблеи. United Nations Digital Library System https://digitallibrary.un.org › record › files › A_77_3-RU (5).pdf.
15. Мирча Элиаде**.** Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб.: «Алетейя», 1998. -258 с.
16. Юнг К. Г. Архетип и символ /К. Г. Юнг. – М.: Renaissance; Jv ewo – s&d, 1991**.** – 304 с.
17. Якубов Ю. Вклад иранских народов в развитие мировой цивилизации. // Вклад иранских народов в развитие мировой цивилизации: история и современность. Тезисы докладов и сообщений, Душанбе, 9-16 сентября 1992 г. - 330 с.
18. UNESCO. Nowruz, Persian New Year //Intangible Cultural Heritage. unesco.org._International Day of Nowruz UNESCO.https://www.unesco.org ›27 апр. 2022 г. A_77_3-RU (5). pdf.
19. UN General Assembly. Resolution A/RES/58/217. International Decade for Action, «Water for Life», 2005-2015. A_77_3-RU (5). pdf

20. UN General Assembly. Resolution A/RES/71/222. International Decade for Action, «Water for Sustainable Development», 2018-2028. Генеральная Ассамблея Официальные отчеты Семьдесят седьмая сессия Дополнение № 3. -209 с. A_77_3-RU (5). pdf.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ ТАДЖИКОВ: ОТ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ К ГЛОБАЛЬНОЙ ВОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ

В данной статье рассматривается эволюция национальной идеи таджиков, прослеживаются её корни от древних цивилизаций, таких как Бактрия и Согдиана, через эпохи Сасанидов и Саманидов до современных вызовов и возможностей в области глобальной водной дипломатии.

При рассмотрении особое внимание уделяется историческому аспекту национальной идеи объединения стран и народов в единое пространство, которое включало ирригационные системы, земледельческие практики и совместный образ жизни, необходимые для устойчивого развития в засушливых условиях, и которое сегодня находит выражение в современной водной дипломатии.

Продолжение этой национальной идеи проявляется сегодня в водной дипломатии Таджикистана и деятельности Лидера нации Эмомали Рахмона на глобальном уровне. Инициативы «Вода для жизни» (2005-2015) и «Вода для устойчивого развития» (2018 -2028) помогают привлечь внимание международного сообщества к выполнению ЦУР-6 во всём мире.

Исследование подчеркивает исторические, культурные и философские основы таджикской национальной идентичности и анализирует её актуальность в контексте современной глобализации и регионального сотрудничества.

Ключевые слова: *национальная идея, национальная идентичность, эпоха Сасанидов, эпоха Саманидов, таджикская цивилизация, историческое наследие, ирригация, водная дипломатия, устойчивое развитие.*

ИДЕЯИ МИЛЛИИ ТОҶИКОН: АЗ ТАМАДДУНҲОИ ҚАДИМ ТО ДИПЛОМАТИЯИ ГЛОБАЛИИ ОБӢ

Дар ин мақола таҳаввули идеяи миллии тоҷикон мавриди баррасӣ қарор гирифта, решаҳои он аз фарҳангҳои қадими Суғду Бохтар, давраҳои Сосониён ва Сомониён то мушкилот ва имкониятҳои муосир дар дипломатияи байналмилалии обӣ пайгирӣ мешаванд.

Ҳангоми таҳлил, ба ҷиҳати таърихии идеяи миллӣ, ки он дар як фазои ягона муттаҳид кардани кишварҳо ва мардумонро пешниҳод менамояд, аҳаммияти махсус дода мешавад.

Низоми обёрӣ, таҷрибаи кишоварзӣ ва тарзи зиндагии ҳамбастагӣ ва ҳамкорӣ ҳамчун рукнҳои асосии идеяи миллӣ таҳлил мешаванд, зеро онҳо дар муҳити табиии хушк зарурият доштанд ва имрӯз дар сиёсати муосири об ва дипломатияи обӣ таҷассум ёфтаанд.

Давомёбии ин идеяи миллӣ дар дипломатияи обии давлат ва фаъолияти Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон дар арсаи ҷаҳонӣ ифода мегардад. Ташаббусҳо ба монанди «Об барои ҳаёт» (2005-2015) ва «Об барои

рушди устувор» (2018-2028) таваҷҷуҳи ҷаҳониёнро ба татбиқи Ҳадафи 6-и Рушди Устувор (SDG-6) ҷалб менамоянд.

Таҳқиқ асосҳои таърихӣ, фарҳангӣ ва фалсафии ҳувияти миллии тоҷиконро таъкид намуда, аҳаммияти онро дар заминаи ҷаҳонишавии муосир ва ҳамкории минтақавӣ таҳлил мекунад.

Калидвожаҳо: *идеяи миллӣ, ҳуввияти миллӣ, давраи Сосониён, давраи Сомониён, тамаддуни тоҷикон, мероси таърихӣ, низоми обёрӣ, таҷрибаи кишоварзӣ, дипломатияи обӣ, рушди устувор.*

THE NATIONAL IDEA OF THE TAJIKS: FROM ANCIENT CIVILIZATIONS TO GLOBAL WATER DIPLOMACY

This article examines the evolution of the national idea of the Tajik people, tracing its roots from ancient civilizations such as Bactria and Sogdiana, through the Samanid and Sasanid eras, to contemporary challenges and opportunities in global water diplomacy.

During the analysis, special attention is given to the historical aspect of the national idea of uniting countries and peoples into a single space, which encompassed irrigation systems, agricultural practices, and a collaborative lifestyle necessary for sustainable development in arid environments, and which today is reflected in modern water diplomacy.

The continuation of this national idea is expressed today through Tajikistan's water diplomacy and the leadership of the nation's President, Emomali Rahmon, on the global stage. Initiatives such as «Water for Life» (2005-2015) and «Water for Sustainable Development» (2018-2028) help draw international attention to the implementation of SDG-6 worldwide.

The study emphasizes the historical, cultural, and philosophical foundations of the Tajik national identity and explores its relevance in the context of modern globalization and regional cooperation.

Key words: *National idea, national identity, Sasanid era, Samanid era, Tajik civilization, historical heritage,* ***irrigation systems****, agricultural practices, water diplomacy, sustainable development.*

Сведение об авторе: Арифджанова Назира Рахматджановна - кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии, политологии и права им. А. М. Баховаддинова Национальной академия наук Таджикистана, телефон: (+992) 205-58-58-14. E-mail: nur_58@bk.ru

Маълумот дар бораи муаллиф: Орифҷонова Назира Раҳматҷоновна - номзади илмҳои фалсафа, дотсент, ходими калони илмии Шуъбаи фалсафаи иҷтимоии Институти фалсафа, сиёсатшиносӣ ва ҳуқуқи ба номи А. М. Баҳоваддинови Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. Телефон: (+992) 205-58-58-14. E-mail: nur_58@bk.ru

Information about the author: Arifjanova Nazira Rahmatjanovna - Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor **(**Docent**),** Senior Researcher at the Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. M. Bakhovaddinov, National Academy of Sciences of Tajikistan, phone: (+992) 205-58-58-14. E-mail: nur_58@bk.ru

УДК 72.036 (575)

УЗОРЫ И СИМВОЛЫ В ИСКУССТВЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ОДИНАЗОДА Б. Э.,
Государственный институт изобразительного искуства и дизайна Таджикистана

В VIII - IX вв. земли Средней Азии оказались в сфере политического и военного контроля Арабского халифата. Установление новой власти сопровождалось серьёзными культурными трансформациями: нередко разрушались городские центры, уничтожались изображения с человеческими и животными образами, рассматривавшийся как проявления языческой традиции. Особенно резко критиковались религиозные и художественные формы, не соответствовавшие исламским нормам. Однако уже начиная с IX-X вв. централизованное давление халифата стало постепенно ослабевать, что создало условия для возрождения местных культурных практик и формирования новых художественных направлений. Эти формы опирались на исламское мировоззрение, но одновременно сохраняли элементы прежних изобразительных традиций.

Строительное искусство средневековья стало одним из ключевых факторов, определивших эволюцию градостроительных принципов на территории Среднего Востока. Данный процесс включал не только совершенствование строительных технологий, но и расцвет архитектурных и декоративно-художественных практик. Отказ от использования сырцового кирпича в пользу обожжённого прочного материала, а также активное внедрение арочных и купольных конструкций потребовали от зодчих высокого уровня профессиональных знаний и технической подготовки. Искусство кирпичной кладки превратилось в самостоятельную дисциплину, где эстетическая выразительность тесно переплеталась с точными инженерными расчётами. Архитектурное убранство, особенно декоративное оформление стен, стало особым направлением, основанным на строгой математической соразмерности и геометрической гармонии, дополненных высоким художественным мастерством. Традиции работы с пропорциями опирались одновременно на чувственное восприятие формы, практический опыт и прикладные математические принципы.

Кладка из обожжённого кирпича с рельефной обработкой, выполненная из блоков с последовательным чередованием по два-три элемента и ритмическими

интервалами, формировала выразительную пластическую поверхность стен. Применение различных приёмов укладки – под углом, «зубцом», а также в вариантах тычковой и ложковой перевязки – придавало фасаду орнаментальный характер и усложняло его фактуру. Взаимодействие светотени усиливало глубину восприятия и подчёркивало художественную завершённость композиции. Дополнительный декоративный эффект достигался использованием распиленных и отполированных кирпичных брусков, благодаря которым архитектурные элементы обретали утончённый рисунок, основанный на принципах симметрии и ритмической организации [14,43].

Среди памятников декоративно-архитектурного наследия раннеисламской эпохи в Средней Азии особое место занимают мавзолей Саманидов в Бухаре (IX - X вв.) и мавзолей Араб-ата в селении Тим Самаркандской области (X в.). Эти постройки можно рассматривать как заключительный этап эволюции согдийской строительной традиции, одновременно ставшей отправной точкой формирования новой художественной парадигмы, которая получила дальнейшее развитие в архитектуре последующих столетий.

Архитектурное убранство IX - X столетий складывалось в рамках двух ключевых тенденций. Первая связана с так называемым общехалифатским направлением, в котором нашли отражение художественные приёмы и орнаментальные формы, унаследованные от ведущих культурных центров исламской цивилизации - Дамаска, Самары близ Багдада, Фустата на территории современного Каира, а также архитектурных комплексов Сирии и крепостей в пустынных районах. Второе направление опиралось на собственные местные традиции строительства и декора, которые особенно интенсивно проявились в Самарканде и Бухаре периода Саманидов, а также в Хорезме времён правления Мамунидов [12, 94].

Несмотря на ощутимое воздействие общехалифатского стиля на художественное оформление среднеазиатской архитектуры IX - X вв., её подлинная самобытность и эстетическая выразительность во многом были обусловлены развитием местных традиций, их образным строем и декоративными решениями [10,137].

Показательным примером художественного наследия X века является скульптурная колонна из Обурдона, расположенного в долине реки Зеравшан. В её оформлении мастера использовали символику и аллегорические образы, уходящие корнями в доисламскую эпоху и сохранившиеся в коллективной памяти народа. Эти архаические мотивы были органично обогащены новыми художественными элементами: растительными орнаментами в стилистике арабески и узорной эпиграфикой, которая в тот период получила особое развитие. Таким образом, старые формы и образы не исчезли, а преобразовались, вступив в продуктивный диалог с новыми эстетическими тенденциями исламской культуры [4, 215].

К числу наиболее показательных памятников декоративного искусства IX-X столетий относятся образцы из разных регионов Средней Азии. В Южной Туркмении особое значение имеет резьба по ганчу в мечети-мавзолее Шир-Кабир в Машхаде (X в.), где орнаментальные формы приобретают характер своеобразной пластической «каллиграфии». На территории современного Таджикистана сохрани-

лись редкие произведения деревянной резьбы - мехраб из Искодара (X в.) и резные детали культовых сооружений горных селений верховьев Зеравшана (например, Чоркух), отражающие локальные художественные традиции. В Узбекистане к числу значимых находок относятся резные ганчевые украшения залов дворца Саманидов в Самарканде (IX - X вв.), декор купольного зала на этом же городище (X в.), а также изысканный резной штукатурный орнамент мавзолея Араб-ата (X в.). В совокупности эти памятники демонстрируют богатство художественных техник и разнообразие региональных школ, сформировавших неповторимый облик архитектуры раннего исламского периода [2,90].

Традиции играли определяющую и созидательную роль в формировании декоративного убранства архитектуры Мавераннахра начиная с IX-X вв. В то же время именно этот период стал временем интенсивных художественных поисков и появления новых идей, наиболее ярко проявившихся в крупных городах, где культурные влияния пересекались особенно активно. Зодчие и резчики для каждого материала - будь то дерево, ганч или камень - находили особые способы обработки орнаментов, что позволяло не только переосмысливать унаследованные мотивы, но и придавать им совершенно иное, самобытное звучание.

Постепенно теория арабески перестаёт быть лишь ремесленной практикой и начинает осмысляться как целостная система знаний, а её воплощение в декоративных формах превращается в настоящую художественную дисциплину. Новое направление опиралось на сложные принципы построения растительных и геометрических композиций, в которых переплетались линии, образовывались вписанные фигуры и орнаментальные медальоны. Эти узоры получили собственные термины - «ислими», «гирих», «мадохиль», «турундж» - и стали неотъемлемой частью архитектурного облика региона, задавая основу эстетике, которая продолжала развиваться в последующие столетия [3,126].

Среди архитектурных памятников XI-XIII вв. особое внимание исследователей привлекают объекты, отличающиеся высоким уровнем строительного мастерства и изысканной декоративной обработкой кирпичной кладки. В архитектурном наследии Южного Туркменистана можно выделить минареты Месториана, в частности сооружение, датируемое 1002 годом, а также ряд монументальных гробниц Мервского оазиса, среди которых особенно известен мавзолей Мухаммеда ибн Зейда (XI в.). К этой же группе относятся мавзолей Аламбердара и караван-сарай Дая-Хатын (XI в.), а также культовое сооружение XII века - мечеть Талхатан-баба. В пределах территории современного Кыргызстана сохранились выдающиеся образцы раннесредневекового зодчества: башня Бурана (X-XI вв.) и минарет в Узгене (XI в.), которые наглядно демонстрируют высокий уровень архитектурных и художественных традиций региона [10,141].

К числу выдающихся образцов резного декоративного убранства рассматриваемой эпохи относятся памятники монументального и дворцового зодчества, демонстрирующие высокое художественное мастерство мастеров Средней Азии. Среди них особое место занимает дворец в Хульбуке, возведённый в XI веке, отличающийся богатой пластикой и изяществом орнаментальных форм. Не менее

значимым памятником является мавзолей Шах Фазиль, расположенный в селении Сафед Буленд на территории Южного Кыргызстана (XI в.), где тонкая работа по штуку сочетается с выразительной архитектурной композицией. В XII веке в Термезе был возведён дворец местных правителей, представляющий собой характерный образец синтеза функциональности и декоративности. В этот же период формируются выдающиеся культовые сооружения: мавзолей Хаким ат-Термизи (XI-XII вв.), сочетающий строгие архитектурные линии с богатством декоративных решений, а также монументальный мавзолей султана Санджара в Мерве (XII в.), который стал одним из ярких свидетельств расцвета зодчества региона [5,189].

К числу наиболее совершенных произведений резьбы по дереву XI-XII вв. относятся сохранившиеся в горных районах долины Зеравшана (Куруд, Фатмев, Урметан) резные колонны, отличающиеся высоким уровнем художественной обработки и мастерства. Исключительное значение имеет также орнаментированный фриз XII столетия, обнаруженный в одной из уникальных архитектурных композиций мемориального комплекса Шахи-Зинда в Самарканде, что свидетельствует о развитии самаркандской школы декоративного искусства. Особое место среди памятников данного периода занимают прекрасно выполненные резные колонны мечети Джума в Хиве, представляющие собой выдающийся образец синтеза утончённой декоративности и конструктивной выразительности [1,116].

Применение техники ганчевой резьбы с имитацией фигурной кирпичной кладки зафиксировано в ряде памятников зодчества XI-XII вв. Ярким примером такого декоративного приёма является оформление отдельных частей караван-сарая Рабати-Малик, расположенного в степной зоне между Самаркандом и Бухарой [8,130]. Аналогичные художественные решения можно наблюдать и в интерьере мавзолея Ярты - Гумбез в Серахсе (XI в.), где декоративная обработка штука органично сочетается с архитектурной композицией сооружения [13,43].

В XI-XII вв. в декоративном искусстве Средней Азии наблюдается широкое использование различных материалов - резной терракоты, дерева и керамических элементов, - которые, несмотря на разнообразие техники, воплощали схожие художественные мотивы и пластические формы. Такая стилистическая общность была обусловлена социально-экономическими процессами: становлением и активным развитием средневековых феодальных центров торговли и ремесла, в которых архитектурное оформление находилось под влиянием идеологических установок ислама. Под воздействием этих факторов формировался единый художественный язык, определявший характер как архитектуры, так и изобразительных практик эпохи. Однако проследить прямое воздействие исламских догматов на декоративные формы бывает затруднительно.

В ранний период данного развития можно отметить своеобразное «возрождение» традиций архитектурного убранства XI - XIII вв., словно художественная линия предшествующих столетий не прерывалась.

Особенно ярко это проявляется в памятниках Северного Туркестана и горных районов: так, превосходные образцы резной, неполивной терракоты используются для облицовки мавзолея Мухаммеда Башоро вблизи Пенджикента, демонстрируя

высокую степень технического мастерства и устойчивость традиционных форм в новой культурной среде [15,30], мавзолей Манаса в Северной Киргизии [7], надгробие Наринджан-баба в Каракалпакии [6, 35].

В декоративной практике XI - XII вв. широкое распространение получили строительные материалы, выполненные из кашинной массы: матовые кирпичи, а также элементы, покрытые термостойкими составами, прозрачной цветной глазурью или непрозрачной эмалью. Для оформления архитектурных сооружений применялись и керамические изделия - в частности, глазурованные плитки и сталактитовые элементы, которые отличались сложностью художественной обработки.

Постепенно в различных регионах Средней Азии сложились локальные традиции архитектурно-декоративного ремесла, объединённые в условные «школы мастеров», каждая из которых имела собственные технологические особенности и художественные приёмы. Среди наиболее известных центров можно выделить Бухару, Самарканд, Кашкадарьинскую область и Хорезм, где ремесленники выработали устойчивые стилистические направления, ставшие основой для дальнейшего развития декоративного искусства региона [11,110].

Уже к концу XIV столетия в Средней Азии сформировалась самобытная художественная школа, в которой объединились местные мастера и приглашённые зодчие из разных регионов. Их стремление к синтезу различных видов искусства (за исключением скульптуры, отвергавшейся религиозными нормами) привело к созданию выдающихся памятников эпохи. К числу наиболее значимых произведений относятся мавзолей Гури Эмир, монументальная мечеть Биби Ханым, а также ансамбль из ряда великолепных мавзолеев, входящих в комплекс Шохи Зинда [14, 89].

Для интерьеров этих сооружений характерно использование не только облицовочных материалов, но и богатого декоративного убранства: настенных фресок, позолоченных рельефов из папье-маше, а также орнаментальных композиций с медальонами и растительными мотивами на насыщенном синем фоне. Подобные декоративные решения создавали визуальный эффект тканых узоров, придавая архитектурным пространствам особую изысканность и живописность.

Подводя итог, следует отметить, что художественная культура Средней Азии на протяжении последнего тысячелетия претерпела значительные трансформации, отражавшие как внутренние, так и внешние культурные влияния. Деятельность мастерских школ южных регионов Северного Хорасана, Тохаристана, Кашкадарьи, Бухары, Самарканда, Ташкента, Ферганы, Хорезма и северных областей Туркестана - внесла в архитектурное развитие того времени заметное разнообразие. Эти центры не только обогатили художественный облик зодчества, но и заложили основы локальных традиций архитектурного декора, закрепив характерные черты и стилистические особенности каждой школы. Лучшие достижения народного декоративного искусства, выработанные на протяжении веков, продолжали существовать и передаваться из поколения в поколение, формируя устойчивую преемственность художественных приёмов и принципов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М. С. Деревянная колонна в Матче / Изв. АМК. – Т. 4.- Л., 1925. – С.115-118.
2. Бородина Н. Ф. Декоративные облицовки как элемент тектоники архитектуры Средней Азии. IX - XIIвв. // АН. -1986. № 34.- С. 87-96.
3. Булатов М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX-X.V вв. Монография / М. С. Булатов. - М.: Наука, 1978. – 361 с.
4. Воронина В. Л. Резное дерево Зеравшанской долины // Тр. СТАЭ. - Т.1. - МИА СССР, № 15. - М. - Л.: АН СССР, 1950. – С. 210-220.
5. Иманкулов Д. Д. Монументальная архитектура юга Кыргызстана XI-XX вв. Монография / Д. Д. Иманкулов. – Бишкек: Издат. «Акыл», 2005. – 228 с.
6. Маньковская Л.Ю. Мемориальное зодчество Средней Азии / Художественная культура Средней Азии. IX-XIII вв. – Ташкент: Издат. литер. и искусства, 1983. – С. 30-48.
7. Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Гумбез Манаса. Монография / М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. – М.: Изд. и 1-я тип. Гос. Изд. архитектуры и градостроительства, 1950. – 144 с.
8. Немцева Н. Б. Рабат-и-Малик / Н. Б. Немцева // Художественная культура Средней Азии. IX - XIII вв. – Ташкент: Изд. литер. и искусства, 1983. – С. 112-141.
9. Мукимов Р. С. История и теория таджикского зодчества. Монография / Р. С. Мукимов. – Душанбе: ТТУ, 2002. – С. 184 - 200.
10. Прибыткова А. М. Развитие орнамента в архитектуре Средней Азии // АН. – 1978. – № 26. – С.135-145.
11. Прибыткова А. М. Архитектурные школы Средней Азии / А.М. Прибыткова // АН. – 1982. – № 30. – С. 103-119.
12. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л.И. Архитектурно-художественное наследие Центральной Азии. / Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. // Избр. труды. – Душанбе: АН РТ – «ICOMOS в Таджикистане», 2006. – С. 90-96.
13. Пугаченкова Г. А. Ярты Гумбез / Г. А. Пугаченкова // Эпиграфика Востока. – 1961. – М.- Л., № 14. – С. 45-52.
14. Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии. XV век. Монография / Г. А. Пугаченкова. – Ташкент: Изд. Литер. и искусство, 1976. – 115 с.
15. Хмельницкий С. Г. Мавзолей Мухаммада Бошаро / С. Г. Хмельницкий // Изв. АН Тадж. ССР. Серия: ВИФ. – № 2(18). – 1990. – С. 28 - 35.

УЗОРЫ И СИМВОЛЫ В ИСКУССТВЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В статье рассматривается художественное творчество Средней Азии, которое за последнее тысячелетие претерпевал эволюцию. Школы мастеров южных областей Средней Азии разнообразили архитектуру своего времени, создавали местную традицию архитектурного декора, его особые признаки и черты стиля. В течение длительного времени продолжали жить лучшие традиции национального архитектурного декора и приемы, накопленные мастерами на протяжении многовекового строительного опыта. В VIII-IX веках Средняя Азия попала под власть арабского халифата. Успехи строительного искусства вызвали на всем Среднем Востоке переворот в градостроительстве и архитектуре, а с ним расцвет художественного творчества, в том числе архитектурного декора.

Архитектурный декор IX - X веков знает два основных направления. Одно можно назвать «общехалифатским», другое исходит из местных традиций. Первое являло собой как бы сгусток архитектурных идей, средств, способов, мотивов и форм декора, проявившихся в крупнейших центрах халифата - Дамаске, Самарре

(под Багдадом), Фустате (Каир), в замках и дворцах, расположенных в сирийской пустыне. К другому направлению примыкала и архитектура времени Саманидов в Самарканде и Бухаре, Мамунидов в Хорезме.

Ключевые слова: *строительство города, традиция, Средняя Азия, творчество, культура, архитектура.*

НАҚШҲО ВА РАМЗҲО ДАР ҲУНАРИ ОСИЁИ МИЁНА

Ин мақола ба омӯзиши фарҳанги эҷодиёти бадеии Осиёи Миёна дар асрҳои VIII – IX бахшида шудааст. Зеро сарзамини Осиёи Миёна таҳти тасарруфи хилофати араб қарор гирифта буд ва аз ин рӯ ин омил ба кулли соҳаҳои ҷомеа бетаъсир набуд. Он даврон санъати бинокорӣ зимнан тамоми Осиёи Миёнаро фаро гирифта буд, тулуъ ва рушд дар шаҳрсозиву меъморӣ бармало мушоҳида мешуданд, ҳамзамон тавсеаи гуногунҷанбаи эҷоди бадеӣ, бавижа ороиши меъморӣ хело ҳам назаррас буд.

Дар ороиши меъмории асрҳои IX - X аслан гирем ду самти асосӣ мустаъмал буд, якеро таҳти унвони «умумихолифат» - таҷассумгари лахте аз ғоя, восита, усулу услуб, мазмун ва ашколи ороишоти дар бузургтарин марказҳои хилофат - Димишқ, Сомарро (наздикии шаҳри Бағдод), Фустал (Коҳира), қасру кӯшкҳои дар биёбонҳои Сурия воқеъбуда, дигаре анъанавӣ ё маҳаллӣ, ки бо фаро гирифтани меъмории аҳди Сомонӣ дар шаҳрҳои Самарқанду Бухоро мавқеъ дошта буданд.

Мактаби устодони манотиқи Осиёи Миёна меъмории давронро мухталиф гардонида, ҳамзамон анъанаҳои маҳаллии ороиши меъморӣ, услуб, ҷараён ва паҳлуҳои онҳоро ба вуҷуд оварданд. Тайи муддати мадиде анъанаҳои ороиши меъморӣ, ки таҷассуме аз таҷрибаи бою ғании устодони ин соҳаанд, нисбатан ташаккул ва такомул ёфта, то ба замони мо омада расидаанд.

Калидвожаҳо: *шаҳрсозӣ, анъана, Осиёи Миёна, эҷодиёт, фарҳанг, меъморӣ.*

PATTERNS AND SYMBOLS IN THE ART OF CENTRAL ASIA

The article is considered the art creativity of medieval of middle Asia, which endures the evolutions during the last thousands years. The Schools masters of south regions of middle Asia was reversed the architecture of that time, created local traditional architecture of decoration, it‘s particular signs and the features of style. For a long time the test traditions of national architecture, decoration and their use wore existed, which accumulated ty masters during centures of construction experience.

In the 8 th and 9 th centuries Central Asia fell under the rule of the Arab Caliphate. The successes of the art of construction caused a coup in the whole of the Middle East of urban planning and architecture and with it the flowering of artistic creativity, including architectural décor.

The architectural décor of IX - X centuries popular with two main directions. One thing can be called (общехалифатским) another comes from local traditions. The first was like a clot of architectural ideas, means, methods, motifs and forms of décor, manifested in the largest centers of the caliphate-Damascus, Samara (near Baghdad) Fustate (Cairo) and the castles and palaces located in the Syrian desert. The architecture of the times of the Samanids in Samarkand and Bukhara, Mamunids in Chorasmus adjoined to another direction.

Key words: *creative art, Middle Asia, architectural decoration, traditions, art.*

Сведения об авторе: Одиназода Бахтиёр Эмомали - кандидат исторических наук, профессор кафедры истории искусств, проректор по науки и творческим вопросам Таджикского государственного института и искусств и дизайна. Тел: (+992) 904-44-31-80. E-mail: odinaevbahtiyor64@mail.ru

Маълумот дар бораи муаллиф: Одиназода Бахтиёр Эмомалӣ - номзади илмҳои таърих, ноиби ректор оид ба илм ва эҷодиёти Донишкадаи давлатии санъати тасвирӣ ва дизайни Тоҷикистон. Тел: (+992) 904 - 44-31-80.E-mail:odinaevbahtiyor64@mail.ru

Сведения об авторах: Одиназода Бахтиёр Эмомали - кандидат исторических наук, проректор по науке и творчеству Государственного института изобразительного искусства и дизайна Таджикистана.Тел:(+992) 904-44-31-80. E-mail: odinaevbahtiyor64@mail.ru

УДК 94 (575.3):331.105.44

НАҚШИ ИТТИФОҚҲОИ КАСАБА ВА СОЗМОНИ КОМСОМОЛ ДАР РАВАНДИ САНОАТИКУНОНИИ ҶШС ТОҶИКИСТОН (1961-1990)[1]

НЕЪМАТОВ И.,
Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ

Солҳои 1961 - 1990 дар таърихи халқи тоҷик бо он тавсиф мегардад, ки дар ин давра дар ҳамаи соҳаҳои ҳаёти иқтисодию фарҳангии ҷомеаи Шуравӣ дар болоравии сатҳи некӯаҳволии мардум муваффақиятҳои назаррас ба даст оварда шуданд. Дар ин раванд ташкилоти ҳизбӣ, шуроҳо, Иттифоқҳои касаба, комсомол ва дигар созмонҳои ҷамъиятӣ нақши басо ҳам муҳимми худро доштанд. Онҳо дар роҳи таъмин ва муътадил гардонидани ҳаёти ҷамъиятӣ ва сиёсии ҷумҳурӣ низ саҳми хеле ҳам боризи худро гузоштанд.

Дар солҳои 60-уми асри гузашта Ҳизби коммунистии Тоҷикистон ҳамчун

[1] Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи халқи тоҷик» (Тоҷикистон дар давраи Шуравӣ), рақами қайди давлатӣ 0121TJ1200 таълиф гардид.

неруи пешбар дар ҳаёти сиёсиву ҷамъиятии ҷумҳурӣ фаъолият мекард. Дар ин давра таъсири ҳизб ба ҷомеа хеле ҳам афзун гардид. Қобили зикр аст, ки дар он айём тамоми низоми иқтисодӣ, саноатӣ, фарҳангӣ ва сиёсиву иҷтимоии ҷумҳурӣ бо фаъолияти Ҳизби коммунистӣ зич алоқаманд буд [1, 239].

Дар ин марҳала, созмонҳои ҷамъиятии оммавӣ, бахусус Иттифоқҳои касаба ва Иттифоқи ленинии коммунистии ҷавонони Тоҷикистон (ЛКСМ) дар равандҳои иҷтимоию сиёсӣ нақши басо созанда доштанд. Ин ду ниҳоди таъсиргузор ҳамчун воситаи сафарбаркунанда ва амалисозандаи сиёсати идеологӣ амал карда, ба рушди шуури оммавӣ, ташкили меҳнат, тарбияи ҷавонон ва ҳифзи манфиатҳои меҳнаткашон ҳамаҷониба мусоидат менамуданд [2, 102; 7, 96].

Бояд қайд намуд, ки Иттифоқҳои касабаи Тоҷикистон дар ҳаёти ҷамъиятию сиёсӣ нақши муайян доштанд. Ташкилоти тобеи ин ҷамъияти оммавӣ дар ҷиҳати рушди иқтисод, фарҳанг, беҳсозии рӯзгор ва тарбияи заҳматкашони ҷумҳурӣ саҳми арзандаи худро гузоштанд.

Мавриди зикр аст, ки Иттифоқҳои касаба дар Тоҷикистон дар чаҳорчӯбаи сиёсати маъмул дар саросари кишвари Шуроҳо фаъолият мекарданд ва таҳти роҳбарии Шурои марказии Умумииттифоқии иттифоқҳои касаба (ВЦСПС) қарор доштанд. Дар фаъолияти кумитаҳои Иттифоқҳои касаба оид ба такмили сохтор, шакл ва усулҳои кор тадбирҳои мушаххас амалӣ мегардиданд. Шумораи аъзои Иттифоқҳои касаба ҳамасола меафзуд. Агар дар ҷумҳурӣ соли 1960 аъзои он зиёда аз 300 ҳазор нафарро ташкил медод, пас соли 1985 рақами мазкур қариб ду баробар афзуд. Ба сафи Иттифоқҳои касаба ҳамчунин кишоварзони колхозу совхозҳо низ шомил мешуданд [2,105].

Дар миёнаи солҳои 80-ум Иттифоқҳои касабаи Тоҷикистон аз 21 шурои ҷумҳуриявӣ, 4 шурои вилоятӣ ва 240 кумитаи шаҳрӣ ва ноҳиявӣ иборат буданд. Агар соли 1962 шумораи ташкилотҳои ибтидоӣ 3226 - ро ташкил мекарда бошад, пас то соли 1982 шумораи сохтори он ба 8366 ташкилоти ибтидоӣ, 4367 ташкилоти сехӣ ва 20136 гурӯҳи иттифоқҳои касаба расид. Бар замми ин бо рушди соҳаи кишоварзӣ ва таъсиси совхозҳои нав шабакаи ташкилотҳои Иттифоқҳои касаба дар деҳот низ густариш мeёфт. Сиёсат ва фаъолияти Иттифоқҳои касабаро Ҳизби коммунистӣ роҳбарӣ ва ҳидоят менамуд.

Чун анъана, вазифаҳои Иттифоқҳои касаба аз қарорҳои анҷуманҳои ҲКИШ, қарорҳои пленуми декабрии КМ ҲКИШ «Дар бораи фаъолияти Иттифоқҳои касабаи ИҶШС» (1957) ва ҳуҷҷатҳои Ҳизби Коммунистии Тоҷикистон муайян карда мешуданд. Онҳо дар қарорҳои анҷуманҳо, пленумҳо ва маҷлисҳои фаъолони Шурои Марказии Умумииттифоқии иттифоқҳои касаба (ШМУИК – ВЦСПС) ва Иттифоқҳои касабаи Тоҷикистон мушаххас мегардиданд [1, 244].

Самтҳои асосии фаъолияти Иттифоқҳои касаба аз иштироки фаъолона дар рушди истеҳсолоти ҷамъиятӣ ва мусобиқаи сотсиалистӣ; беҳтар намудани шароити фарҳангӣ - маишӣ ва манзилии аҳли заҳмат; такмили шакл ва усулҳои кори тарбиявии омма иборат буд. Баъд аз пленуми апрелии КМ ҲКИШ соли 1985, раванди бозсозӣ дар фаъолияти Иттифоқҳои касабаи ҷумҳурӣ ҳам оғоз ёфт. Бо ба даст овардани Истиқлоли давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Иттифоқҳои касабаи

ҷумҳурӣ аз ҳайати ШМУИК (ВЦСПС) хориҷ шуданд [1, 244].

Иттифоқҳои касаба шаклҳо ва усулҳои самарабахши ҷалби коргаронро ба идоракунии истеҳсолот ҷустуҷӯ мекарданд. Бо ин мақсад машваратҳои доимамалкунандаи истеҳсолӣ (МДИ), комиссияҳои гуногуни комитетҳои Иттифоқҳои касаба, маҷлисҳои коргарӣ, Ҷамъияти ихтироъкорон ва навоварони ратсионализаторӣ (ВОИР), шуроҳо ва ҷамъиятҳои илмӣ - техникӣ хизмат мекарданд. Дар охири солҳои 1980 танҳо дар 1200 МДИ 54 ҳазор нафар муттаҳид шуда буданд, ки аксари онҳоро коргарон ташкил медоданд [3, 140].

Дар ҷараёни фаъолияти худ Иттифоқҳои касабаи Тоҷикистон шаклҳои мувофиқи ҳамкориро бо комитетҳои ҳизбӣ, комсомол ва дигар созмонҳои ҷамъиятии оммавӣ барои ҳалли масъалаҳои дорои аҳаммияти хоҷагии халқ дошта роҳандозӣ карда буданд. Масалан, ҳанӯз моҳи декабри соли 1971 Раёсати Иттифоқҳои касабаи Тоҷикистон ва Раёсати Кумитаи марказии ИЛКҶТ (Иттифоқи ленинии коммунистии ҷавонони Тоҷикистон) «Низомномаи намунавӣ дар бораи устоди (мураббии) коргари ҷавон»-ро тасдиқ карданд, ки дар он таъкид мешуд: «Устодӣ чунин усули тарбия мебошад, ки беҳтарин намояндагони коллективи меҳнатӣ ба ҷавонон усулҳои меҳнатӣ, сиёсӣ ва ахлоқии синфи коргарро меомӯзонанд». Ба туфайли фаъолияти пурсамари устодони содиқ ҳазорҳо нафар коргарҷавонон ба сатҳи мутахассисони баландихтисос расиданд. Дар ҷумҳурӣ беш аз 40 ҳазор нафар устодон бомуваффақият фаъолият мекарданд [4].

Ташкилотҳои Иттифоқҳои касаба ба ҷавононе, ки тоза ба истеҳсолот омада буданд, кумаки амалӣ мерасониданд. Шаклҳои муҳимми тарғиби таҷрибаи пешқадам дар омӯзиши навкорон «Рӯзи усто», «Рӯзи коргарҷавонон», «Рӯзи муҳандисон ва техникҳо» ба ҳисоб мерафтанд. Масалан, дар корхонаҳои симтоббарории (арматурбарории) ба номи Сергей Орҷоникидзе, Иттиҳодияи истеҳсолии «Тоҷиктекстилмаш» ба номи Ф. Э. Дзержинский дар шаҳри Душанбе, заводи трансформаторбарории шаҳри Қӯрғонтеппа барои устоҳо ва сардорони сехҳо «Рӯзи усто» ва барои навкорон «Рӯзи коргари ҷавон» ба таври мунтазам гузаронида мешуданд.

Созмонҳои ибтидоии иттифоқи касаба ва комсомол бо дастгирии маъмурияти корхонаҳо нақшаҳои дурнамои омӯзиши техникию умумитаълимии коргарони ҷавонро тартиб дода, мусобиқаҳоро барои унвони «Беҳтарин дар касб» баргузор менамуданд.

Фаъолияти комиссияҳои муштараки комитетҳои Иттифоқҳои касаба ва созмонҳои комсомол оид ба кор бо кӯдакон ва наврасон низ самарабахш буданд. Онҳо озмунҳои беҳтарин ташкили кор бо ҷавононро дар маҳалли зист мегузарониданд.

Кумитаҳои Иттифоқҳои касаба дар соҳаи истеҳсолот чунин фаъолиятҳои ташкилии худро дар ҷиҳати ташкили мусобиқаҳо, баргузории озмунҳо барои сарфакорӣ ва ҳифзи молу ашё, мубориза бо нуқсонҳои истеҳсолӣ, баланд бардоштани сифати маҳсулот ва интизоми меҳнат амалӣ мекарданд. Ба чунин шаклҳои мусобиқаҳо барои гирифтани унвони «Зарбдори меҳнати коммунистӣ », «Бригадаи меҳнати коммунистӣ» ва «Коллективи пешқадами коммунистии меҳнатӣ» аҳаммияти зиёд дода мешуд.

Агар дар соли 1963 барои гирифтани унвонҳои зикршуда 175 бригада саъю талош мекард [5], пас дар соли 1982 дар ин ҳаракат 462 ҳазор нафар фаъолона иштирок доштанд, ки аз онҳо 156 ҳазор нафарашон зарбдори меҳнати коммунистӣ буданд [6]. Дар ин солҳо Иттифоқҳои касаба чунин ташаббусҳои арзишманд, аз қабили ҳаракати бисёрдастгоҳдорӣ, гузаштан ба бригадаҳои қафомонда, «Шараф ва иззат – бо меҳнат!», «Мусобиқа бо бахшҳои ҳамсоя», «Эстафетаи коргарӣ», «Эстафетаи деҳқонӣ», «Меҳнат бе қафомондаҳо!»-ро дастгирӣ мекарданд.

Танҳо бо мусобиқаи ташаббуси «Эстафетаи коргарӣ»-ро дар Тоҷикистон 618 бригада, 479 участка, 168 коргоҳ ва 120 корхона фаро гирифта шуда буданд [8].

Бо мақсади боз ҳам беҳтар намудани сифати маҳсулот дар корхонаҳо «Рӯзи сифат» баргузор карда мешуд ва аз моҳи январи соли 1987 Иттифоқҳои касаба ҷорӣ шудани қабули давлатии маҳсулотро дар як қатор коллективҳои меҳнатӣ дастгирӣ карданд. Мутаассифона, дар ин ҷода камбудиҳои ҷиддӣ ҷой доштанд. Ташкилотҳои Иттифоқҳои касаба аксаран фаъолияти мушаххасро бо паҳн намудани ташаббусҳо ва ибтикороти ғайривоқеӣ иваз мекарданд. Зеро баъзан шиору овоза зиёд, аммо корҳои амалӣ кам буданд.

Иттифоқҳои касаба ба масъалаи таҳкими дастгирии маънавӣ ва ҳавасмандсозии кормандон дар истеҳсолот аҳаммияти ҷиддӣ медоданд. Дар ин робита, пешниҳодномаҳои онҳо оид ба додани унвонҳои фахрӣ, мукофотонидани нишону медалҳо шаҳодат медиҳад. Дар корхонаҳои калон кумитаҳои Иттифоқҳои касаба «Пешқадамони истеҳсолот» ва «Гӯшаи навоварон»-ро ташкил менамуданд. Баробари дастгирии маънавӣ, шакл ва усулҳои мухталифи ҳавасмандкунии моддӣ аз қабили пардохти мукофотпулӣ, ҳаққи қалам барои пешниҳоди таклифҳои навоварона, додани ҳуқуқи авлавият ва имтиёз барои гирифтани манзил, роҳхат ба хонаҳои истироҳатӣ, фиристодани навоварони истеҳсолот ба таҳсил дар донишгоҳу техникумҳо бо кафолати пардохти стипендия аз ҳисоби фонди корхона ва ғайраҳои дигар истифода мешуданд.

Иттифоқҳои касаба ба беҳтар намудани шароити иҷтимоию маишии аҳли заҳмат ба ҳавасмандсозии маънавӣ ва ташвиқи кормандони пешқадами истеҳсолот таваҷҷуҳи махсус зоҳир менамуданд. Дар ин замина, пешниҳодҳои онҳо ҷиҳати сазовор донистан ба дарёфти унвонҳои фахрӣ, супоридани нишону медалҳо далели равшани фаъолияти тарғиботии Иттифоқҳои касаба ба ҳисоб мерафт. Дар корхонаҳои бузург кумитаҳои Иттифоқҳои касаба гӯшаҳои махсуси «Пешсафони истеҳсолот» ва «Пайроҳаи навоварон»-ро ташкил менамуданд.

Иттифоқҳои касаба ба беҳтар намудани шароити иҷтимоӣ ва маишии заҳматкашон аҳаммияти махсуси худро медоданд. Манзилҳои дорои шароити муносиб, хобгоҳҳои коргарӣ сохта мешуданд ва бо дастгирии давлат, колхозҳо ва совхозҳо барои кишоварзон манзилҳои истиқоматии шахсӣ бунёд карда мешуданд. Ҳамасола ҳаҷми хароҷоти буҷетӣ барои суғуртаи иҷтимоӣ афзоиш меёфт. Масалан, агар соли 1978 ин нишондиҳанда дар ҷумҳурӣ муайян шуда бошад, то соли 1985 ба 219,9 ҳазор сӯм расида, чор маротиба зиёд гардид [1, 246].

Гузаронидани осоишгоҳҳо ва хонаҳои истироҳатӣ ба ихтиёри Иттифоқҳои касаба баҳри боз ҳам беҳтар гардидани сатҳи хизматрасонии санаторию табобатии

кормандон ҳамаҷониба мусоидат намуд. Курортҳое чун Хоҷа Оби-Гарм, Шоҳамбарӣ, Оби-Гарм ва Зумрад ба муассисаҳои табобатии умумииттифоқӣ табдил ёфтанд. Бо вуҷуди ин, як қатор сарчашмаҳои обҳои шифобахш ҳанӯз ҳам ба таври самаранок истифода намешуданд [1, 246].

Дар солҳои 80-уми асри гузашта як идда тадбирҳои муфид ҷиҳати ташкили профилакторияҳо, поликлиникаҳо, диспансерҳо ва нуқтаҳои тиббӣ дар ҳудуди корхонаҳо ва хобгоҳҳои коргарон амалӣ мешуд, ки ин ба сарфаи вақти коргарон ва беҳтар шудани саломатии онҳо ҳамаҷониба мусоидат мекард.

Иттифоқҳои касабаи Тоҷикистон, бо доштани шабакаи васеи муассисаҳои фарҳангию фароғатӣ, аз шаклу усулҳои мухталифи кор барои ташкилу истироҳати фароғати заҳматкашон истифода мебурданд. Зиёда аз 50 ҳазор нафар фаъолони Иттифоқҳои касаба дар қасрҳои фарҳангӣ, клубу китобхона ва қироатхонаҳо фаъолияти ҳунарии худфаъолиятӣ, маҳфилҳои эҷодӣ, донишгоҳҳои халқӣ, маҷаллаи шифоҳии «Ҳама чизро донистан мехоҳам!», шабнишиниҳо, баҳсу мунозираҳо ва мулоқот бо шахсиятҳои маъруфи ҷумҳуриро ташкил менамуданд. Ҳамаи ин чорабиниҳо ҳаёти ҷамъиятӣ - сиёсии мардумро ғанӣ гардонида, самараҳои иқтисодӣ ва маънавӣ ба бор меовард.

Бо вуҷуди ин, дар фаъолияти Иттифоқҳои касаба дар солҳои 60-80-уми асри гузашта камбудиву хатоҳо низ ҷой доштанд: низоми маъмурӣ – фармондеҳии маъмулбуда дар кишвар ва назорати ҳизбӣ аз болои созмону ташкилотҳои ҷамъиятӣ ташаббуси эҷодии кумитаҳои Иттифоқҳои касабаро маҳдуд сохта, самаранокии фаъолияти ҷамъиятӣ-сиёсии ин ташкилотҳои оммавиро коҳиш медод [1, 246].

Дар солҳои 1961-1990 Кумитаи марказии ИЛКҶТ (Иттифоқи ленинии коммунистии ҷавонони Тоҷикистон) ҳамчун бахши ҷумҳуриявии Комсомоли умумииттифоқӣ на танҳо ниҳоди сиёсӣ, балки мактаби омодагии кадрии сиёсӣ, илмӣ ва ташкилотчигии ҷавонон ба шумор мерафт [7, 67].

Дар солҳои шастуми асри XX комсомоли Тоҷикистон ташаббускори як қатор иқдомоти муҳим гардид. Аз он ҷумла, азхудкунии қисми тоҷикистонии дашти Мирзочӯл, ки аз солҳои 60-ум ба яке аз марказҳои асосии истеҳсоли зироатҳои кишоварзӣ табдил ёфт, сохтмони обанбори Каттасой дар ҳудуди вилояти Суғд, ки барои таъмини обёрии заминҳои навкорам аз аҳаммияти калон бархурдор буд, бунёди навбати сеюми Комбинати нассоҷии Душанбе, яке аз бузургтарин корхонаҳои саноати сабуки ҷумҳурӣ, ки дар рушди истеҳсоли матоъҳои пахтагӣ нақши муҳим дошт, бунёди Неругоҳи барқи обии «Норак», ки дар ибтидои солҳои 70-ум мавриди баҳрабардорӣ қарор гирифт, бузургтарин иншооти энергетикии Осиёи Марказӣ ба шумор меравад, Неругоҳи барқи обии «Сарбанд» дар ҳавзаи дарёи Вахш, ки барои танзими энергетикаи ҷумҳурӣ аҳаммияти калон дошт, инчунин як силсилаи дигари корхонаҳои истеҳсолӣ ва муассисаҳои иҷтимоӣ, ки барои таҳкими пояҳои иқтисодии Тоҷикистон ва болоравии сатҳи зиндагии аҳолии он нақши назаррас доранд, сохтмонҳои зарбдори комсомолӣ эълон шуда буданд [12,146].

Дар охири солҳои 80-уми асри XX теъдоди умумии аҳолии Ҷумҳури Тоҷикистон зиёда аз 5 миллион нафарро ташкил медод, ки аз онҳо тақрибан 70 фоизашро ҷавонони то 30-сола ташкил менамуданд. Ин омил ё худ фактори демографӣ то андозае нақш ва мавқеи комсомолро дар ҳаёти ҷамъиятию сиёсии ҷумҳурӣ ва фаъолияти он бо насли наврас муайян мекард [1, 246].

Мусаллам аст, ки комсомол танҳо дар ҳолате метавонист вазифа ва рисолати худро бомуваффақият иҷро намояд, ки фаъолияти ҳамаҷониба, интихоби дуруст, ҷобаҷогузорӣ ва тарбияи кадрҳоро ба роҳ монда бошад. Дар ин самт таҷрибаи пурғановати амалӣ андӯхта шуда буд. Бо кӯмак ва дастгирии ташкилотҳои ҳизбӣ мақомоти комсомолӣ дар choряки охири замони Шуравӣ пайваста ба интихоби кадрҳо, ҷобаҷогузорӣ ва омӯзиши онҳо машғул буданд. Дар натиҷа, созмонҳои комсомолӣ аз ҷиҳати миқдор ва сифат рушд мекарданд. Масалан, агар соли 1959 дар ҷумҳурӣ 3095 созмонҳои ибтидоии комсомолӣ бошад, пас соли 1987 шумораи онҳо ба 7297 расид. Дар аввали солҳои 90-ум зиёда аз нисфи шумораи умумии котибони ташкилотҳои ибтидоии комсомолӣ дорои таҳсилоти олӣ ё миёнаи махсус буданд ва аксарияти онҳо таҳсили худро дар мактабҳо, омӯзишгоҳҳо ва донишгоҳҳо идома медоданд. Дар маҷмуъ 97,3 фоизи котибони комитетҳои шаҳрӣ ва ноҳиявии комсомол таҳсилоти олӣ доштанд.

Комсомоли Тоҷикистон ба масъалаи омода ва тарбия намудани роҳбарони ҷавони комсомол аз ҳисоби духтарони ҷавон низ таваҷҷуҳ зоҳир мекард. Агар соли 1959 дар 26 комитетҳои шаҳрӣ ва ноҳиявии комсомол миёни котибон духтарони тоҷик ва ӯзбек вуҷуд надошта бошанд, [9] пас соли 1966 дар ҷумҳурӣ 9 нафар духтарони миллатҳои таҳҷоӣ дар вазифаи котибони аввали комитетҳои шаҳрӣ ва ноҳиявӣ кору фаъолият мекарданд [10] ва 16 нафари дигар бошанд, котибони дуюм буданд. Дар соли 1982 бошад, 35,8 фоизи котибони комитетҳои ноҳиявӣ ва шаҳрии ЛКСМ ҷумҳуриро занон ташкил медоданд [11, 35]. Шумораи котибони ташкилотҳои ибтидоии комсомолӣ аз ҳисоби духтарони ҷавон низ афзоиш ёфт. Масалан, соли 1985 онҳо 48,7 фоизро ташкил медоданд.

Комсомоли Тоҷикистон дар солҳои 60-80-уми асри XX шаклҳо ва усулҳои муассири тарбияро дар байни ҷавонон ва духтарон пайдо карда буд. Бо ин мақсад, шаклҳо ва воситаҳои мухталифи тарбия ва таъсири идеологӣ аз қабили ташкил ва гузаронидани тарғиботу ташвиқот, омӯзиши сиёсӣ ва техникии ҷавонон, пешбурди корҳои фарҳангӣ - маърифатӣ ва ғайраҳои дигар истифода мешуд. Самти асосии кори тарбиявӣ дар байни ҷавонон мубориза ҷиҳати амалӣ ва мушаххас шудани ҳамаи намудҳои тарбия ба ҳисоб мерафт.

Дар аксар корхонаҳои саноатӣ, колхозҳо ва совхозҳои ҷумҳурӣ созмонҳои комсомолӣ бо дарназардошти сатҳи саводнокӣ, хусусиятҳои синнусолӣ, миллӣ ва касбӣ, талабот ва манфиатҳои гурӯҳҳои гуногуни ҷавонон шаклҳои таълими сиёсиро муайян менамуданд.

Масъалаҳои омӯзиши сиёсӣ, ташкили маҳфилҳо ва семинарҳо дар ҷаласаҳои бюрои Кумитаи Марказии ЛКСМ Тоҷикистон, пленумҳо, маҷлисҳои фаъолон, ҷаласаҳои бюрои кумитаҳои ноҳиявӣ, шаҳрӣ ва созмонҳои ибтидоии комсомол баррасӣ мешуданд. Низоми маърифатомӯзии сиёсии ҷавонон дар ҷумҳурӣ хеле

васеъ ривоҷ ёфт [12, 162].

Дар шаҳрҳо ва ноҳияҳо дар солҳои 80-ум шаклҳои нави омӯзиши сиёсӣ барои ҷавонписарону ва духтарон пайдо гардиданд. Масалан, маҳфилҳои «Наврас», «КБК» («Клуб будущего комсомола» - «Клуби комсомоли оянда»), барои духтарони миллатҳои таҳҷоӣ клубҳои «Дугонаҳо», «Мехчагул» ва дигарҳо амал мекарданд. Аз чунин шаклҳои кор истифода мешуд: дарсҳои ленинӣ, баҳсу мунозираҳо, рӯзҳои сиёсӣ, конфронсҳои назариявӣ, имтиҳонҳои ленинӣ, хонишҳои ҷамъиятӣ-сиёсӣ, гурӯҳҳои тарғиботӣ, фестивалҳо, шабҳои саволу ҷавоб, маҷаллаҳои шифоҳӣ, вохӯриҳо бо шахсиятҳои барҷастаи илм, адаб, ҳунар, клубҳо ва музейҳои шуҷоати ҷангӣ ва шарафи меҳнатӣ, мулоқоти ҷавонони ҷумҳурӣ бо ҷавонони кишварҳои ҳамсоя, эстафетаҳои сулҳ ва дӯстӣ, баргузории ҳафтаҳои дӯстӣ, фестивалҳои ҷавонони Осиёи Марказӣ низ самараи хуб медоданд.

Созмонҳои комсомолӣ дар корхонаҳои саноатӣ, колхозҳо, совхозҳо ва мактабҳо клубҳои «Дӯстон ба воситаи мукотиба», «Вохӯриҳои байналмилалӣ» таъсис дода, бештар шабнишиниҳои мусиқӣ, ракс, оид ба адабиёти халқҳои ИҶШС ва кишварҳои хориҷиро баргузор менамуданд.

Барои наврасону ҷавонон баргузории ҳамоишҳои коргарони ҷавон, ҷавонони деҳот, духтарон ва саёҳатҳои дастаҷамъӣ ба дигар ҷумҳуриҳо аҳаммияти тарбиявии калон доштанд. Аз ҳисоби пешсафони соҳаҳои гуногуни иқтисодиёти ҷумҳурӣ «Қатораи дӯстӣ» ташкил шуда, ба Москва ва дигар шаҳрҳои ҷумҳуриҳои иттифоқӣ сафар менамуданд.

Дар кори тарбияи байналмилалии ҷавонон Клубҳои дӯстии байналмилалӣ (КДБ), ки аз аввали солҳои 70-ум дар назди комитетҳои комсомол ташкил ёфта буданд, нақши муайян доштанд. Клубҳои дӯстии байналмилалӣ қариб дар ҳамаи муассисаҳои олии таълимӣ, миёнаи махсус, омӯзишгоҳҳои касбию техникӣ, мактабҳо, хонаҳои пешоҳангон, корхонаҳои бузурги саноатӣ ва сохтмонҳо таъсис ёфта буданд [13]. Танҳо дар мактабҳои таҳсилоти умумӣ беш аз 500 интерклуб фаъолият дошт ва дар маҷмуъ дар ҷумҳурӣ шумораи онҳо ба 2511 мерасид. КДБ-ҳо мунтазам фаъолиятҳои васеи сиёсӣ - маърифатиро ба роҳ монда, ба тарбияи байналмилалӣ ва таҳкими дӯстии халқҳо мусоидат мекарданд.

Бо вуҷуди ин, дар ҷараёни баргузории ин ҳама чорабиниҳо гоҳо падидаҳои расмиятчигӣ ҷой доштанд, зеро онҳо бо фармон аз мақомоти болонишин ва тибқи як қолаби муайян амалӣ мешуданд. Ба омӯзишҳои ҳизбӣ ва комсомолӣ, одатан, коммунистону комсомолиён новобаста ба хоҳиш ва манфиатҳояшон фаро гирифта мешуданд.Шахсоне, ки намехостанд дар омӯзиши сиёсӣ иштирок кунанд, ҳатман аз ҷониби ҳизб ҷазои интизомӣ дода мешуданд ва ҳолатҳои аз вазифа сабукдӯш шудани чунин саркашон низ ҷой доштанд [1, 248].

Бар асари таваҷҷуҳи асосӣ ба шумораи чорабиниҳои омӯзишию тарбиявӣ сифати онҳо коҳиш меёфт. Дар кори тарбияи ҷавонон бештар ба шиорпароканӣ ва маъракаҳои «намоишӣ» таваҷҷуҳ ва такя карда мешуд, ки бештар ба шакл, на ба мазмуну муҳтаво аҳамият дода мешуд. На ҳамеша дар чунин чорабиниҳо шароити воқеии зиндагӣ ва фаъолияти ҷавонон, қобилиятҳо, вижагиҳои иҷтимоӣ, иқтисодӣ, касбӣ, миллӣ, синну сол ва манфиатҳои онҳо ба ҳисоб гирифта мешуданд. Назорат

аз болои иҷрои қарорҳо сари вақт ва ҷиддӣ набуд: қарори қаблан қабулшуда иҷро нашуда, оид ба ҳамин масъала қарорҳои нав қабул мекарданд. Дар кори тарбиявии комсомол бештар расмиятчигӣ ҳукмрон буд, гоҳо ташкилотҳои ҳизбӣ худ сенария таҳия намуда, онҳоро иҷро мекарданд, ки ин амал ташаббуси ташкилотҳои комсомолиро маҳдуд ва саркӯб менамуд [1, 246].

Ҳамаи ин падидаҳо сифати корҳои тарбиявиро миёни ҷавонон коста менамуд. Дар натиҷа на танҳо фаъолнокӣ ва ташаббускорӣ дар сафҳои комсомол коҳиш меёфт, балки ҷиҳатҳои манфӣ дар кори тарбия низ зиёд мешуданд. Аксаран аз ҷониби ҷавонон ҳолатҳои вайрон кардани тартиботи ҷамъиятӣ ва интизоми меҳнат мушоҳида мешуд, муносибати истеъмолгарона, талаби беасос бештар ба даст овардани он неъматҳое, ки ба ҷомеа медиҳанд, бепарвоӣ, авбошӣ, майзадагӣ, нашъамандӣ ва фоҳишагӣ ҷой доштанд. Дар ноҳияҳои деҳоти ҷумҳурӣ бошад, ҳанӯз хурофот баъзе боқимондаҳои урфу одатҳои гузашта, аз ҷумла ба издивоҷ маҷбур намудани духтарон, пардохти қалин ва ҷалби наврасон ба иҷрои маросимҳои қолабӣ нигоҳ дошта мешуданд

Иттифоқҳои касаба ва комсомол дар давраи солҳои 1961 – 1990 ҳамчун ду сутуни муҳимми низоми сиёсӣ ва иҷтимоии Шуравӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон амал карда, на танҳо дар ташкили истеҳсолот, балки дар ташаккули идеологӣ, тарбияи сиёсӣ ва иҷтимоии шаҳрвандон нақши муассир доштанд. Бо вуҷуди ҳузури назорати ҳамаҷонибаи ҳизбӣ, созмонҳои мазкур барои ташкилу баргузории фарҳанги корҳои ҷамъиятӣ, тафаккури сиёсӣ ва шуури шаҳрвандии ҷомеа муҳити мусоид фароҳам оварданд.

АДАБИЁТ

1. История таджикского народа. - Том VI. (Новейшая история) – Душанбе, 2011. – 688 с.
2. Собиров А. Иттифоқҳои касаба ва сохтмони ҷомеаи сотсиалистӣ. Душанбе, 1985. - 213 с.
3. Раджабов С., Шукуров М. Профсоюзы Советского Таджикистана. – Душанбе, 1987. – 224 с.
4. Коммунист Таджикистана. – 1987. – 10 янв.
5. БД ТНТ. – Р. 3. – Р.177. – П. 34. – В. 28.
6. Отчет о работе Таджикского республиканского Совета профсоюзов и задачи профсоюзных организаций республики в свете решений XXVI съезда КПСС //Комсомолец Таджикистана. – 1982. – 7 февр.
7. Ҳамроев М. Ҷавонон ва идеологияи ҳизбӣ дар Тоҷикистон. Душанбе, 1990. – 280 с.
8. Комсомолец Таджикистана. – 1986. – 7 февр.
9. БД ТНТ. – Х. 36. – Р. 4. – П.145. – В. 2.
10. Комсомолец Таджикистана. – 1966. – 12 сент.
11. ЛКСМ Таджикистана от XXII съезда к XXIII съезду
12. Ленинский коммунистический союз молодёжи Таджикистана (Страницы истории). – Душанбе: Ирфон, 1985. - 232 с.
13. БД ТНТ. – Х. 8. – Р. 21. – П. 96. – В. 68.

НАҚШИ ИТТИФОҚҲОИ КАСАБА ВА СОЗМОНИ КОМСОМОЛ ДАР РАВАНДИ САНОАТИКОНИИ ҶШС ТОҶИКИСТОН (1961-1990)

Мақола ба таҳлили ҷанбаҳои асосии фаъолияти Иттифоқҳои касаба ва Иттифоқи ленинии коммунистии ҷавонони Тоҷикистон (комсомол) дар солҳои 1961-1990, ки бо марҳалаи сохтмони босуръати саноати ҷумҳурӣ ва таҳаввулоти иҷтимоиву сиёсӣ тавъам буд, бахшида шудааст.

Муаллиф, бо такя ба сарчашмаҳои илмӣ, ҳуҷҷатӣ ва оморӣ, нақши ин ду ниҳоди ҷамъиятиро дар ташкили меҳнат, иштироки ҷавонон дар раванди истеҳсолот, фаъолияти тарбиявӣ ва сиёсиву идеологӣ, инчунин дар ҳамкории онҳо бо дигар ташкилоти ҷамъиятӣ мавриди баррасӣ қарор додааст.

Мақсад аз таҳқиқ, омӯзиши таҷрибаи таърихии рушди институтҳои иҷтимоӣ ва механизмҳои ҷалби оммавӣ ба корҳои истеҳсоливу маънавӣ дар доираи сиёсати умумии давлати Шуравӣ мебошад.

Калидвожаҳо: *сохтмони босуръати саноат, Иттифоқҳои касаба, ИЛКҶТ, комсомол, Тоҷикистон, солҳои 1961-1990, ҷавонон, фаъолияти тарбиявӣ, созмонҳои ҷамъиятӣ, сиёсати Шуравӣ.*

РОЛЬ ПРОФСОЮЗОВ И КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ТАДЖИКСКОЙ ССР (1961-1990 гг.)

Статья посвящена анализу основных аспектов деятельности профсоюзов и Ленинского коммунистического союза молодежи Таджикистана (комсомола) в 1961-1990 гг., которые совпали с этапом ускоренного индустриального строительства республики и глубоких социально-политических преобразований.

Опираясь на научные, документальные и статистические источники, автор рассматривает роль данных общественных институтов в организации труда, вовлечении молодежи в производственные процессы, воспитательной, политико-идеологической работе, а также в их взаимодействии с другими общественными организациями.

Цель исследования заключается в изучении исторического опыта развития социальных институтов и механизмов массовой мобилизации в производственной и духовной сферах в рамках общей политики Советского государства.

Ключевые слова: *ускоренное индустриальное строительство, профсоюзы, ЛКСМТ, комсомол, Таджикистан, 1961-1990 гг., молодежь, воспитательная деятельность, общественные организации, советская политика.*

THE ROLE OF TRADE UNIONS AND THE KOMSOMOL ORGANIZATION IN THE INDUSTRIALIZATION OF THE TAJIK SSR (1961-1990)

The article analyzes the key aspects of the activities of trade unions and the Leninist Communist Youth Union of Tajikistan (Komsomol) during the years 1961-1990, a period marked by the accelerated industrial development of the republic and profound socio-political transformations.

Drawing on scholarly, documentary, and statistical sources, the author examines the role of these public institutions in labor organization, youth involvement in production processes, educational and political-ideological activities, as well as their cooperation with other social organizations.

The aim of the study is to investigate the historical experience of the development of social institutions and the mechanisms of mass mobilization in both productive and cultural spheres within the framework of Soviet state policy.

Key words: *accelerated industrial development, trade unions, Communist Youth Union, Komsomol, Tajikistan, 1961-1990, youth, educational activities, social organizations, Soviet policy.*

Маълумот дар бораи муаллиф: **Неъматов Икромидин** – номзади илмҳои таърих, дотсент, ходими пешбари илмии Шуъбаи таърихи навтарини Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. Телефон: (+992) 907-70-58-75. E.-mail: i.nemat@mail.ru

Сведения об авторе: **Неъматов Икромидин** – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33. Телефон: (+992) 907-70-58-75. E-mail: i.nemat@mail.ru

Information about the author: **Nematov Ikromidin** – candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Contemporary History of the Institute of History, Archaeology and Ethnography named after A. Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Ave., 33. Phone: (+992) 907-70-58-75. E-mail: i.nemat@mail.ru

УДК 94 (575.3):316.7

ҲАЁТИ ҶАМЪИЯТИЮ ФАРҲАНГИИ НОҲИЯИ МАСЧОҲ ДАР ЗАМОНИ ШУРАВӢ[1]

УБАЙДУЛЛО Н. К., ҚОЗИЗОДА Ш. Қ.,
Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ

Давраи пасазҷангии тараққиёти хоҷагии халқи ҷумҳурӣ (солҳои 1947-1985) ҳамчун марҳалаи нисбатан муҳим дар рушди ҶШС Тоҷикистон нақши хеле муассирро соҳиб мебошад. Зеро маҳз дар ҳамин давра раванди суръати рушди ҷумҳурӣ вусъати тоза пайдо намуда, ҷумҳурӣ тадриҷан аз минтақаи комилан аграрӣ ба як минтақаи пешрафтаи саноатию аграрии Иттиҳоди Шуравӣ табдил ёфт. Таҳаввулоти иқтисодии бамиёномада имкон дод, ки дар ҳаёти ҷамъиятию сиёсӣ ва иҷтимоию фарҳангии ҳама ноҳияҳои ҷумҳурӣ, аз ҷумла ноҳияи навташкили Масчоҳ тағйироти назаррас ба амал ояд. Ин давра ибтидои марҳалаи нави ташаккул ва рушди ҳаёти ҷамъиятию маъмурӣ ва фарҳангию маърифатӣ барои сокинони ин ноҳияи навташкил гардид. Пас аз ташкил ёфтани ноҳия ҳамчун воҳиди алоҳидаи маъмурӣ (27 ноябри соли 1956) ва азхудкунии заминҳои бекорхобида, инчунин муҳоҷир намудани сокинони минтақаи кӯҳистон дар ин ҷо бунёди аввалин муассисаҳои ҳизбию давлатӣ, идорию маъмурӣ ва иҷтимоию фарҳангӣ, саросар ҷалб намудани омма ба ҳаёти сиёсиву ҷамъиятӣ оғоз ёфта, зина ба зина симои минтақаи навбунёд дигаргун гардид.

[1] **Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи халқи тоҷик» (Тоҷикистон дар давраи Шуравӣ), рақами қайди давлатӣ 0121TJ1200 таълиф гардид.**

Ҳокимияти вақт бо дарназардошти ҳадафҳои идеологӣ ва сиёсати иҷтимоии худ, дар доираи меъёрҳои муқарраршуда раванди ташаккул ва дигаргунсозиҳоро дар минтақаи нави маъмурӣ ба роҳ монда, баробари рушди иқтисодӣ ва ба яке аз марказҳои калони пунбапарварӣ табдил додани он, бунёди сохторҳои иҷтимою фарҳангӣ, ташаккули муҳити нави зист барои сокинони нав муҳоҷиршударо низ роҳандозӣ менамуд. Пеш аз ҳама таваҷҷуҳи мақомоти ҳизбию шуравӣ ба ташкил ва бунёди низоми маорифи халқ, муассисаҳои фарҳангӣ, ба роҳ мондани корҳои сиёсию ташвиқотӣ, шаклгирии муҳити ҳунарӣ ва ҳаёти маънавии мардуми ноҳияи тозатаъсис равона гардид.

Маориф ва рушди он, босавод гардонидани аҳолӣ ҳамеша дар сиёсати ҳукумати Шуравӣ мақоми муҳимро ишғол менамуд ва ҷомеаи босаводу бомаърифат дар татбиқи ормонҳои идеологии шуравӣ бештар мусоидат мекард. Аз ин рӯ, дар ин ноҳияи навтаъсис низ мақомоти олии ҳизбию давлатӣ дар баробари дигар соҳаҳои хоҷагии халқ ба рушди соҳаи маориф бештар таваҷҷуҳ менамуданд. Зеро дар арафаи муҳоҷирсозии сокинони Кӯҳистони Масчоҳ бо сабаби мавқеи ҷуғрофӣ ва шароити вазнини таббиӣ низоми маориф ба мисли дигар ноҳияҳои дар водиҳо буда, ба таври зарурӣ инкишоф наёфт. Соли таҳсили 1954/55 дар ноҳия иншооти таълимии зерин мавҷуд буданд: 1 мактаби миёна, 21 мактаби 7-сола ва 21 мактаби ибтидоӣ. Дар ин муассисаҳои таълимӣ 2772 нафар хонанда таҳсил мекарданд, ки аз ин шумора 1734 нафарашон духтарон буданд. Инчунин, дар ноҳия 3 мактаби махсус барои ҷавонони деҳот амал мекард, ки ҳамагӣ 190 нафар хонанда дошт [8,5]. Шумораи умумии омӯзгорони ноҳия дар ҳамин соли таҳсил 190 нафарро ташкил медод, ки аз онҳо 5 нафар дорои таҳсилоти олии пурра, 31 нафар таҳсилоти нопурраи олӣ, 146 нафар таҳсилоти миёна ва 8 нафар маълумоти 7-сола доштанд [8,6]. Ин омор аз он шаҳодат медиҳад, ки аксарияти муаллимони ноҳия дорои таҳсилоти миёнаи касбӣ буданд ва ин нишондиҳанда барои низоми онвақтаи маорифи ҷумҳурӣ маъмул буд.

Соли дуюми пас аз муҳоҷират, яъне соли 1957 дар ноҳияи нави Масчоҳ 13 мактаби ибтидоӣ, 30 мактаби ҳафтсола ва 6 мактаби миёнаи умумӣ бо 6500 нафар хонанда амал мекарданд [1, 312]. Ин рақамҳо нишон медиҳанд, ки нисбат ба минтақаи кӯҳӣ дар ҳудуди нави ноҳия пас аз муҳоҷирати аҳолӣ суръати рушди соҳаи маориф бамаротиб афзоиш ёфтааст.

Ҳамин тавр пас аз кӯч бастани аҳолӣ ба дашти Дилварзин, аз соли 1956 сар карда, соҳаи маорифи ноҳия бо суръати бесобиқа рушд кард. Агар то ин давра дар ҳудуди Кӯҳистони Мастчоҳ ҳамагӣ 2 мактаби миёна ва 36 мактаби ҳафтсола бо 4000 нафар хонанда мавҷуд буданд, соли 1975 шумораи муассисаҳои таълимии ноҳия ба 13 мактаби миёна ва 21 мактаби ҳаштсола расида, теъдоди хонандагони онҳо то ба 14 502 нафар афзуд [3, 3].

Аммо рушди соҳаи маориф бе мушкилоту норасоиҳо ба даст намеомад ва дар бисёр мавридҳо рушди миқдорӣ ба сифат ва сатҳи он мувофиқат намекард. Масалан, соли таҳсили 1958/59 дар ноҳия 43 мактаб бо 489 синф фаъолият доштанд, ки дар он 6545 хонанда таҳсил мекарданд, вале аз мактабҳои мавҷуда, танҳо се мактаби миёна қисман бо асбобу анҷоми таълимӣ ва аёниятҳо таъмин

буданд. Дар мактабҳои боқимонда маводи таълимӣ барои фанҳои табиатшиносӣ ва гуманитарӣ асосан мавҷуд набуд [19,1]. Дар ҳамин соли хониш 552 нафар хонандагон таҳсилро тарк карданд, ки аз онҳо 97 нафарашон духтарон буданд [21,7]. Сабабҳои тарки таҳсил кардани хонандагон асосан аз ҳудуди ноҳия баромадан (367 н.), бемории дарозмуддат ва марг (8 н.), даъват ба сафи артиш (15 н.), набудани нақлиёт барои талабагон (42 н.) ва омилҳои дигар (120 н.) иборат буданд.

Соли таҳсили 1958/59 дар ноҳия ҳамагӣ 417 нафар омӯзгорон кор мекарданд, ки 66 нафарашон дорои таҳсилоти олӣ, 99 нафар таҳсилоти олии нопурра, 243 нафар маълумоти миёнаи педагогӣ, 6 нафар дорои маълумоти миёнаи нопурра буданд [20,20; 23, 31-37]. Аммо, дар санад теъдоди умумӣ 417 нафар нишон дода шудааст, ки дар маҷмуъ 414-нафарро ташкил медиҳад. Тағйироти сифатӣ дар ҳайати омӯзгорони ноҳия дар солҳои баъдина ба мушоҳида мерасад, аз ҷумла соли таҳсили 1964/65 аз 374 омӯзгор 110 нафар дорои таҳсилоти олӣ, 81 нафар олии нопурра, 123 нафар миёнаи омӯзгорӣ ва 60 нафар дорои маълумоти миёнаи умумӣ буданд [14,24]. Раванди афзоиши шумораи омӯзгорон ва тағйироти сифатӣ дар ҳайати онҳо дар солҳои оянда низ идома ёфтанд. То соли 1975 шумораи умумии омӯзгорони ноҳия ба 816 нафар расид, ки аз ҷумла 360 нафари онҳо дорои таҳсилоти олӣ, 81 нафар олии нопурра буданд ва 154 нафари дигар дар муассисаҳои таҳсилоти олии шакли ғоибона таҳсил мекарданд [3,3].

Самари кори омӯзгорон буд, ки соли 1965 94 нафар хатмкардагони муссисаҳои ноҳия ба донишгоҳу донишкадаҳои олӣ ва омӯзишгоҳҳои миёнаи касбии ҷумҳурӣ қабул гардиданд. Як зумра омӯзгорон, аз ҷумла Х. Нодиров, М. Неъматов, Ҳ. Боқиев, Р. Ғуфронов, Б. Одинаев, А. Азимов, Б. Шомуродов, Қ. Иноятов, С. Мирзоев, Р. Асад, В. Н. Френев, Т. С. Марковкин, С. Шаропова, М. С. Сиддиқова ва Ҳ. Эшонқулов дар пешравии маорифи ноҳия саҳми бориз гузоштанд [18,3].

Баробари хубтар гардидани раванди таъминот бо кадрҳои омӯзгорӣ сифати раванди таълиму тарбия низ дар муассисаҳои таълимӣ беҳтар гардид. Аз ҷумла, дар давоми соли 1974 дар 37 мактаби таҳсилоти миёна ва ҳаштсолаи ноҳия 730 нафар омӯзгорон кор мекарданд, ки аз ҷумла 390 нафари онҳо дорои таҳсилоти олӣ ва олии нопурра будаанд, 157 нафари дигар таҳсилоти миёнаи педагогӣ доштанд [16,8]. Дар ин ҷо низ номувофиқии рақамҳо мушоҳида мешавад.

Аммо раванди таъминоти муассисаҳо, таҳкими пояи таълимию моддии онҳо ҳоло ҳам ба талаботи вақт ҷавобгӯ набуданд. Аз ҷумла, биноҳои таълимии мактабҳои ҳаштсолаи № 12, 18, 19, 20, 23 ва 24 ба талаботи меъёрии сохтмонии муассисаҳои таълимӣ ҷавобгӯ набуданд, пояи моддӣ-техникии ин мактабҳо дар ҳолати ниҳоят ногувор қарор доштанд. Синфхонаҳои таълими меҳнат бо таҷҳизоту ашёҳои зарурии челонгарӣ ва чӯбкорӣ таъмин набуданд, инчунин, дар фаъолияти китобхонаҳои мактабӣ камбудиҳои ҷиддӣ ҷой доштанд. Баъзе аз мактабҳо умуман китобхона надоштанд, ки ин ба сатҳу сифати таълиму тарбияи хонандагон таъсири манфӣ мерасонд [17,9].

Дар қисми муайяни мактабҳо сатҳи дониши хонандагон ба талаботи нақшаи таълимӣ ҷавобгӯ набуд, масалан дар соли таҳсили 1973/74 241 нафар хонанда

натавонистанд барномаҳои таълимиро аз худ намоянд ва бинобар ин, такроран дар синфҳои худ монданд. Яке аз сабабҳои асосии паст будани сатҳи дониши хонандагон ин норасоӣ дар таъминоти кофии китобҳои дарсӣ буд, аз ҷумла як қисми хонандагони мактабҳои миёнаи № 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 13 ва дигарон бо бемасъулиятии маъмурияти муассисаҳои таълимӣ умуман бо китоби дарсӣ таъмин нагардиданд. Аз ҷумла, китобҳои дарсии забони модарӣ, забони русӣ, математика, биология, физика ва ғайра умуман дастрас набуданд. Аз ҷониби дигар, дар бисёре аз мактабҳои миёна ҳолати бе сабаб ба дарс ҳозир нашудани хонандагон низ ба мушоҳида мерасид ва ин масъала, ки бо сабаби назорати нокифояи маъмурияти мактаб ва сустии робитаи он бо волидайн рабт дошт, ба раванди таълим халали ҷиддӣ ворид месохт [15,11].

Вале, новобаста аз камбудию норасоиҳои ҷойдошта, маорифи ноҳия тадриҷан ба муваффақиятҳо ноил мегардид, дастпарварони муассисаҳои таълимии ноҳия сол ба сол зиёдтар ба макотиби олии ҷумҳурӣ ва берун аз он қабул мегардиданд. Аз байни онҳо кормандони хуб ва чеҳраҳои шинохта ба воя мерасиданд, ки бархе аз онҳо дар миқёси ҷумҳурӣ маъруф гардида буданд [3,3]. Барои меҳнати сазовор ва дастовардҳо як қатор омӯзгорони мактабҳои ноҳия бо унвонҳои ифтихории «Муаллими хизматнишондодаи мактаби ҶШС Тоҷикистон», нишони «Аълочии маорифи ИҶШС» ва нишони «Аълочии маорифи халқи ҶШС Тоҷикистон» қадрдонӣ гардиданд [3,3]. Ин омӯзгорон илова ба кори таълиму тарбия, дар ҳаёти сиёсии ноҳия, аз ҷумла дар ташвиқу тарғиби қарорҳои ҳизб ва ҳукумат миёни аҳолӣ низ фаъолона ширкат меварзиданд.

Дар баробари ташаккул ва пешрафти низоми маориф дар самти омодасозии кадрҳо барои соҳаи фарҳанги ноҳия низ ба таври назаррас дигаргунӣ ба миён омад. Махсусан, солҳои 70-ум дар муассисаҳои фарҳангиву маърифатии ноҳияи Масчоҳ шумораи мутахассисони дорои таҳсилоти олӣ ва миёнаи махсуси касбӣ рӯ ба афзоиш ниҳод. Ҷавонони боистеъдоди ноҳия дар соҳаҳои фарҳанг ва ҳунар муваффақиятҳои хуб ба даст оварданд, аз ҷумла, Рустамбек Ботуров ҳамчун овозхон дар Театри давлатии опера ва балети ба номи С. Айнӣ ва Ислом Саломов ҳамчун саррежиссёр дар Театри вилоятии ба номи А. С. Пушкин фаъолият доштанд [3,3].

Яке аз самтҳои аввалдараҷаи фаъолияти ҳокимияти маҳаллии давлатии ноҳияи навтаъсис ин таъминоти соҳаҳои гуногуни хоҷагии халқ бо мутахассисони касбӣ, дорои таҳсилоти олӣ ва миёнаи махсус маҳсуб меёфт. Бо ин мақсад ҳар сол кӯшиш карда мешуд, ки теъдоди муайяни ҷавонони ноҳия барои таҳсил ба муассисаҳои таълимии касбии ҷумҳуриявӣ ва иттифоқӣ фиристода шаванд. Масалан, соли 1975 495 нафар хатмкардагони мактабҳои миёнаи ноҳияи Масчоҳ дар муассисаҳои таълимии олии ҷумҳурӣ, шаҳрҳои Москва, Днепропетровск, Ленинград ва дигар марказҳои калони Иттиҳоди Шуравӣ таҳсил мекарданд. Ғайр аз ин, 474 нафар ҷавонон дар техникумҳо, омӯзишгоҳҳои касбии педагогӣ ва тиббии ҷумҳурӣ ба таҳсил фаро гирифта шуда буданд. Ҷалби бештари духтарон ба муассисаҳои таълимӣ, махсусан касбӣ низ аз мадди назари мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ дур намемонд. Дар давоми солҳои 1973/75 58 нафар духтарони ноҳия ба

муассисаҳои таълимии касбии ҷумҳурӣ ба таҳсил фиристода шуданд[3,3]. Ин раванд имконият дод, ки сафи омӯзгорон, кормандони соҳаи тандурустӣ, муассисаҳои томактабӣ аз ҳисоби занону духтарон афзоиш ёбад. Танҳо дар давоми як 10-сола (1965-1975) аз ҳисоби хатмкардагони мактабҳои ҳаштсола ва миёна зиёда аз 600 нафар мураббиён тайёр карда шуданд.

Масъалаи интихоб, таъйин ва назорати фаъолияти директорон, котибони ташкилотҳои ҳизбӣ ва ҷобаҷогузории кадрҳои омӯзгорӣ пайваста таҳти назорати ҷиддии мақомоти роҳбарикунандаи ҳизбию давлатии ноҳия қарор дошт. Шумораи зиёди омӯзгорон, директорони 13 мактаби миёна ва аксарияти мактабҳои ҳаштсолаи ноҳия коммунист буданд. Дар самти таҳкими пойгоҳи таълимию моддии мактабҳо низ, махсусан дар давоми солҳои 70-ум пешравиҳо ба миён омаданд. Танҳо дар давоми солҳои 1971-1974 аз ҳисоби маблағҳои колхозҳо 2400 синфхона ва устохонаҳои таълимӣ сохта шуданд. Махсусан, дар ин самт ташаббуси раёсати колхози ба номи Калинини ноҳия ҷолиб аст, ки ин хоҷагӣ соли 1973 барои 340 нафар хонандагон бинои нави таълимӣ сохта ва ба истифода дод.

Баробари соҳаи маориф самти дигари муҳим ин ташкили низоми тандурустӣ ва муассисаҳои тиббию табобатӣ дар ноҳия маҳсуб меёфт. Махсусан, дар солҳои аввал, ки бо сабаби тағйири иқлим муҳоҷирон бештар ба хидматрасонии тиббӣ ниёз доштанд, ташкил ва ба роҳ мондани ин соҳа дорои аҳаммияти вижа буд. Дар ибтидо, пас аз Масчоҳи кӯҳӣ ба ноҳияи нави Масчоҳ муҳоҷир кардани аҳолӣ, дар тамоми минтақаҳои заминҳои навкорам ва бекорхобида нуқтаҳои хизмати тиббӣ кушода шуда, бо ёрии молиявӣ ва техникии давлат сохтмони муассисаҳои тиббӣ босуръат оғоз гардид. Соли 1958 дар ноҳия 7 беморхонаи калон, 4 дармонгоҳ, беморхонаи кӯдакона, 5 таваллудхона, диспансери тиббӣ, 7 боғча, 55 нуқтаи машварату маслиҳатдиҳӣ бо муваффақият хизмати сокинонро иҷро мекарданд. Шумораи умумии табибони соҳибтахассус 127 нафарро ташкил медод, ки аз байни онҳо 30 нафар табиб дорои маълумоти олӣ буданд [4]. Ҳол он ки дар кӯҳистони Масчоҳ на танҳо аз кормандони тиббӣ ягон шахси маълумоти олидор набуд, инчунин, дорандагони маълумоти миёнаи касбии тиббӣ низ дар он ҷо ангуштшумор буданд. Дар солҳои аввали азхудкунии заминҳои нав бисёре аз ин кормандони тиббӣ аз дигар ноҳияҳо ба ноҳияи навбунёди Масчоҳ бо мақсади ба муҳоҷирон расонидани хизмати тиббӣ омада буданд. Солҳои минбаъда кормандони баландихтисоси тиббӣ аз ҳисоби сокинони ноҳияи Масчоҳ афзоиш ёфт.

Бо кӯшиши ҳокимияти маҳаллӣ дар ноҳия ҳар сол шумораи катҳои табобати беморон афзоиш меёфт ва маблағгузорӣ барои чорабиниҳои беҳдоштӣ зиёд мегардид. Соли 1961 ба беморхонаи марказии ноҳия 516,7 ҳазор рубл ва соли 1962 550 ҳазор рубл маблағ ҷудо гардид. Аммо ҳудуди ноҳия сол ба сол васеъ гардида, шумораи аҳолии он босуръат афзоиш меёфт ва ин раванд талаб менамуд, ки дар самти тандурустӣ суръати корҳо мувофиқ ба талабот бошанд, ҳарчӣ бештар нуқтаҳои тиббӣ кушода шаванд. Аҳолии ноҳия то ба 50 ҳазор нафар расида буд, вале маҳалҳое буданд, ки то ҳол ягон нуқтаи хизматрасонии тиббӣ надоштанд. Махсусан, дар маҳалҳои дур аз марказ, мисли нуқтаҳои геологӣ-кафшерии Кандзол ва чанд макони дигар ҳатто нуқтаи тиббии алоҳида вуҷуд надошт. Норасоии

духтурон, аз ҷумла рентгенологҳо, табибони амрози занона (гинекологҳо), пизишки кӯдакон, асабшиносон ва дар чанд самтҳои дигар мушоҳида мегардид. Барои таъмини талаботи иҷтимоии аҳолӣ ҳар сол аз буҷаи давлат маблағи калоне ҷудо мегардид, аз ҷумла тибқи маълумоти оморӣ то 1 декабри соли 1961 танҳо барои кӯмакпулии иҷтимоӣ ба аҳолӣ 504 ҳазор рубл маблағ ҷудо гаридидааст, ки аз он 196 ҳазор рубл кӯмакпулӣ аз буҷа, аз ҷумла 70 ҳазор рубл кӯмаки яквақтаина ва 126 ҳазор рубл кӯмаки ҳармоҳа мебошад [13,19].

Самти дигари ниҳоят муҳим барои ноҳияи навтаъсис ба роҳ мондани ташкили муассисаҳои истироҳатӣ, хизмати маишӣ, нуқтаҳои тиҷорат ва савдо, хӯроки умумӣ, марказҳои саломатӣ ва дигар муассисаҳои маишию фарҳангӣ маҳсуб меёфт. Ин буд, ки соли 1978 дар ноҳия 89 нуқтаи савдо, 35 нуқтаи хӯроки умумӣ, 23 сартарошхона, 5 суратгирхона ва 6 ҳаммом [5,2], инчунин 6 беморхона, 5 амбулатория ва дармонгоҳ, 20 нуқтаҳои фелдшерӣ-акушерӣ, 4 дорухона барои аҳолӣ хизмат менамуданд ва дар ин муассисаҳо 69 пизишк, 212 корманди миёнаи тиббӣ фаъолият доштанд [5,3].

Дар самти корҳои маърифатию тарғиботӣ бошад соли 1961 12 дастгоҳи кинонамоишдиҳӣ ва 4 нуқтаи намоиши филмҳо фаъолият менамуданд ва инчунин дар ноҳия 41 китобхонаи умумӣ мавҷуд буд, ки фонди умумии онҳо зиёда аз 105 ҳазор нусха китобро ташкил медод. Вале, бо вуҷуди ин, дар баъзе маҳаллаҳои ноҳия китобхонаҳо вуҷуд надоштанд, аз ҷумла дар колхози ба номи Авзикент, Садвинсовхоз ва маҳаллаи Кандзол ин ҳолат ҷой дошт. Инчунин дар ноҳия 20 чойхонаи сурх амал мекард ва 15 декабри соли 1961 бинои Хонаи фарҳанг ба истифода дода шуд [12,17-18].

Худи ҳамон сол шуъбаи фарҳанги ноҳия низ таъсис ёфт, ки роҳбарони аввалини он Н. Азизов, Н. Салимов, Д. Низомов, Х. Сафарова ва А. Саидов буданд. Дар тӯли фаъолияти шуъба чеҳраҳои зиёди фарҳангӣ ва ҳунарие ба воя расиданд, ки бо хизмати софдилонаи худ номашон дар таърихи фарҳанги ноҳия сабт гардидааст. Хидматҳои шоистаи чанде аз онҳо бо унвони «Аълочии фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон» қадршиносӣ шудааст.

Мардуми Масчоҳ аз замонҳои қадим бо оҳанги хоси худ байт, рубоӣ ва тарона месароянд. Дар ҳар деҳа овозхонони машҳуре зиндагӣ мекунанд, ки бо ҳунару овози форамашон маъруф буданд. Ҳамчунин, анъанаи «Шоҳномахонӣ», нақли қисса ва ривоёти халқӣ васеъ роиҷ буд. Нақшхонӣ дар маъракаву маросимҳо ҷойгоҳи хоса дошта, чун суннати фарҳангӣ пазируфта мешуд. Дар оғози асри XX ҳофизи хушовоз Ҳайдарбеки Пакшифӣ дар тамоми қаламрави водии Зарафшон, аз ҷумла шаҳрҳои Истаравшан, Хуҷанд ва ҳатто то водии Рашт машҳур гашта, бо сабки хоси хеш дили мардумро тасхир мекард.

Аз байни мардуми заҳматкашу ҳунарманди Масчоҳ шахсиятҳое ба камол расиданд, ки дар рушду нумӯи фарҳанги халқи тоҷик нақши арзанда гузоштанд. Арбоби шоистаи санъат ва коргардони маъруф Ислом Саломов, Ҳунарпешаи мардумии ҷумҳурӣ Муродбек Насриддинов, Ҳунарпешаи шоистаи ҷумҳурӣ шодравон Рустамбек Ботуров, ки Филармонияи халқӣ ва Қасри фарҳанги ноҳия низ номи ӯро доранд, аз ҷумлаи чунин шахсиятҳо мебошанд. Инчунин варзишгар ва ҳунарпешаи

кино шодравон Мӯсо Исоев, Ҳунарманди мардумии ҷумҳурӣ Лола Азизова ва ҳофизи операи тоҷик Содиқ Нуруллоев низ бо ҳунару истеъдоди нотакрорашон номбардори миллат гардидаанд.

Соли 1988 ансамбли фолклорӣ-этнографии «Нақш» дар назди хонаи фарҳанги ҷамоати Масчоҳ таъсис ёфт, ки то имрӯз фаъолияти пурсамар дорад. Ин гурӯҳ бо ҳадафи эҳё ва тарғиби мероси фарҳанги шифоҳии мардумии тоҷик, хосса суннатҳои маросимӣ ва сурудҳои қадимии болооби Зарафшон, таъсис ёфтааст. Роҳбари бадеии ансамбл оҳангсоз ва ҳунарманди шинохта Маҳмадшариф Шодиев мебошад.

Театри халқии ноҳияи Масчоҳ соли 1981 бо қарори Ҳукумати ноҳия дар заминаи маҳфили драмавии назди Қасри фарҳанги шаҳраки Бӯстон таъсис ёфтааст. Соли 1983 бо қарори Вазорати фарҳанги ҷумҳурӣ ба театр унвони «халқӣ» дода шуд [6, 27-28]. Фаъолияти театрро ҳаваскорони сершумор аз миёни табақаҳои гуногуни аҳолӣ пеш мебаранд, ки саҳми арзандае дар рушди санъати театрии маҳаллӣ доранд.

Мактаби санъати ноҳияи Масчоҳ яке аз муассисаҳои муҳимми таълимии фарҳангӣ ба шумор меравад, ки дар самти омодасозии кадрҳои соҳавӣ фаъолият мекунад. Дар сохтори мактаб ду шуъбаи асосӣ амал мекунад: шуъбаи мусиқӣ ва шуъбаи бадеӣ. Шуъбаи мусиқӣ дорои ихтисосҳои фортепиано, рубоб, най, ғиҷҷак, дойра, мақом, рақс ва чанг мебошад. Дар шуъбаи бадеӣ бошад омӯзиши равияҳои рассомӣ, театри лӯхтак ва театр ба роҳ монда шуда буд [6,33].

Пас аз қабули қарори КМ ҲК ва Шурои Вазирони ҶШС Тоҷикистон аз 8 июни соли 1977 дар самти рушди муассисаҳои томактабӣ ва беҳтар намудани сифати таълиму тарбияи томактабӣ дар ноҳия низ як қатор пешравиҳо мушоҳида мегарданд. То соли 1977 дар ноҳия ҳамагӣ 6 муассисаи доимии томактабӣ фаъолият мекард, ки 950 кӯдакро фаро мегирифт. Дар натиҷаи тадбирҳои андешидашуда, солҳои 1977-1980 боз 3 муассисаи нав илова гардид, ки иқтидори умумии онҳо 280 нафарро ташкил медод. Дар натиҷа, шумораи умумии муассисаҳои томактабӣ ба 9 адад расид ва онҳо 1185 кӯдакро ба тарбия гирифта буданд [9,25]. Аз ҷумла, 3 муассисаи дар маркази ноҳия ҷойгир буда, 723 кӯдакро фаро мегиранд, дар ҳоле ки 6 муассисаи боқимондаи дар шаҳракҳо ҷойгир буда, 462 нафар кӯдакро дар тарбия доштанд [9,25].

То соли 1977 дар муассисаҳои томактабии ноҳия 54 нафар корманд фаъолият доштанд, ки аз ин шумора танҳо 3 нафар дорои маълумоти олӣ, 24 нафар маълумоти миёнаи махсус ва 27 нафар маълумоти умумии миёна буданд. Соли 1980 шумораи умумии кадрҳои педагогӣ дар ин муассисаҳо ба 67 нафар расид, ки аз онҳо 5 нафар дорои маълумоти олӣ, 42 нафар бо маълумоти миёнаи махсус ва 20 нафар бо маълумоти миёнаи умумӣ буданд [9,25]. Аз 9 муассисаи мавҷуда 3 муассиса дар тобеияти Вазорати маориф қарор дошт, ки иқтидори онҳо барои 578 нафар дастпарвар муқаррар шуда буд. Идораи хоҷагии қишлоқ 4 муассисаро бо 378 кӯдак ва ду муассисаи дигар, ки дар тобеи сохторҳои соҳавӣ буданд 280 кӯдакро дар бар мегирифт [9,25].

Фоизи фарогирии кӯдакон ба тарбияи томактабӣ миёни сокинони шаҳрак ва деҳот тафовути назаррасро соҳиб буд. Аз шумораи умумии 12570 кӯдаки синни томактабӣ дар ноҳия, танҳо 1185 нафар ба муассисаҳо ҷалб шудаанд, ки 9,4 фоизи шумораи умумиро ташкил медод. Аз ҷумла, дар маркази ноҳия (шаҳрак) аз 1919 нафар кӯдаки синни томактабӣ, 723 нафар (37,6%) ва дар деҳот аз 10 651 нафар кӯдак, танҳо 462 нафар (4,3%) ба таълими томактабӣ фаро гирифта шуда буданд [10, 25-26].

Барномаи сохтмони муассисаҳои томактабӣ барои солҳои 1977-1979 таъсиси як қатор муассисаҳоро дар колхозу совхозҳо дар назар дошт. Аз ҷумла, дар колхози «Комсомол» – муассиса барои 90 ҷой, дар колхози ба номи Карл Маркс барои 140 ҷой ва дар колхози ба номи Жданов барои 90 ҷой пешбинӣ гардида буд. Бо вуҷуди ин, сохтмони бинои муассисаи томактабӣ дар шаҳраки Бӯстон, ки аз ҳисоби маблағгузориҳои давлатӣ барои соли 1979 ба нақша гирифта шуда буд, то ба охир дар мӯҳлати муқарраршуда ба анҷом нарасид.

Ҳамзамон, зарурати таъмини муассисаҳои томактабӣ бо таҷҳизоти зарурӣ, аз ҷумла мебели ҳозиразамон (мизи кӯдакона, курсӣ, ҷевон), таҷҳизоти мулоим (болишт, кӯрпа), лавозимоти варзишӣ (тӯб, курсии гимнастикӣ, лағжишгоҳ), маводи сохтмонӣ ва асбобу таҷҳизоти тиббӣ (тарозуи тиббӣ, сӯзандору, асбоби ченкунии қад ва ғайра) мавҷуд буд. Соли таҳсили 1979/80 13 нафар кормандони муассисаҳои томактабӣ курси такмили ихтисосро хатм карданд, вале масъалаи омӯзиши таҷриба ва интиқоли таҷрибаи пешқадам ба таври зарурӣ амалӣ намегардид [11,26].

Ҳамин тавр, тадриҷан иқтидори кадрии ноҳия, муассисаҳои маърифатии он инкишоф меёфт. Барои аҳолии ноҳияи соли 1978 26 китобхонаи умумӣ бо теъдоди 186,4 ҳазор нусха китоб, 20 клуб, як мактаби мусиқӣ, 18 кинотеатр, 14 дастгоҳи пахши кино мавҷуд буданд [5,3].

Шумораи мутахассисони маълумоти олидор дар соҳаи кишоварзии ноҳия аз 93 нафар соли 1975 соли 1978 ба 109 нафар расид [5,1].

Сокинони ноҳияи Масчоҳ дар аҳди Шуравӣ ҳамчун олим, донишмандони соҳибихтисос эътироф гардида, саҳми босазои худро дар рушди илму фарҳанги ҷумҳурӣ гузоштаанд. Докторону номзадҳои илм, ходимони зиёди соҳаҳои гуногуни илму адаб, ба ҳалли масъалаҳои муҳимми илми муосир машғул гардида дар раванди корҳои илмӣ-таҳқиқотӣ ва таҳкими пояҳои илми ҷумҳурӣ саҳми арзанда мегузоранд.

Яке аз чеҳраҳои маъруф ва шинохтаи Масчоҳ Юсуф Вафо - шоири хушзавқ, бедордил ва маърифатпарвари адабиёти шуравии тоҷик мебошад. Хизматҳои ӯ дар тарғибу ташвиқи армонҳои сохти нави Шуравӣ беҳамто буда, ӯро ҳамчун яке аз сарояндагони аслии арзишҳои замони нав мешиносанд [2,483-484].

Юсуф Вафо соли 1888 дар деҳаи Пастиғави ноҳияи Масчоҳ ба дунё омадааст. Таълимоти ибтидоии худро дар маҳалли зист гирифта, пеш аз Инқилоби Октябр дар шаҳрҳои Тошканд, Хуҷанд ва Хӯқанд зиндагӣ кардааст. Пас аз пирӯзии Инқилоби Октябр ба деҳаи худ баргашта, фаъолона дар мубориза бар зидди душманони инқилоб ширкат варзидааст. Дар давраи баъдӣ ӯ ҳамчун яке аз тарғибгаро-

ни фаъол ва содиқ ба сохти колхозӣ фаъолият намуда, муддати тӯлонӣ вазифаи сардории бригадаро ба ӯҳда доштааст.

Юсуф Вафо бо фаъолият ва эҷодиёташ дар ташаккули фарҳанги Шуравӣ ва таҳкими идеологияи коммунистӣ дар байни мардум саҳми назаррас гузоштааст. Дар сохтмони роҳҳои Масчоҳу Заҳматобод (Айнии ҳозира), Сталинободу (Душанбеи ҳозира) Панҷакент ва Ӯротеппа иштирок намудааст. Аз ҷумла, ҳангоми кушодашавии «роҳи нави мошингард» ӯ бо илҳоми саршор пас аз фатҳи ағбаи Шаҳристон гуфта буд:

Эй ағба, кунун шунав, ки мо ободем,
Он роҳи туро ба барфу борон додем.
Дар қад-қади Зарафшони чуқури шӯхоб,
Роҳи нави мошинаравак бикшодем [7,45].

Эҷодиёти шоири халқии Масчоҳ Юсуф Вафо дар ду давра то ва баъд аз Инқилоби Октябр таҳаввул ёфтааст. Дар ашъори тоинқилобӣ мавқеи асосӣ ба шикоят аз шиканҷаҳои рӯзгор ва беадолатиҳои замон бахшида шудааст, вале дар давраи Шуравӣ мавзуи асосии ӯ заҳмати халқ, озодӣ, саодати меҳнаткашон, истиқлоли занон, ободии ватан ва дигар дастовардҳои давраи нав маҳсуб меёфтанд.

Адиби дигари шинохта, Ходими шоистаи фарҳанги ҷумҳурӣ, узви Иттифоқи нависандагони Тоҷикистон, узви Иттифоқи журналистон, Аълочии матбуоти Тоҷикистон Усмон Олим мебошад, ки ҳамчун шоир ва нависанда дар тӯли фаъолияти эҷодияш беш аз 12 асари назмию насрӣ иншо кардааст. Маҷмӯаҳои шеърии «Баландӣ», «Дасти дӯст», «Қиссаи қисмат», «Дуои хайр», «Панди Оли Сомон», повестҳои «Пайроҳаи умр» (бо ҳаммуаллифӣ), «Муроди халқ» (ба русӣ ва тоҷикӣ), «Шаҳри сулҳу оштӣ-шаҳри Хуҷанд» ва ғайраҳо ба қалами ӯ мансубанд.

Чеҳраи шинохтаи дигар ин шевашинос, муаллифи як силсила мақолаву очеркҳои публитсистиву адабӣ Гадо Умарӣ мебошад. Ӯ муаллифи беш аз 50 намоишномаҳо, аз ҷумла «Лӯлидухтар», «Дохунда», «Темурмалик», «Дили шоир», «Ҷони ширин», «Борбад», «Модар нигарон буд», «Гавҳари шабчароғ», «Аршин Мололон», «Табиби зӯракӣ» мебошад.

Таҳлили муфассали маълумоти оморӣ, санадҳои расмии бойгонӣ ва матолиби таҳқиқотӣ нишон медиҳанд, ки дар як муддати кӯтоҳ дар ҳаёти иҷтимоӣ, фарҳангӣ ва маърифатии ноҳияи навтаъсис дигаргунии ҷиддӣ ба миён омадааст. Албата, ин равандҳо дар чорчӯбаи сиёсати умумии иҷтимоиву фарҳангии давлати Шуравӣ ташаккул ёфта, бо роҳандозии механизмҳои марказонидашудаи маъмуриву хоҷагидорӣ, таъмини молиявии мунтазам, ҷалби муассисаҳои ҳизбӣ ва иштироки фаъоли аҳолӣ амалӣ мегардиданд. Маҳз ҳамин омилҳо имконият доданд, ки дар муҳлати нисбатан кӯтоҳ шабакаи муассисаҳои маориф, тандурустӣ, фарҳанг ва хадамоти иҷтимоӣ дар ноҳия ба вуҷуд омада, пайгирона тавсеа ёбанд. Таҳаввулоти ба амаломада дар самтҳои мазкур дар баробари болоравии сатҳи маърифати аҳолӣ, ба ташаккули муҳити нави иҷтимоӣ, таҳкими захираҳои инсонии маҳаллӣ ва фароҳамсозии заминаҳои рушди минбаъда ҳамаҷониба мусоидат намуданд.

АДАБИЁТ

1. Абулҳаев Р. Таърихи муҳоҷират дар Тоҷикистон (солҳои 1924-2000) /Р. Абулҳаев. – Душанбе: Дониш, 2012. – 492 с.
2. Абдулов К. Дар ин дунё. Ҷ. 12. Масчоҳ, китоби аввал /К. Абдулов. – Душанбе: Адиб, 2006. – 1029 с.
3. Раҳимов Ҳ. Мактабу маориф дар замини нав /Ҳ. Раҳимов /Машъал. – 1975. – 16 янв. – № 7 (3455). – С. 3.
4. Байраќи Ленинӣ. – 1958. – 23 март.
5. Машъал. – 1978. – 23 дек. – № 154 (4068). – С. 1-3.
6. Усмонов Ш. Рӯ ба созандагӣ (Бахшида ба 20 - солагии Истиқлолияти Тоҷикистон) / Ш. Усмонов. – Хуҷанд, 2010. – 37 с.
7. Юсуф Вафо. Бо шумо ман зиндаам /Ю. Вафо. – Душанбе: Адиб, 1990. – 45 с.
8. Бойгонии давлатии вилояти Суғд (БДВС). Ф. 458, Р. 3, П. 194, В. 5.
9. БДВС. Ф. 291, Р. 4, П. 36, В. 25.
10. БДВС. Ф. 291, Р. 4, П. 36, В. 25-26.
11. БДВС. Ф. 291, Р. 4, П. 36, В. 26.
12. БДВС. Ф. 458, Р. 3, П. 206, В. 17-18.
13. БДВС. Ф. 458, Р. 3, П. 206, В. 19.
14. БДВС. Ф. 291, Р. 4, П. 2, В. 24.
15. БДВС. Ф. 291, Р. 4, П. 27, В. 11.
16. БДВС. Ф. 291, Р. 4, П. 27, В. 8.
17. БДВС. Ф. 291, Р. 4, П. 27, В. 9.
18. БДВС. Ф. 291, Р. 4, П. 3, В. 3.
19. БДВС. Ф. 291, Р. 4, П. 45, В. 1.
20. БДВС. Ф. 291, Р. 4, П. 45, В. 20.
21. БДВС. Ф. 291, Р. 4, П. 45, В. 7.
22. БДВС. Ф. 458, Р. 3, П. 194, В. 6.
23. Одинаев А. Н., Козизода, Ш. К. Переселение в Дилварзинскую степь во второй половине 50-х годов XX века/А. Н. Одинаев, Ш. К. Козизода//Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2024. – № 2(79). – С. 31-37.

ҲАЁТИ ҶАМЪИЯТИЮ ФАРҲАНГИИ НОҲИЯИ МАСЧОҲ ДАР ДАВРАИ ШУРАВӢ

Омӯзиши равандҳои иҷтимоӣ ва фарҳангӣ дар ноҳияҳои навташкили Тоҷикистон аҳаммияти хоса дорад, зеро маҳз дар давраи Шуравӣ дар ин минтақаҳо бунёди инфрасохтори иҷтимоӣ, маориф ва фарҳанг бо суръати бесобиқа сурат гирифтааст. Ноҳияи Масчоҳ аз ҷумлаи он минтақаҳоест, ки дар мисоли он тағйироти ҷиддии иҷтимоӣ ва фарҳангии солҳои 1950-1985 ба таври возеҳ мушоҳида мешаванд.

Бо вуҷуди аҳаммияти мавзӯъ, то имрӯз дар адабиёти илмӣ таҳқиқоти фарогир оид ба равандҳои ташаккули ҳаёти иҷтимоӣ, фарҳангӣ ва таълимӣ дар ноҳияи Масчоҳ дар давраи Шуравӣ кам ба назар мерасад. Таъсири раванди муҳоҷир намудани аҳолӣ, бунёди муассисаҳои маорифу тандурустӣ ва таъсири сиёсати давлатӣ ба ташаккули муҳити маънавии маҳаллӣ ба таври махсус таҳлил нашудаанд.

Дар мақола таҳлили муфассали равандҳои иҷтимоиву фарҳангӣ ба воситаи омӯзиши санадҳои Бойгонии давлатии вилояти Суғд, матбуоти даврӣ, маводи оморӣ ва таҳқиқоти илмӣ анҷом дода шудааст. Таъсиси муассисаҳои маориф,

рушди кадрҳои омӯзгорӣ, тағйироти соҳаи тандурустӣ, густариши хизматрасониҳои иҷтимоӣ ва ташаккули муассисаҳои фарҳангӣ дар заминаи манобеи бойгонӣ ва матбуотӣ баррасӣ мегарданд.

Таҳқиқот нишон дод, ки дар солҳои 1950-1985 ноҳияи Масчоҳ ба минтақаи дорои шабакаи устувори маориф, тандурустӣ, хидматрасонии иҷтимоӣ ва фарҳанг табдил ёфт. Таҳлил муайян намуд, ки фаъолияти омӯзгорон, табибон, арбобони санъат ва аҳли эҷод дар ташаккули муҳити фарҳангӣ ва болоравии сатҳи маърифатии аҳолӣ таъсири назаррас доштааст.

Натиҷаҳои таҳқиқот тасаввуроти мавҷударо дар бораи равандҳои иҷтимоӣ ва фарҳангӣ дар ноҳияҳои навташкили Тоҷикистон васеъ намуда, маводи арзишмандеро барои омӯзиши таърихи маҳаллӣ ва равандҳои иҷтимоиву демографии давраи Шуравӣ пешниҳод мекунанд. Маводи мақола метавонад дар таҳқиқоти таърихӣ, корҳои таълимӣ ва таҳияи барномаҳои маҳаллӣ оид ба рушди иҷтимоӣ истифода шавад.

Калидвожаҳо: *ноҳияи Масчоҳ, давраи шуравӣ, сиёсати иҷтимоӣ, маориф, тандурустӣ, фарҳанг, муҳити маънавӣ, муҳоҷирсозии аҳолӣ.*

ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ МАСЧИНСКОГО РАЙОНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Исследование социально-культурных процессов в новых районах Таджикистана имеет важное значение, поскольку именно в советский период здесь происходило интенсивное формирование инфраструктуры образования, здравоохранения и культуры. Масчинский район является одним из тех регионов, где в 1950-1985 годах наблюдались масштабные социальные преобразования.

Несмотря на актуальность темы, в научной литературе до настоящего времени редко встречаются комплексные исследования, посвящённые процессам формирования социальной, культурной и образовательной жизни Масчинского района в советский период. Влияние процессов переселения и мобилизации ресурсов, создание образовательных и медицинских учреждений, а также воздействие государственной политики на формирование местной духовной среды до сих пор не получили специального и всестороннего анализа.

Для решения поставленной задачи в статье проанализированы архивные документы Государственного архива Согдийской области, материалы периодической печати, статистические данные и научные исследования. Особое внимание уделено процессу создания образовательных учреждений, подготовке педагогических кадров, развитию здравоохранения, расширению социальных услуг и формированию инфраструктуры культуры.

Исследование показало, что в 1950-1985 годах Масчинский район превратился в территорию с развитой сетью образовательных, культурных, медицинских и социальных учреждений. Деятельность учителей, медиков, работников искусства и представителей творческой интеллигенции существенно повлияла на формирование культурной среды и повышение уровня социальной обеспеченности населения.

Полученные результаты расширяют представление о социально-культурном развитии новых районов Таджикистана и представляют ценность для изучения истории и социально-демографических процессов советского периода. Материалы исследования могут применяться в исторических работах, образовательных курсах и региональных программах социального развития.

Ключевые слова: *Масчинский район, советский период, социальная политика, образование, здравоохранение, культура, духовная среда, миграционные процессы.*

SOCIAL AND CULTURAL LIFE OF THE MASCHOH DISTRICT DURING THE SOVIET PERIOD

The study of social and cultural transformations in newly established districts of Tajikistan is of particular importance, as the Soviet period marked an intensive development of educational, medical, and cultural infrastructure. Maschoh District represents one of the regions where significant socio-cultural changes took place between 1950 and 1985.

Despite the relevance of the topic, there is a lack of comprehensive research on the formation of social, cultural, and educational institutions in Maschoh District during the Soviet era. In particular, the impact of resettlement policies, mechanisms of institutional development, and the role of state ideology in shaping the new cultural environment remain insufficiently explored.

To address this gap, the article analyzes archival documents from the State Archive of Sughd Province, periodical publications, statistical data, and scholarly studies. Special attention is given to the establishment of educational institutions, teacher training, healthcare development, expansion of social services, and the creation of cultural infrastructure.

The study demonstrates that between the late 1950s and 1985, Maschoh District developed a stable network of educational, cultural, medical, and social institutions. The activities of teachers, medical workers, artists, and representatives of the creative intelligentsia played a significant role in shaping the cultural environment and improving the quality of social life.

The findings contribute to a deeper understanding of socio-cultural development in the newly established districts of Tajikistan and provide valuable material for research on local history and the social and demographic processes of the Soviet period. The results may be applied in academic studies, educational programmes, and regional social development initiatives.

Key words: *Maschoh District, Soviet period, social policy, education, healthcare, culture, cultural environment, population resettlement.*

Маълумот дар бораи муаллифон: Убайдулло Насрулло Каримзода – сарходими илмии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, доктори илмҳои таърих, профессор. Телефон: (+992) 93-850-00-10; Почтаи электронӣ: nasrullokarimovich@mail.ru

Қозизода Шӯҳратҷон Қози – докторанти (PhD)-и Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон: Суроға: 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33, E-mail: kozizoda_1997@mail.ru; ORCID: 0009-0000-3710-5269

Сведения об авторах: Убайдулло Насрулло Каримзода – главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, доктор исторических наук, профессор. Телефон: (+992) 93-850-00-10; E-mail: nasrullokarimovich@mail.ru

Козизода Шухратджон Кози – докторант (PhD) Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г.Душанбе, пр. Рудаки, 33. E-mail: :kozizoda_1997@mail.ru; ORCID: 0009-0000-3710-5269.

About the authors: Ubaydullo Nasrullo Karimzoda - Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Tel: (+992) 93-850-00-10; E-mail: nasrullokarimovich@mail.ru.

Shuhratjon Qozizoda Qozi - PhD candidate at the Institute of History, Archaeology, and Ethnography named after Ahmad Donish, National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Ave., 33. E-mail:kozizoda_1997@mail.ru; ORCID: 0009-0000-3710-5269.

УДК 94 (575.3):614

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНЫ ТАДЖИКИСТАНА В ПЕРИОДА 1979-1980 ГОДАХ[1]
(на основе анализа материалов Коллегии Минздрава Таджикской ССР)

ХОДЖИБЕКОВ Э.,
Хорогский государственный университет имени М. Назаршоева

АБДУРАХМОНОВ З. В.,
Таджикский государственный медицинский университет имени Абуали ибни Сино

Совместимость истории медицины и социальной политики государства на примере исследования медицины советского периода, имеет междисциплинарный характер, поскольку данная тематика исследуется историческими и медицинскими науками, также оно исследуется в рамках социальной антропологии [7,89].

Сторонники социальной антропологии называют это «медико-экологическим подходом», которая исследует механизм обеспечивающий поддержание стабильности в охране здоровья населения [2,35]. Исследуя историю развития медицины

[1] Статья написана в рамках проекта «Изучение философских, политических и историко-культурных аспектов становления гражданского общества в Таджикистане», государственный регистрационный номер 5517.

советского периода, мы замечаем различные методические и управленческие механизмы, которые даже в наше время не теряют своей актуальности.

В данной статье мы хотели бы более подробно остановиться на основных направлениях деятельности Министерства здравоохранения Таджикистана в период 1979-1980 гг. Отмечая хронологию данного времени, как части истории Советского Союза, можно сказать, что именно данный период можно назвать периодом расцвета развития советского общества [1,49]. В указанный период была проделана определенная работа по направлению улучшения работ стационаров, поликлиник и учреждений по оказанию медицинской помощи населению.

В ходе изучения архивных материалов, были выявлены основные направления деятельности медицины указанного периода. В частности, особое внимание уделялось таким направлениям как помощь престарелым и инвалидам, снижению уровня детских и подростковых заболеваний, а также лицам призывного возраста. Так 20 декабря 1980 года на заседание Коллегии Минздрава Таджикской ССР был рассмотрен вопрос о выполнении приказа Минздрава Таджикской ССР от 26.01.1978 года, под № 47 «О мерах по дальнейшему улучшению обслуживания престарелых и инвалидов, проживающих в домах - интернатах республики».

Стоит отметить, что в обслуживание интернатов и домов престарелых обязанности государственных органов разделились между социальными и медицинскими органами, но исходя из того, что большую часть этих интернатов составляли больные, то основная работа возлагалась на медучреждения. В ходе рассмотрения данного вопроса, было отмечено, что выполняя указанный приказ, органы здравоохранения на местах заметно улучшили медицинско-санитарное обслуживание контингента домов-интернатов для престарелых и инвалидов.

На период 1979 - 1980 гг. в республике функционировали 7 домов-интернатов для престарелых и инвалидов и 2 интерната для детей. По состоянию на 1-ое ноября 1980 года, в домах-интернатах проживало 1058 человек, при плановом размещении до 1230-и человек. В интернатах проживали и проходили лечения дети со всех уголков Таджикистана, поскольку на территории некоторых районов (в том числе ГБАО) не было лечебных специнтернатов. Все действующие дома для престарелых и инвалидов, кроме Кангуртского были расположены в специально построенных типовых зданиях, со всеми необходимыми жилищно-бытовыми условиями.

Со стороны органов здравоохранения республики, совместно с органами социального обеспечения, указанные учреждения полностью укомплектованы медперсоналом по организации медицинского обслуживания инвалидов. В этом направлении государство обеспечивало подготовку кадров, проведения научных исследований, поддержку материально-технической базы здравоохранения, оплату дорогостоящих медицинских услуг и другой помощи при социально значимых заболеваниях [3,92]. Так, например, в домах-интернатах Гиссарского, Турсунзадевского районов и в городе Ленинабаде (ныне Худжанд) при домах интернатах были организованы физиотерапевтические кабинеты. Средние медицинские работники, обслуживающие физиотерапевтическую аппаратуру, прошли специализацию в горо-

де Душанбе, а врачи в городе Киеве (Украина) на базе лучших клиник Советского Союза.

Все дома-интернаты были закреплены за территориальными лечебно-профилактическими учреждениями, которые проводили в этих учреждениях необходимую консультативную работу и комплексные медицинские осмотры с проведением флюорографии и лабораторных исследований. На каждого проживающего в домах-интернатах больных заводили истории болезни с постановкой их на диспансерный учет. Частью такого обслуживания была работа по медицинской и социальной реабилитации инвалидов и их привлечению к трудотерапии, которая состояла в организации производства при домах инвалидов. Для удобства обслуживания, все дома-интернаты были обеспечены медицинским автотранспортом.

Однако проверка Минздрава Таджикской ССР, проводимая в этих учреждениях, осенью 1980 года показала, что в организациях медицинской помощи престарелым и инвалидам, находящимся в домах-интернатах, имеются ряд существенных недостатков. Например, в Кангуртском детском доме-интернате, рассчитанном на 120 мест, из 36 положенных по штату, нянями работали только 16 человек. Такое положение в отношение младшего обслуживающего персонала, отрицательно сказывалось, на санитарное состояние дома-интерната в целом, и детей, в частности. Недостатки были выявлены также в Дигмайском (Ленинабадская область) доме-интернате, в котором на государственном обеспечении находились 231 человек.

Исходя из этого, Министерство здравоохранения Таджикистана приняло решение закрепить дома-интернаты за ближайшими лечебно-профилактическими учреждениями и возложить на них ответственность за организацию систематического контроля, медицинской помощи в домах-интернатах. Также в решении Министерства здравоохранения Таджикистана было указано, что отделу кадров Министерства здравоохранения Таджикской ССР необходимо обеспечить организацию повышения квалификации работников интернатов на базе центральных институтов усовершенствования квалификации врачей Таджикского государственного медицинского института [8,22].

Одним из факторов неожиданности для исследоватния медицины данного периода был факт о предоставлении отчетности медицинских учреждений о количествах заключенных браков. Несмотря на всю загруженность, в районах и на уровне городов и областей проводилась работа по составлению медицинской документации формы № 39 («Дневник работы врача»).

Целью этой формы отчетности было своевременная регистрация родившихся, умерших и мертворожденных детей. Но также имело место нарушение сроков регистрации случаев перинатальной смерти. В ходе проверки первичной учетной документации (истории родов, истории новорожденных, журнал родов, журнал палаты новорожденных и т.д.), на основании которых выписывались свидетельства о перинатальной смерти, обнаружено, что в ряде районов истории родов, истории новорожденных и т.д. велись некачественно и без записей наблюдения за беременными женщинами.

Выборочные проверки, проведенные Министерством здравоохранения в ряде городов и районов республики, выявили серьёзные недостатки в постановке учета, отчетности, регистрации актов гражданского состояния. Так, небрежное, неправильное ведение формы №39 («Дневник работы врача») врачами отдельных специальностей, приводило к тому, что в некоторых городах и районах республики не было точного учета заболеваемости по обращаемости, так как не все диагнозы вносились на лист уточненных диагнозов.Существенные недостатки имели место при проведении профилактических периодических осмотров, также отсутствовала первичная документация, на основании которой составляли раздел 64 и Б - профилактические осмотры населения и целевые осмотры. Некачественное ведение форм №7 и №16 - «Сводная ведомость учета больных и коечного фонда», приводило к искажению годовой статистической отчетности по форме 16 I. - «Основного отчета лечебно-профилактического учреждения"[9,32].

В 80-е годы XX-го века, перед медициной Таджикистана, (согласно Директивам XXV съезда КПСС) была поставлена задача обеспечить дальнейшее совершенствование системы воспитания и охраны здоровья подрастающего поколения. Решение этой задачи обеспечивалось путем дифференцированного подхода к проведению оздоровительных и лечебно- профилактических мероприятий с учетом возрастных особенностей, условий труда, учебы, быта, динамического наблюдения за состоянием здоровья, физического развития подростков и лиц призывного возраста. В связи с ростом напряженности на границе с Афганистаном, вопрос здоровья призывников находился под постоянным контролем Минздрава Таджикской ССР.

По состоянию на 1.01.1980 года, из общего числа населения Таджикистана – 3 900.9 тысяч человек, 7 процентов из них составляли подростки от 15 от 17 лет, число которых составило 273,7 тысяч человек, которое располагалось следующим образом:

- в городских поселках 98,4 тысячи;
- в сельской местности 178,3 тысячи [10,12].
- состояло на учете медицинских учреждений -1 240,5 тысяч подростков.

Именно рост больных среди этого контингента молодежи был особенно тревожным. Медицинская помощь подросткам осуществляется терапевтами подростковых кабинетов взрослых поликлиник по территориально-цеховому принципу.

По состоянию на 1980 год в республике действовали 44 подростковых кабинета, в которых было предусмотрено 62 врачебных должности, со 100 процентной заполняемостью.

Структура оказания организационно-методической помощи состояла из областных подростковых кабинетов, которые подчинялись Республиканскому подростковому кабинету. В частности, такие кабинеты действовали в следующих регионах Таджикистана:

- ГБАО – один кабинет на базе Хорогской городской поликлиники;
- Ленинабадская область – один кабинет на базе Ходжентской горполиклиники;

- Кулябская область – один кабинет на базе горполиклиники города Куляба;
- Кургантюбинская область – один кабинет на базе гор поликлиники города Курган Тюбе;
- РРП – одна поликлиника на базе горполиклиники города Душанбе.
- Турсунзаде - одна поликлиника на базе гор поликлиники города.

Важно отметить и то, что по сравнению с серединой 70-х годов, укомплектованность подростковыми врачами стала больше в три раза и с 20 врачей в 1974 году их количество в 1980 году достигла до 64 врача. На базе лучших подростковых кабинетов республики (Турсунзаде и Худжанд) приводились семинары с привлечением главных специалистов республики и города Москвы. Проявленные мероприятия по увеличению числа подростковых кабинетов, повышение квалификации врачей и улучшение преемственности между педиатрами и врачами подростковых кабинетов, позволили улучшить показатели оздоровления подростков и молодежи призывного возраста.

Во многих городах и районах республики были составлены комплексные планы лечебно-оздоровительных мероприятий с периодическими медицинскими осмотрами подростков. Таким образом, в 1979г. охват медицинских осмотров подростков составил 88,6 процентов и юношей 90,9 процентов. В частности, по контингентам охват был следующим:

- учащиеся техникума - 94,2 процента;
- учащиеся НТУ - 87,9 процентов;
- учащиеся школ - 89,0 процентов;
- работающая молодёжь - 80,6 процентов [9,3].

Обращает особое внимание на себя крайне низкий охват осмотрами работающих подростков. Подростковый осмотр по областям на 1980 год показал следующие данные:

- город Душанбе 95,5 процентов;
- ГБАО – 95 процентов;
- Ленинабадская область - 94 процента;
- Курган-Тюбинский район - 70,1 процент;
- Кулябская область - 93,4 процента;
- РРП - 90,5 процентов [8,9].

Эти данные показывают качество медосмотров, которые подтверждаются и данными о выявлении подростковых болезней по республике. В результате медосмотров были выявлены заболевания у 24 135 подростков (из них юношей-13666) и 86 диспансерных больных на 1000 подростков, что было ниже показателя по Советскому Союзу, который составил 115 больных на 1000 подростков. Самый низкий показатель был в ГБАО – 63,1 на 1000 подростков. В других областях и городах этот показатель был следующим:

- в Ленинабадской области - 76,1;
- в Курган Тюбинской области – 76;
- в городе Душанбе - 193,4 [11,9].

Анализ структуры выявленных больных показал, что, как и в прошлые годы, первое место заняла группа ЛОР болезней - 42,9 % (среди юношей 47,1) прочие заболевания – 36,2% (из них заболевания зубов 30 %), терапевтические заболевания -1,8%, неврологические - 1,6%, эндокринологические -1,3%.

В результате принятых мер, по республике было снято с диспансерного учета по окончанию лечения 25,3 % больных подростков.

- город Душанбе 25,5 процентов;
- ГБАО – 95 процентов;
- Ленинабадская область - 26.5;
- Курган-Тюбинская область - 27,1;
- Кулябская область - 33,4;
- РРП - 25,5[8,23].

Особое значение в развитие медицины в начале 1980 -го года придавалось лечебно-оздоровительным мероприятиям, среди призывников. В течение 1979 года состояло на лечении 12.289 призывников в результате, которого 90 процентов из них вернулись в стадию призыва в армию. В структуре больных наибольший вес составляли следующие заболевания:

- заболевания зубов – 56,7 процентов;
- ЛОР заболевания - 17,1 процент;
- терапевтические заболевания - 8,5 процентов;
- заболевания глаз - 4,6 процентов;
- туберкулёз легких 2,7 процента [1,49].

Министерство здравоохранения республики Таджикистан на основе приказа Министра обороны СССР от 1973 года приняло меры по укомплектованию медицинских комиссий военных комиссариатов, включая в их состав наиболее опытных врачей. Однако в результате повторной комиссии только в 1979 году из Республиканского пункта сбора призывников были признаны негодными к воинской службе 276 призывников [10,56].

С учетом указанных недостатков, в конце 1980-го года, Коллегия Министерства здравоохранения Таджикской ССР обсудила вопрос о состоянии рассмотрения жалоб, заявлений и писем трудящихся и организации приема населения в поликлиниках. В результате обсуждения этого вопроса было установлено, что основной причиной оставалась нехватка лекарств, что было вызвано не своевременным обеспечением их со стороны Главного аптечного управления республики [5,34].

Поэтому, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12.04.1968 года «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан», Указом Президиума Верховного Совета СССР от 04.05.1980 года «О внесении изменений и дополнений в Указ Президиума Верховного Совета СССР», приказами Минздрава СССР от 25.04.1977 года №376 «О мерах по дальнейшему улучшению рассмотрения предложений, заявлений и жалоб трудящихся, и организация приема в системе Минздрава СССР» указанные недостатки стали предметом обсуждения Коллегии Минздрава Таджикской ССР. Было выявлено, что в 1979 году по недостаткам в работе аптек поступило 86 писем с жалобами. В результате

их рассмотрения в установленные сроки все граждане были обеспечены медикаментами.

Причиной же их необеспечения во время обращения было указано отсутствие препарата или рецепта. Эти недостатки имели частный характер, и это не означало нарушение системы, поскольку социальное государство, каким был Советский Союз, гарантировало для населения качественный доступ к медицине и лекарственной помощи с созданием условий для здоровой, активной жизни людей в обществе [6,89].

В конце при рассмотрениии вопроса принято решение улучшить организационно-методическое руководство и контроль с целью повышения ответственности аптечных учреждений за качество лекарственной помощи стационарным и амбулаторным больным [12,48]. Для нее характерно существенное изменение структуры личного потребления, структуры сферы обслуживания (в частности, меняется система медицинского обслуживания). Ростоу называет страны, которые вступили в эту стадию, т.е. достигли сверхиндустриального уровня развития, — это США, Англия, частично Франция [4,43].

Таким образом, анализ основных вопросов развития медицины Таджикистана периода, 1979-1980-х годов, на основе анализа материалов Коллегии Минздрава Таджикской ССР показал, что методические и управленческие механизмы, в деятельности Министерства здравоохранения Таджикистана в период 1979-1980 гг. остаются актуальными и в наши дни. В указанный период была проделана определенная работа по направлению улучшения работ стационаров, поликлиник и учреждений по оказанию медицинской помощи населению.

Было выявлено, что на период 1979-1980 гг. в республике функционировали все действующие дома для престарелых и инвалидов, находились под надзором органов здравоохранения республики, которые совместно с органами социального обеспечения обслуживали больных в указанных учреждениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исҳоқӣ Ю. Б., Тоҷиев Я. Т. Таърихи мухтасари тибби тоҷик [Текст] /Ю. Б. Исҳоқӣ, Я. Т. Тоҷиев. – Душанбе, 1993. – 170 с.
2. Мачульская Е. Е., Горбачёва Ж. А. Право социального обеспечения: учебное пособие для вузов [Текст] /Е. Е. Мачульская, Ж. А. Горбачёва. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Книжный мир, 2000. – 293 с.
3. Пикулькин А. В. Система государственного управления: учебник для вузов [Текст] / А. В. Пикулькин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – 399 с.
4. Ростоу В. В. Стратегия экономического роста [Текст] /В. В. Ростоу. – 3-е изд. – Лондон, 1960. – 456 с.
5. Раҳматзода И., Раҳматов А. Таърихи тиб ва табибони маъруфи минтақаи Кӯлоб [Текст] / И. Раҳматзода, А. Раҳматов. – Душанбе, 2010.
6. Шаронов В. В. Основы социальной антропологии [Текст] /В. В. Шаронов; оформл. обл. А. А. Олексенко, С. Л. Шапиро. – СПб.: Лань, 1997. – 192 с.
7. Йоас Х. Прагматизм и социальная теория [Текст] / Х. Йоас. – Лондон, 1992. – 357 с.
8. Государственный архив Министерства здравоохранения и социальной защиты населения Республики Таджикистан. Ф. 279. Оп. 21. Д. 386. 1980 г. – Л. 131-135.

9. Государственный архив Министерства здравоохранения и социальной защиты населения Республики Таджикистан. Ф. 269. Оп. 21. Д. 368. 1980 г. – Л. 34-40.
10. Государственный архив Министерства здравоохранения и социальной защиты населения Республики Таджикистан. Ф. 279. Оп. 21. Д. 385. 1980 г. – Л. 38-40.
11. Государственный архив Министерства здравоохранения и социальной защиты населения Республики Таджикистан. Ф. 269. Оп. 21. Д. 368. 1980 г. – Л. 34-40.
12. Государственный архив Министерства здравоохранения и социальной защиты населения Республики Таджикистан. Ф. 279. Оп. 21. Д. 386. 1980 г. – Л. 48-50.

МАСЪАЛАҲОИ АСОСИИ РУШДИ СОҲАИ ТАНДУРУСТИИ ТОҶИКИСТОН ДАР ДАВРАИ СОЛҲОИ 1979 - 1980
(дар асоси таҳлили маводи Коллегияи Вазорати тандурустии РСС Тоҷикистон)

Дар ин мақола муаллифон масъалаи тибби Шуравиро дар замони солҳои 1979-1980 мавриди муҳокима қарор додаанд. Муаллифон системаи ақидаҳоро дар ин равия нишон дода, назари олимонро оид ба самти тиб муқоиса намудаанд. Дар мақолаи мазкур инчунин муаллифон мақсад мегузоранд, ки ташаккули институтҳои ҷомеаро аз нигоҳи масъалаҳои асосии рушди соҳаи тандурустии Тоҷикистон дар давраи солҳои 1979-1980 (дар асоси таҳлили маводҳои Коллегияи Вазорати тандурустии РСС Тоҷикистон) баррасӣ намуда, инкишофи онҳоро дар ҷомеа дар доираи нақши тиб қайд кунанд.

Муаллифони матлаб махсусан барномаҳои иҷтимоии давлатро ҳамчун шакли амалисозии сиёсати иҷтимоии замони Шуравӣ нишон додаанд. Дар мақола муаллифон инчунин истифодаи асоснок ва назариявии усули таҳлили муқоисавиро истифода карда, муайян намудаанд, ки усули иҷтимоӣ-тиббӣ на танҳо таҳлили як раванд, балки якчанд ҳолатҳоро дар бар гирифта, онҳоро бо ҳам муқоиса мекунанд. Дар ин маврид бартарӣ ва норасогиҳои соҳаи тиб бараъло инъикос мегарданд.

Ин усул дар илми тиб бештар дар таҳлили ақидаҳо истифода мешавад ва дар асоси он роҳи пешрафти ҷомеа гузошта шудааст. Муаллифон низ маҳз муҳиммияти иҷтимоии тибро барои таҳлили ҷомеаи Шуравӣ қайд намуда, аҳаммияти чунин тадқиқотро дар илми тиб баррасӣ намудаанд.

Бар замми ин муаллифон вазифаҳои хизматрасонии тиббиро дар замони Шуравӣ таҳлил намуда, ҳамзамон системаи арзиш ва меъёрҳоро дар самти сиёсати иҷтимоӣ нишон медиҳанд. Хулосаи муаллифон инчунин навоварӣ дар самти инкишофи институтҳои иҷтимоӣ дар ҷомеаи Шуравиро нишон дода, фикру акидаҳои хешро изҳор намудаанд. Муаллифон бахусус табақаҳои камбизоат ва осебпазири ҷомеаро ҳамчун объекти сиёсати иҷтимоии давлат қайд кардаанд.

Калидвожаҳо: *тиб, Шуравӣ, ҷомеа, давлат, барнома, усул, таҳлил, муқоиса, ақида, моҳият.*

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНЫ ТАДЖИКИСТАНА В ПЕРИОДА 1979 - 1980 ГОДАХ
(на основе анализа материалов Коллегии Минздрава Таджикской ССР)

В данной статье, авторы ставят на обсуждение вопрос развития социальной и медицинской отрасли советского общества. Они указывают на роль медицины в развитие институтов общества и показывает возникновение и развитие социальных институтов внутри общества, а также дают характеристику основных вопросов развития медицины Таджикистана периода 1979-1980-х годов на основе анализа материалов Коллегии Минздрава Таджикской ССР.

Авторы в качестве своей цели указывает на социальные идеи и рассматривают вопрос актуальности и обоснованности использования метода сравнительного анализа медицины и социального развития. Выявлено, что данный метод изучает несколько явлений и проводит сравнение их развития, в результате которого выявляется преимущество и недостатки общественной медицины, в частности.

Данный метод социально - медицинского анализа, в основном используется в ходе исследования нескольких обществ и идей, что позволяет исследователю найти приемлемые пути решения вопроса относительно их развития.

В качестве новизны статьи исследователи отмечают то, что актуальным и обоснованным, являются важные аспекты исследований в части социальной значимости медицины советского периода. Они в этой связи приводят пример анализа советского общества и на этой основе показывают преимущество социально-медицинского метода.

Ключевые слова: *медицина, советский, социальный, общество, государство, программа, метод, анализ, сравнение, идея, значение***.**

THE MAIN PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF MEDISINS OF TAJIKISTAN PERIOD OF 1979-1980 YEARS
(in the base of materials of Collegium of Ministry of health of Tajik SSR)

In this article, the authors discuss the development of the social and medical sectors in Soviet society. They highlight the role of medicine in the development of social institutions and demonstrate the emergence and development of social institutions within society. They also characterize the key developments in healthcare in Tajikistan during the 1979-1980s based on an analysis of materials from the Board of the Ministry of Health of the Tajik SSR.

The authors cite social ideas as their goal and examine the relevance and validity of using a comparative analysis method between medicine and social development. They found that this method examines several phenomena and compares their development, revealing the advantages and disadvantages of social medicine, in particular.

This method of social and medical analysis is mainly used in the study of several societies and ideas, which allows the researcher to find acceptable ways to solve the issue of their development.

The researchers note the article's novelty in that important aspects of research on the social significance of medicine during the Soviet period are relevant and substantiated. In this regard, they cite an example of an analysis of Soviet society and, based on this, demonstrate the advantages of the socio-medical method.

Key words: *soviet, medicine, society, state, government, program, method, analyses, comparative, idea, signification.*

Сведения об авторах: Ходжибеков Эльбон - доктор исторических наук, профессор кафедры истории и религоведения Хорогский государственный университет имени М. Назаршоев, 736000, Республики Таджикистан, г. Хорог, ул. Ш. Шохтемур, Тел: (+992) 93 - 501- 19- 55. E-mail: hojibekov@mail.ru

Абдурахмонов Зевар Вафоназарович - кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных дисциплин Таджикский государственный медицинский университет имени Абуали ибни Сино. 734003, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Сино, 29-32, Тел: (+992) 93- 598- 44 -97. E-mail: zevar-1986@mail.ru

Маълумот дар бораи муаллифон: Ҳоҷибеков Элбон - доктори илмҳои таърих, профессори кафедраи таърих ва омӯзиши дини Донишгоҳи давлатии Хоруғ ба номи М. Назаршоев. 736000, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Хоруғ, кӯчаи Ш. Шоҳтемур, тел.: (+992) 93-501-19-55. E-mail: hojibekov@mail.ru

Абдураҳмонов Зевар Вафоназарович - номзади илмҳои таърих, дотсенти кафедраи илмҳои иҷтимоии Донишгоҳи давлатии тиббии Тоҷикистон ба номи Абуалӣ ибни Сино, ш. Душанбе, 734003, Ҷумҳурии Тоҷикистон. Телефон: (+992) 93-598-44-97. E-mail: zevar-1986@mail.ru

Information about authors: Khojibekov Elbon - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Religious Studies M. Nazarshoev Khorog State University. 736000, Republic of Tajikistan, Khorog city, Sh. Shokhtemur Street, Phone: (+992) 93- 501- 19- 55. E-mail: hojibekov@mail.ru

Abdurakhmonov Zevar Vafonazarovich - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Disciplines Avicenna Tajik State Medical University. 734003, Republic of Tajikistan, Dushanbe city, Sino Street, 29-32, Phone: (+992) 93-598-44-97. E-mail: zevar - 1986@mail.ru

УДК 94 (575.3):792.5

О ХОРЕ ТЕАТРА ОПЕРЫ И БАЛЕТА ИМ. С. АЙНИ В ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ

КУЛЕШОВА А. А.
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

Профессиональное хоровое искусство в современной таджикской музыкальной культуре – явление сравнительно новое (то есть является продуктом советского времени), прочно закрепившееся в искусстве таджиков. Ошибочно считать, что пение хором появилось в Таджикистане на пустом месте и только с приходом советской власти; ансамблевое пение существовало в древних ритуалах таджиков, а также классической народной музыке.

Прежде всего необходимо выяснить, что же такое хор? Термин хор (от греч. Xoros – толпа) имеет множество значений, но в данном случае мы приведем самое простое и доступное – группа певцов, совместно исполняющих вокальное произведение. Хор может быть однородным (то есть состоять только из женских и/или детских голосов, мужских) или смешанным (соединение мужских и женских голосов) [9, 26].

Хоровое пение не обязательно должно быть многоголосным (иметь более одной мелодии) и пример тому мы возьмем из культуры, которой издревле свойственно ансамблевое пение, русской. Знаменное, крюковое пение было распространено на Руси с приходом христианства и до XVII века, пока его не вытеснило многоголосное пение. Эта певческая традиция получила свое название из-за системы записи, в которой использовались «знамёна» для передачи количества звуков, их продолжительности [2, 124]; исполнялась одноголосно.

Однако не стоит считать, что сколько-нибудь совместное пение характерно только для европейской культуры. Миссионер Герберт Артур Попли в своей книге «Музыка Индии» (англ. «The Music of India») рассказывает историю, как музыкант Говинда Марар встретился с великим композитором Тьягараджей. На этой встрече припев раги исполнялся всеми присутствующими вместе [14, 21]. Таким образом, мы приходим к выводу, что хоровое пение имело место не только в Европе, но и в Азии.

Пение хором имеет объединяющее свойство, оно сопровождает человека в быту и работе, горе и радости. В описании праздника «Лола» (или «Гули сурх») в Исфаре советская этнограф, востоковед, специалист по Средней Азии Пещерева Елена Михайловна множество раз использует слово «хор»: «Во всех чайханах организуются хоры, поющие один и тот же плясовой мотив, причем один хор старается перепеть другой и заставить его замолчать. По временам все объединяются в один мощный хор (поют 400-500 человек), под звуки которого танцуют в нескольких чайханах по несколько танцоров зараз» [7, 374-384].

Доктор искусствоведения Рустамбек Абдуллаев в книге «Обряд и музыка в контексте культуры Узбекистана и Центральной Азии» приводит примеры обряда вызывания дождя «Суст момо» из различных селений Таджикистана – Уратюбинский (ныне Истаравшанский – А.К.), Советский (ныне Темурмаликский – А.К.) и Дангаринский районы. Данный обряд мог исполняться отдельно женщинами или мужчинами, но оба варианта объединяет совместное пение обрядовой песни [1, 85].

Первое упоминание о хоре в советском таджикском театре (тогда Таджикский музыкальный театр-студия при Народном комиссариате просвещения Таджикской ССР в составе объединенного театра им. Лахути) мы находим в специальном постановлении совнаркома Таджикистана от 9 июля 1936 года, в котором среди прочего предлагалась организация хора составом 30 человек [6, 4]. Стоит отметить, что хоровой коллектив из 30 человек уже считается средним по количеству певцов; для театра, ранее не имевшего такой отдельной группы, это очень серьезный шаг в развитии. Спектакли с участием хора проводились и до этого, однако по-

настоящему развернуть творческую деятельность стало возможно только с улучшением состава артистов театра.

Во все времена существования таджикского профессионального театра для работы в нем привлекались приезжие специалисты. Так на первых порах в театре работали артисты музыкального театра и еврейского театра Самарканда. Из более отдаленных республик приезжали педагоги, композиторы и дирижеры, в том числе С. А. Баласанян, А.С. Ленский и Е. А. Прокофьев-Ивашкин.

В первой таджикской исторической опере, «Восстание Восе», написанной в 1939 году, С. Баласанян включил ряд хоровых номеров, как правило, изображавших народ. Это и песня женского хора, и повстанцев в конце первого действия. Освоение двухголосного пения было непростой задачей, однако, впоследствии номера были усложнены до четырехголосных, смешанных хоров, что говорит об успешно преодоленном испытании и интересе коллектива к многоголосному пению.

В таджикской опере весьма много массовых сцен с участием хора, это и первая картина «Комде и Мадан» З. Шахиди, и эпилог в «Рудаки» Ш. Сайфиддинова. На наш взгляд, одной из главных тем таджикских драматических опер является противостояние добра и зла, несправедливости [5, 238]. Это может быть отношение шаха к подданным, зависть к влюбленной паре и многое другое. Хор зачастую выступает как бы «совестью», давая оценку действиям, происходящим на сцене.

Так, в первой сцене оперы «Комде и Мадан» хор изображает людей на базарной площади, и именно хором открывается опера. Композитор, таким образом, показал народную сцену, делая упор на профессионализме исполнителей хора. Купцы, дервиши и другие описывают Мадана, как славного человека, а с приходом привратника веселье пропадает с их лиц. Когда же тот не пускает Мадана, народ взывает к нему хоровым приемом, когда мелодическая линия переходит из голоса в голос «Рох дех дарояд…». Такая техника является наиболее сложной в композиторском искусстве и выбрана неслучайно – Баласанян показывает множество голосов из народа, обращенных к злодею. Оперу венчает хор и ансамбль солистов, что создает массовость сцены.

В опере «Рудаки», недавно возвращенной на сцену театра оперы и балета им. С. Айни, сочетаются вечные строки Рудаки и современный взгляд на таджикскую музыку композитора Ш.Сайфиддинова. В прошлом 2024 году она была представлена под открытым небом в крепости Худжанда в честь нескольких знаменательных дат – Дня Рудаки и 33-й годовщины независимости Республики Таджикистан. Хор невольниц поет подлинными строками «Гули садбаргу мушку анбару себ», составляя компанию Нигине, а мужской хор является неотъемлемой частью красочной сцены песни о Бухаре «Буйи чуйи Мулиён…». К слову, в песне о Бухаре используется техника канона, одна и та же мелодическая линия проходит в разных голосах одновременно с небольшим отставанием по времени. Таким образом, в данном номере история о долгих скитаниях вдали от дома воспринимается слушателем не только через слово, но и музыку. В эпилоге же главная роль всецело при-

надлежит хору, воспевающему величие поэта и его наследия и создавая торжественную атмосферу.

В настоящий момент ни одно официальное мероприятие не обходится без хоровой песни, она звучит по радио и на телевидении, а ее влияние мы можем наблюдать даже на современную эстрадную музыку.

Период независимости Таджикистана начался с гражданской войны, вызвавшей кризис во всех сферах жизни страны, тем более в культурной. Искусство переживало невероятный упадок, культурные организации страны значительно сократили свою деятельность, но полностью работу не прекратили. Безусловно их уровень был значительно ниже, чем в довоенное время в связи с отъездом артистов или их уходом из профессии, а также с финансовым положением. Кроме того, в обществе упал запрос на духовную пищу, а музыкальные учреждения, некогда прививавшие чувство прекрасного молодому поколению, опустели [8,5]. В это время театр оперы и балета им. С. Айни становится единственным учреждением музыкальной жизни Таджикистана и, как следует из записи репертуара в годы войны, театр представлял не меньше спектаклей, чем в предшествующие [6, 417-419].

Необходимо отметить, что хор театра оперы и балета им. С. Айни является единственным профессиональным академическим хоровым коллективом страны; его деятельность на протяжении более 20 лет была неразрывно связана с именем Холахмада Маджидова - хоровым дирижером и хормейстером, поставившем свыше 100 постановок. В 1967 г. Маджидов окончил Душанбинское музыкальное училище, а впоследствии – Ташкентскую консерваторию. Но по-настоящему школой мастерства для него стал театр оперы и балета. На заре своей карьеры он работал с такими дирижерами, как Х. Муллокандов, А. Ниёзмамадов. Зрелый хормейстер был требователен в работе; по словам музыкантов, сотрудничавших с ним, он мог кропотливо и долго работать над одним произведением, заставлять работать в три смены, чтобы подготовить оперу в срок [13]. Стоит отметить, что Х. Маджидов был не только хормейстером, но также делал обработки таджикских народных песен, которые были одной из значимых частей репертуара хора театра. Эти обработки были изданы в сборнике «Майли гулзор» (Душанбе, «Истеъдод», 2012).

В годы нестабильности в республике на сцене театра показывались преимущественно национальные спектакли: оперетта «Дугонаҳо» Д. Дустмухамедова, опера «Комде ва Мадан» З. Шахиди и др., что было вполне закономерным – молодое независимое государство искало самоидентификацию и переосмысливало собственную культуру. В этой связи необходимо отметить 1999-й год и празднование 1100-летия со дня образования государства Саманидов, в котором независимая страна таджиков увидела свои истоки. К этой дате были приурочены новые оперы «Амир Исмоил» Т. Шахиди и «Рустам и Сухроб» Т. Сатторова (хормейстер Х. Маджидов).

К концу конфликта свое почетное место в репертуаре театра вновь заняли образцы мировой классики («Паяцы» Р. Леонкавалло, «Алеко» С.Рахманинова). Постановка зарубежных мировых опер всегда является экзаменом для труппы и с от-

носительно небольшими по объему произведениями театр и хор, в частности, начал заново поднимать свой академический уровень и профессионализм. Кроме того, еще в советское время существовала традиция исполнения западноевропейских опер на русском языке. С недавних пор «Аида» Дж. Верди, «Кармен» Ж. Бизе исполняются на языке оригинала [11]. Примечательно, что важной частью репертуара театра являются детские спектакли, как «Хоттабыч» Г. Гладкова, «Карлик нос» Т. Шахиди и другие.

На рубеже эпох, советского и независимого Таджикистана, хор театра исполнял новые сочинения одних из самых известных таджикских композиторов современности – Ф. Бахора, Т. Сатторова, Х. Ниёзи. Их музыка отвечает времени; она модерновая, сложная, диссонирующая, но прежде всего таджикская. Партитуры этих авторов предъявляли высокие требования к исполнителям, их концепция не всегда бывает понятна даже самым искушенным певцам, а деление голосов в некоторых доходит до восьми! Однако, несмотря на сложности этого периода в истории театра, кадровый голод, произведения выходили в свет не только на сцене республики, но и за рубежом.

Значимой вехой в истории хорового коллектива театра становится его участие в Международном хоровом конкурсе в Анкаре в 1998 году [10], по приглашению организаторов мероприятия. Хор театра соревновался с коллективами из разных стран и разделил второе место с участниками из Туркменистана; первое же место завоевал коллектив из Беларуси. В программе выступлений были западноевропейские сочинения разных эпох («Рондо» М. Равеля, произведение Г. Щютца), отечественные («Нолаҳо аз ёлаҳо» Т. Сатторова) и турецкие.

Однако, триумфальному выступлению в Анкаре предшествовал сложный период подготовки. Фестиваль выдвигал строгие требования по возрастному цензу участников, в связи с чем Х. Маджидову было необходимо привлечь певцов со стороны. Поиски велись среди студентов музыкального колледжа и Института искусств г. Душанбе. Выбор пал, в частности, на Елену Тиллоеву, которая в 1999 году поступила в Институт искусств, как дирижер хора и в том же году ее приняли хормейстером в театр [3]. Как и некогда Х. Маджидову, школу мастерства ей дал театр, в котором она с первых дней получила практику под руководством маэстро. В 2007 году Е. Тиллоева становится главным хормейстером и по настоящее время работает в этой должности [12].

XX век подытожил историю хорового коллектива театра выступлением в Таврическом замке Санкт-Петербурга, приуроченным к 90-летию видного таджикского ученого Бободжана Гафурова.

В новом XXI веке театр активно сотрудничает с иностранными дирижерами, что дает глоток свежего воздуха в репертуар театра и концертную деятельность. В 2002/2003 годах при содействии Х.Маджидова в Душанбе приезжает Ж. П. Понелль и исполняет «Реквием» В.А.Моцарта. В 2009-м в Таджикистан прибывает Жерардо Каллела, дирижер из миланского театра «Ла Скала». За время его работы до 2011 года ставятся мировые оперы «Аида» Дж. Верди, «Богема» Дж. Пуччини, «Кармен» Ж. Бизе. В сценах с участием детского хора пели воспитанники музы-

кальной школы №2 (ныне школа искусств им. Одина Хошима), а в постановке 2012/13 годов – музыкальной школы-интерната им. М. Атоева.

К 2016 году состав хора значительно изменился. В это время наиболее талантливые певцы стали солистами, среди которых М. Рахмонов, М. Мирзоева, М. Исоева, С. Солихов, А. Тиман, а основную массу хора составили вчерашние студенты. Стоит отметить, что при театре существовала студия, в которой велась подготовка кадров без профессионального образования. Выпускники этой студии до сих пор работают в театре. Также в последние годы в ряды хора театра все чаще вступают исполнители индийской песни, получившие музыкальное образование в Индии, либо при посольстве Индии в Таджикистане.

В 2016 году в честь 15-летия образования Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) коллектив театра отправляется в Пекин на 13-й Международный фестиваль хоровых коллективов. В программу выступления таджикских артистов вошли китайские произведения и обработки таджикских народных песен, но визитной карточкой стали обработки для хора песен «Муҳаббат» З. Шаҳидӣ, «Республикаи ман» Ш. Сайфиддинова, «Дӯстӣ» Ш. Ашурова.

Концертная деятельность хора Театра оперы и балета им. С.Айни включает в себя и собственные хоровые концерты (2017, 2018, 2020 гг.), постоянно повышающие профессионализм коллектива. В 2021-м году состоялось исполнение 9-й симфонии Л. Бетховена, знаменитая «Одой к радости», которая считается одним из сложнейших произведений для хора. В 2024 году хор театра впервые в Таджикистане исполнил «Реквием» Г. Форе с симфоническим оркестром под управлением Жерардо Колелла. В рамках концерта «Свеча памяти» также прозвучал «Ave verum corpus» В. А. Моцарта.

Ко всему прочему, коллектив является постоянным участником официальных мероприятий в столице и за ее пределами, а также выезжает на гастроли по республике: 2010 – Куляб; 2011 – Худжанд; октябрь 2012 года – Куляб (детская опера Ф. Одинаева «Коза – кудрявые ножки», оперетта Д. Дустмухамедова «Дугонаҳо», гала-концерт) [4]; октябрь 2024 года – Худжанд (опера Ш.Сайфиддинова «Рудаки», вечер киномузыки).

Хор театра активно сотрудничает с современными таджикскими композиторами, среди которых Т. Шахиди, К. Яхёев, Д. Тиллоев, А. Мусоев, К. Хикматов, М. Достиев. Коллектив неоднократно принимал участие в республиканских конкурсах «Тоҷикистон - Ватани азизи ман», который проводится с 2019 года, и «Ту қалби Тоҷикистонӣ, Душанбе!», как иллюстратор конкурсных сочинений композиторов, а также непосредственно в качестве участника. В 2022 году хор стал победителем последнего мероприятия.

Новый сезон 2025/2026 для хора театра открылся постановкой оперы «Травиата» Дж.Верди, не появлявшейся на таджикской сцене последние годы. В первую очередь возвращение оперы связано со вступившей в ряды артистов театра приглашенной солистки Либуше Санторисовой, прибывшей из Чехии. Работа велась в сжатые сроки на базе театра и колледжа искусств им. А. Бобокулова. Для постановки привлекались иностранные специалисты и бывшие сотрудники хора театра.

Таким образом можно отметить, что сегодня Театр оперы и балета им. С.Айни следует традициям прошлых лет, приглашая для поднятия профессионального уровня артистов из ближнего и дальнего зарубежья (страны Азии, Европы, Африки), а также отправляя на учебу и стажировку молодые кадры из Таджикистана в учреждения РФ и Италии. Хор театра объединяет артистов с разным уровнем образования и разными школами пения, что придает коллективу особое звучание. С момента обретения независимости Таджикистаном хор театра восполнил некогда потерянные профессиональный уровень и работоспособность, открыл новые горизонты, как в репертуарном плане, так и в географии выступлений. Хор театра охотно принимает студентов, давая настоящую концертную практику и создавая преемственность поколений. Редкий вокалист становится солистом театра, минуя коллектив хора. Кроме того, мы пришли к выводу, что настоящей кузницей профессионалов исполнителей в Таджикистане является театр оперы и балета – как для певцов, так и для хормейстеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев Р. Обряд и музыка в контексте культуры Узбекистана и Центральной Азии. – Ташкент, 2006. – 334 с.
2. Аторин Р. Ю. Мистические аспекты знаменного пения // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 7. – С. 124-126.
3. Гулямова М. Секрет счастья Елены Тиллоевой /https://operabalet.tj/ secretlife.php (дата доступа: 10.10.2025).
4. Дикаев Т. Гала-представлением в Кулябе завершит гастроли по Хатлону Театр оперы и балета имени С. Айни от 18.10.2012 https://asiaplustj.info/ru/news/life/culture/20121018/gala-predstavleniem-v-kulyabe-zavershit-gastroli-po-khatlonu-teatr-opery-i-baleta-imeni-s-aini (дата доступа: 11.10.2025).
5. Мирзоева Ш.О. Художественные приоритеты таджикской оперы // Вестник МГУКИ. 2011. № 5. – С. 237-240.
6. Нурджанов Н. Опера и балет Таджикистана. Душанбе, 2010. – 424 с.
7. Пещерева Е. М. Праздник тюльпана (лола) в селении Исфара Кокандского уезда //В. В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927. – С. 374 - 384.
8. Хасанова М. М. Деятельность музыкальных учреждений Таджикистана в XX - начале XXI вв.: автореф. дис. … док. ист. наук – Душанбе, 2024. – 51 с.
9. Чесноков П. Г. Хор и управление им. Пособие для хоровых дирижеров – 3-е изд.– М.: Государственное музыкальное издательство, 1961. – 241 с.
10. История – период независимости // https://operabalet.tj/nezavisimost.php (дата доступа: 10.10.2025)
11. О деятельности Государственного Учреждения «Таджикский государственный академический театр оперы и балета имени С. Айни» в качестве базовой организации государств – участников СНГ по сотрудничеству в области музыкально-театрального дела // https://e-cis.info/cooperation/3275/78977/ (дата доступа: 10.10.2025)
12. Елена Тиллоева Самадовна //https://operabalet.tj/elena.php (дата доступа: 10.10.2025).

13. Интервью с Е. Тиллоевой от 08.08.2025
14. Popley H. A. The Music of India – Calcutta: Association Press, 1921. – 173 с.

О ХОРЕ ТЕАТРА ОПЕРЫ И БАЛЕТА ИМ. С. АЙНИ В ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ

В данной статье предпринимается обзор деятельности хора Государственного академического Театра оперы и балета им. С. Айни в период независимости Таджикистана с 1991 года по настоящее время. Здесь также дается история бытования жанра хорового пения в европейской и восточной культурах, в частности таджикской.

В статье описаны первые годы существования хора. Кроме того, дается краткий анализ хоровых сцен в таджикской опере. Вдобавок публикация описывает триумфальное для таджикского хорового искусства выступление в рамках конкурса в Анкаре в 1998 году, ставшее точкой пересечения для двух главных лиц коллектива в современной истории – Холахмад Маджидова и Элена Тиллоевой. Далее ведется обзор концертной деятельности в нынешнем веке, сотрудничество с зарубежными дирижерами, певцами. Немаловажное место отведено выступлениям хорового коллектива театра в республике. Статья построена по хронологическому принципу, затрагивает главные вехи восстановления и последующего развития коллектива театра оперы и балета, начиная с 1991 года, заканчивая активной творческой деятельностью в наши дни.

Ключевые слова: *история, культура, искусство, хор, театр оперы и балета им. С. Айни, таджикский театр, опера, период независимости, хоровое пение, хормейстер.*

РОҶЕЪ БА ХОРИ ТЕАТРИ ОПЕРА ВА БАЛЕТИ БА НОМИ С. АЙНӢ ДАР ЗАМОНИ ИСТИҚЛОЛ

Дар мақолаи мазкур шарҳи мухтасари фаъолияти Театри давлатии академии опера ва балети ба номи С. Айнӣ дар давраи Истиқлоли Ҷумҳурии Тоҷикистон аз соли 1991 то имрӯз пешниҳод мегардад. Ҳамзамон, таърихи ташаккул ва рушди сурудхонии хор дар фарҳангҳои Аврупо ва Шарқ, бахусус дар фарҳанги тоҷикӣ, мавриди баррасӣ қарор дода шудааст.

Дар мақола солҳои аввали фаъолияти дастаи хор ва таҳлили мухтасари саҳнаҳои хории операи тоҷикӣ инъикос ёфтаанд. Бар замми ин, баромади пирӯзмандонаи санъати хории тоҷик дар озмуни байналмилалии соли 1998 дар шаҳри Анқара баррасӣ мешавад, ки ба нуқтаи пайванди ду чеҳраи калидии таърихи муосири ансамбл Холаҳмад Маҷидов ва Элена Тиллоева табдил ёфт. Минбаъд фаъолияти консертии даста дар асри XXI, аз ҷумла ҳамкориҳо бо дирижёрҳо ва овозхонони хориҷӣ таҳлил мегардад. Ба баромадҳои дастаи хор дар дохили ҷумҳурӣ низ аҳаммияти махсус дода шудааст.

Мақола бар пояи принсипи хронологӣ тахия шуда, марҳалаҳои асосии барқарорсозӣ ва рушди минбаъдаи Театри опера ва балетро аз соли 1991 то фаъолияти фаъоли эҷодии имрӯза фаро мегирад.

Калидвожаҳо: таърих, фарҳанг, санъат, хор, Театри опера ва балети ба номи С. Айнӣ, театри тоҷик, опера, давраи истиқлол, сурудхонии хор, хормейстер.

ABOUT THE CHOIR OF THE S. AINI OPERA AND BALLET THEATRE DURING THE INDEPENDENCE PERIOD

This article presents a review of the activities of the choir of the S. Ayni State Academic Theatre of Opera and Ballet during the period of Tajikistan's independence, from 1991 to the present. It also provides a historical overview of the choral singing genre in European and Eastern cultures, particularly in Tajik culture. The article describes the choir's early years and offers a brief analysis of choral scenes in Tajik opera. In addition, it highlights the choir's triumphant performance at a competition in Ankara in 1998, which became a pivotal moment for the two key figures in the ensemble's modern history–H. Majidov and E. Tilloeva. The article continues with an overview of the choir's concert activities in the current century and its collaborations with foreign conductors and singers. Special attention is given to the choir's performances within the republic. Structured chronologically, the article traces the main milestones in the restoration and subsequent development of the theatre's choir from 1991 to its vibrant artistic activity today.

Key words: history, culture, art, choir, S. Ayni Theatre of Opera and Ballet, Tajik theatre, opera, period of independence, choral singing, choirmaster.

Сведения об авторе: Кулешова Анна Анатольевна – соискатель отдела истории искусств Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. ак. Раджабовых, 7. E-mail: anna.a.kuleshova@gmail.com. Телефон: (+992) 93-337-70-22.

Information about the author: Kuleshova Anna Anatolyevna – applicant of the department of history of art of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 7, Ak. Radjabov Street, Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan. E-mail: anna.a.kuleshova@gmail.com. Phone: (+992) 93-337-70-22.

Маълумот дар бораи муаллиф: Кулешова Анна Анатолевна – унвонҷӯйи Шуъбаи таърихи санъати Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. Суроға: 734025, Душанбе, кӯчаи Ак. Раҷабовҳо, 7. E-mail: anna.a.kuleshova@gmail.com. Телефон: (+992) 93-337-70-22.

УДК 572 (575.3)

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ (2015-2025 гг.).[1]

НАВРУЗБЕКОВ М. Н.,
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

Палеоантропологические исследования проводятся в Таджикистане с 1946 года, и продолжаются по сей день. Благодаря масштабным археологическим раскопкам в стране собраны значительные данные по антропологии древнего населения Таджикистана. Особенно советский период (1946-1990) можно считать, как наиболее активный и продуктивный в истории палеоантропологических исследований Таджикистана.

Современный этап палеоантропологических исследований относится к постсоветскому периоду, совпадает с периодом независимости Республики Таджикистан (1991-2025). Данный период стал трудным для таджикской науки, в частности для антропологии. В 90-е годы XX в. нестабильная политическая обстановка в стране, недостаточное финансирование, отсутствие отечественных квалифицированных специалистов в области физической антропологии привели к снижению активности в области палеоантропологических исследований. Однако несмотря на все сложные обстоятельства благодаря научному сотрудничеству Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ с зарубежными научными учреждениями палеоантропологические исследования в Таджикистане в начале XXI в. стали возобновляться.

Следует отметить, что на современном этапе палеоантропологические исследования в основном проводятся в рамках международных экспедиций с участием зарубежных учёных. В последние десять лет (2015-2025) в проведении палеоантропологических исследований в Таджикистане принимают участие такие российские исследователи, как Н.А. Дубова, В.В. Куфтерин, А.И. Нечвалода. Их работа осуществляется в рамках договора о научном сотрудничестве между Институтом истории, археологии и этнографии им.А. Дониша НАНТ и Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

Настоящее сообщение отражает результаты палеоантропологических исследований в Таджикистане за последния 10 лет (2015-2025 гг.). Несмотря на которкий период в стране отмечено увеличение количества новых палеоантропологических находок различной исторической эпохи. Значимость этих находок прежде всего определяется следующим: во-первых, они пополняют

---

[1] **Мақола дар асоси лоиҳаи Таърихи халқи тоҷик (асри III-аввали асри XX), рақами қайди давлатӣ 0121TJ1211 навишта шудааст.**

палеоантропологические коллекции, а во-вторых, предоставляют новую информацию о древних популяциях региона.

С 2012 года по настоящее время периодически проводятся раскопки памятника могильник Шахидон, расположенного в селе Сари-Хосор Балджуванского района Хатлонской области. Памятник Шахидон относится к кочевой культуре и датируется средневековой эпохой (VII – первой половиной VIII вв). В 2023 году на этом памятнике найдены артефакты бронзового века (III - началом второй II тыс. лет до н. э.) [17, 12-16]. С момента открытия памятника до настоящего времени было исследовано 43 погребения, дающие небольшой антропологический материал. Результаты антропологического анализа скелетных останков 13 индивидов из 12 захоронений уже опубликованы [2, 67-80], [6, 272 - 2790].

По суммарным морфологическим признакам женские черепа с могильника Шахидон характеризируются обычной формой без следов искуственной деформации, среднешироким лбом, средневысоким и умеренно профилированным лицом, мезоринным (средним по ширине) носом и относительно высокими орбитами [2, 67-80]. Шахидонская серия относится к европеоидной расе. Относительно шахидонской серии исследователи отмечают, что для этого населения был характерен тот же антропологический тип, что и для местного населения предыдущих эпох [5,95].

Уникальный палеоантропологический материал происходил из некрополя Фархор (Фархорский район, Хатлонская область) Юго-западного Таджикистана, датируемый от позднего энеолита (2800/2700) до средней бронзы [1,14-15]. Некрополь Фархор впервые был обнаружен 2013 году археологическим отрядом Института, истории, археологии и этнографии им.А. Дониша НАНТ под руководством С. Г. Бобомуллоева. Со времени открытия памятника до настоящего времени археологические исследования проводятся международной экспедицией, организованной Институтом истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, Институтом востоковедения РАН и Музеем Восточного искусства Рима. За весь исследуемый период всего открыто 88 погребений. Результаты палеоантропологических исследований по 55 погребениям (всего 66 индивидов опубликованы [7, 215 - 264], а материалы по 33 погребениям находятся в процессе обработки.

Для могильника Фархор характерно скорченное положение трупов на правом и левом боку. Встречаются как коллективные, так и одиночные захоронения. Для черепов характерно долихокранность - длинный узкий череп, и высокое узкое лицо. По своей грацильности данная серия относится к средеземнеморскому антропологическому типу. По некоторым одонтологическим признакам, такие как альвеолярный прогнатизм, крупные зубы скелетные останки из могильника Фархор демонстрируют отдельные морфологические особенности, которые могут объясняться как индивидуальными различиями внутри популяции, так и возможными контактами с древними жителями Индийского субконтинента [7, 261]. Это свидетельствует о торговых и этнокультурных контактах фархоро-

пянджской культуры в бронзом веке, которые также прослеживаются в археологических данных.

В 2014 г. Муминабадский археологический отряд Института истории, археологии и этнографии им.А. Дониша (начальник Т.У. Худжагелдиев) в Обидаре (Муминабадский район, Хатлонская область) открыл погребение эпохи бронзы. Погребение относится к земледельческой культуре и датируется первой половиной II тыс. до н.э. Палеоантропологический материал представил скелет плохой сохранности. Согласно выводам В.В. Куфтерина скелет из Обидары принадлежит женщине в возрасте 25-40 лет (adultus-maturus) и тяготеет к южным узкосредневысоколицым европеоидным формам. Её морфологический тип не демонстрирует связь со степными племёнами [8,181-185], [10,339-344]. Данный морфологический тип также выявлен на других краниологических материалах земледельческой культуры эпохи бронзы Южного Таджикистана. Полученные данные демонстрируют, что земледельческое население Бактрии в эпоху бронзы сохраняло свои древние антропологические черты, без какого-либо чужого компонента, особенно кочевых племён, что является доказательством автохтонности этого типа на данной территории.

Огромный палеоантропологичекий материал (датируется XVIII-XX вв.) был получен в ходе проведения охранно-спасательных работ в зоне затопления Рогунского ГЭС с кладбища Сичарог (Рогунский район, районы Республиканского подчинения РТ). Охранно-спасательные археологические работы в зоне затопления Рогунской ГЭС проводил Рогунский археологический отряд Института истории, археологии и этнографии под рукодвоством Т.Г.Филомоновой в 2013-2017гг. Основной целью эксгумационных работ было извлечение и перемещение человеческих останков на новое место в связи с подготовкой территории под строительство плотины Рогунской ГЭС. Полученные палеоантропологические материалы являются уникальным источником антропологических данных.

В 2015 г. известным российским антропологом В.В. Куфтериным были опубликованы данные по 15 черепам, полученным во время эксгумационных работ 2013-2015гг. [11,82-94]. Его исследование определило уникальность этих материалов по вопросу изучения антропологического состава населения. В полевом сезоне 2017г. архео-спасательные работы были продолжены, в результате которых получен большой объём палеоантропологического материала (XVIII-XXвв).

За весь период исследования изучены 114 скелетных останков с кладбища селения Сичарог. Материал изучался с помощью комплекса антроплогических методик и программы принятой в российской антропологии. Проведены палеодемографический, краниологический, одонтологический и палеопатологические анализы, а также сделана реконструкция облика по двум черепам. Поскольку результаты исследования обобщались в коллективной монографии [18,72.] и отдельных статьях [3,16-23],[9,146-156], [13,101-109], мы считаем, что нет необходимости полностью освещать их. Лишь только отметим, что полученные материалы имеют ключевое значение для краниологической характеристики таджиков, живших в

XVIII-XX вв. на территории Нижнего Рашта. Результаты краниоскопических исследований продемонстрировали присутствие древнего иранского компонента в этногенезе таджиков Сичарога [13, 101-109].

Надо отметить, что палеоантропологические исследования, проводившиеся в зоне затопления Рогунской ГЭС, определили направления развития и перспективы дальнейших работ. Однако по субъективным причинами палеоантропологические исследования в зоне затопления в последующие годы не проводились. Большинство кладбищ, попадающие в зону затоления, в последние годы были эксгумированы, но, к сожалению, значительная часть останков перезахоранились без предварительного изучения и участия специалистов-антропологов.

В 2019-2020 гг. из погребений Мустафотеппе и Саразм-2 (Пенджикентский район) получены фрагментарные человеческие останки периода позднего энеолита и ранней бронзы. Из-за фрагментарности палеоантропологического материала установить антропологический тип стало невозможным. Произведены только полевая и возрастная диагностика [4,224]. С целью установления популяционной принадлежности нескольких зубов из погребения Саразм-2 переданы в лабораторию Института эволюционной антропологии общества Макса Планка (Германии) для генетического анализа. В случае успешного проведения анализа полученные данных палеоДНК результаты исследования будут опубликованы.

В современных палеоантропологических исследованиях широко применяются генетические методы. В последние годы (2021-2023) международная группа учёных провела генетические исследования древних антропологических находок, найденных на территории Таджикистана. Это зуб ребёнка из среднепалеолитической стоянки Худжи (42-37 тыс.лет) и зуб взрослого человека вместе с детским позвонком из неолитической стоянки Туткаула (VIтыс.лет). Протеомный анализ (анализ древних белков) показал, что зуб из Худжи принадлежит неандертальскому виду (Homoneanderthalensis)[20, 1-18], а не ранним сапиенсам (Homosapiens), как демонстрировал морфологический анализ.

По результатам генетического исследования митохондриальной ДНК зуб взрослого мужчины со 2-го погребения Туткаула показал связь его генетической линии с верхним палеолитом Восточной Сибири и сходство с неолитическим населением Ирана [19, 14]. В результате генетического анализа установлено, что один из детей похороненных в погребении 3, имел вирус гепатита В, не встречавшийся у других неолитических европейских популяций [Там же.7-19]. Палеоантропологические находки каменного периода с территории современного Таджикистана свидетельствуют о сложных миграционных процессах и эволюции древнего человека в Центральной Азии.

В июле-августе 2022г. группа исследователей из Центра антропоэкологии ИЭА РАН (Н. А. Дубова, В. В. Куфтерин, Т. Сюткина) и ИИАЭ им.А. Дониша НАНТ (М.Н. Наврузбеков) проводили палеоантрополо-гические исследования в Таджикистане. Исследования осуществлялись по проекту РНФ (руководитель В.В. Куфтерин) «CraniaTuranica: античное и раннесредневековое население Средней

Азии по данным физической антропологии». Оно было сосредаточено на изучении материалов раннесредневекового времени [15, 241-247].

Важно отметить, что в антропологическом отношении раннесредневековое население Таджикистана представляет собой слабоизученную проблему. Изучение и введение в научный оборот новых материалов является весьма актуальным.

Для антропологического исследования были доступны краниологические коллекции из городища Ширин (I-III) и склепы Курката V-VI вв.), полученные при раскопках 1974-1977 гг. и хранившиеся в кабинете антропологии ИИАЭ НАНТ. Большая часть черепов имеет разные виды искусственных деформаций, которые привлекают внимание исследователей. Ещё в 1991 году Т. К. Кияткина частично измерила куркатские черепа, однако эти данные не вошли в публикацию. При повторном изучении в 2022г. измерены 53 черепа из некрополя городища Ширин (29 мужских, 24 женских), а из куркатских склепов 45 черепов (22 мужских, 21 женский, 2 детских). На 99 зарегистрированы дискретно-варьирующие признаки, позволяющие реконструировать проблемы происхождения группы, родственные связи, миграции и т.д. На черепах некрополя Ширин впервые проведена фотограмметрия (Т.А. Сюткина): более 50 черепов для создания 3D модели для уточнения деформации и её разновидностей [15, 241-247]. По результатам новых исследований установлено, что черепа из дахмаки Курката имеют морфологическую близость к черепам древнего Пенджикента [16,94]. Это дополнительно потверждает, что ираноязычное населения Согда и Устурушаны в раннесредневековое время был близко по происхождению и относились к европеоидному типу без выраженной монголоидной примеси. В рамках проекта «CranicaTuranica» антропологическая группа также исследовала новые краниологические материалы из некрополя древнего Пенджикента (3 взрослых, 1 ребёнок) и скелет одного индивида из погребения раннемусульманского времени (примерно VIII-IXвв.), обнаруженного возле городища Санджаршах. Всего авторами были опубликованы данные по 19 черепам, полученных в начале XXI в. из наусов некрополя древнего Пенджикента (VII - началу VIII вв.) [14, 117-126], [16,84-97]. Исследование новых материалов также подтвердило наличие европеоидных черт местного населения древнего Пенджикента, выявленные ещё в старых материалах исследовавшихся в 1950-х годах.

В полевом сезоне 2022г. антропологической группой (Н.А. Дубова, В.В. Куфтерин, Р.М. Сатаев, Л. Сатаева, М.Н. Наврузбеков) осмотрен склеп в местечке Сари Майн с. Искодар Айнинского района. Данный склеп был найден в 2019 году местными жителями этого селения. Во время первичного осмотра было выявлено, что внутри склепа находятся несколько человеческих останков, в том числе мумифицированные. Согласно рекомендациям исследователей, было необходимо организовать экспедиции и провести дальнейшие исследования. В ноябре 2024 г. археологическим отрядом Национального музея Таджикистана (начальник М.Г. Бобомуллоев) был открыт этот склеп. С 5-15 июля 2025 г. археологические работы продоложены отрядом НАТ (начальник М. Каримдодзода) в составе которого организована антропологическая группа Н.А. Дубовой (Институт этнологии и

антропологии им. М. Маклая), Дж. Турдиева (Термезский государственный университет) и автора данного сообщения.

Склеп состоит из двух камер: западной и восточной. Человеческие останки в обоих камерах находились в перемешанном состоянии. В настоящее время пока известны останки 68 индивидов (26 из восточной и 42 западной). Из восточной камеры исследовались 12, а западной 15 черепов. Но при проведении сортировки значительных неизученных костей поскраниального скелета число индивидов может увеличиться. Все останки перемещены в помещение Национального музея Таджикистана в г. Душанбе для дальнейшего изучения.

Уникальной антропологической находкой стали мумифицированные останки молодого человека (возраст около 20 лет) из восточной камеры. По всей вероятности, мумий было не менее двух. От них остались лишь отдельные фрагменты конечностей. Хорошей сохранности мягких тканей (кожа, фрагменты мышц и т.д.) и наличие остатков растений в грудной клетке делает его интересным для исследования. Планируется привлекать специалистов разных специальностей, в частности генетиков, биохимиков для углублённого исследования, особенно для определения искусственной или естественной мумификации. Для датировки антропологических находок склепа Искодара также необходимо провести радиоуглеродный анализ.

Материалы склепа из Искодара находятся в процессе обработки. На данный момент представлены лишь предварительные результаты морфологического исследования, оформленные в виде отчёта. Черепа отличаются хорошей сохранностью; они брахикефальные, грацильные, со слабо выраженным костным рельефом. На большинстве черепов отмечается небольшое уплощение в верхней части затылочной области и прилегающих участках теменных костей, что, вероятно, связано с содержанием детей в колыбели типа люльки «тадж. гаҳвора».

Размеры черепов в целом небольшие. Лицевой отдел характеризуется средними показателями высоты и ширины, и хорошо профилируется в горизонтальной плоскости как в верхней, так и в средней частях. Носовой отдел довольно сильно выступает. Орбиты имеют округлую форму. Антропологический тип выраженно европеоидный, без признаков монголоидного компонента. Краниологическая серия из Искодара тяготеет к варианту антропологического типа, который преобладает у современных горных таджиков.

В летнем сезоне 2025 г. в помещении музея древностей Таджикистана ИИАЭ НАНТ автором данной статьи вместе с Н. А. Дубовой, были исследованы новые антропологические материалы, происходящие из зороастрийского некрополя памятника Фороб Пенджикентского района, датируемого приблизительно VI-VIII вв. Всего изучены останки более 10 индивидов и материалы в настоящее время находятся в процессе обработки и еще не опубликованы. После обработки нового материала результаты исследования будут изданы. Краниологическая серия Искодара тоже европеоидная, без монголоидных примесей.

В итоге можно констатировать, что палеоантропологические исследования, проведенные в 2015-2025гг. в Таджикистане имеют ключевое значение для изучения этнической истории. Важно, что они представляют ценную информацию об

антропологическом облике населения разных эпох, освещают вопрос миграции различных этнических групп в регионе, пополняют коллекцию для сравнительных данных, реконструируют образ жизни древних сообществ, а также позволяют проследить процессы сложения антропологического типа современного населения Таджикистана и её преемственность с древней популяцией. Кроме того, в последние годы материалы изучаются и анализируются с применением современных методов и подходов, которые позволяют исследователям по новому интерпретировать их. Проведение регулярных исследований и сбор новых материалов будут способствовать дальнейшему развитию физической антропологии в Таджикистане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова Н. М. Об абсолютной хронологии могильника ранней и средней бронзы Фархор в Южном Таджикистане // Комплексные результаты археологических исследований в Таджикистане. - Барнаул, 2024. -С.14-15.
2. Дубова Н. А., Куфтерин В. В. Предварительные результаты исследования антропологических материалов из раскопок 2012-2013 гг. в Бальджуванском районе // Археологические работы в Таджикистане. - Душанбе, 2016. -Т. 38.-С.67-80.
3. Дубова Н. А., Куфтерин В. В., Наврузбеков М. Н. Новые антропологические материалы XVIII-XX вв. с территории Центрального Таджикистана // Вестник Филиала Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в городе Душанбе. - Душанбе, 2017. -Т. 4.- № 1.-С.16-23.
4. Дубова, Н. А. Палеоантропологические материалы из могильника Мустафотепе / Н. А. Дубова, М. Н. Наврузбеков // Труды Маргианской археологической экспедиции. - Москва, 2021. -Т. 8. - С.244.
5. Дубова Н.А. Антропологические сведения // Таджики. Серия «Народы и культуры» / Отв. ред. Н.А. Дубова, Н.К. Каримзода, З.М. Мадамиджанова. - М.: Наука, 2020. - 1005с.
6. Дубова Н.А., Сатаев Р. М., Куфтерин В.В., Сатаева Л.В. Первые результаты археоэкологических исследований на могильнике Шахидон в 2013-2014 // АРТ.- Душанбе, 2019. -Вып. 40. -С.272-279.
7. Дубова Н.А. Антропологическая характеристика материала из раскопок могильника Фархор (Пархар). Предварительные итоги // Виноградова Н. М., Бобомуллоев. Могильник Фархор - памятник эпохи ранней и средней бронзы в Юго-Западном Таджикистане. - Москва: ИВ РАН, 2020. - 284 с.
8. Куфтерин В. В. Новая палеоантропологическая находка из Южного Таджикистана (погребение эпохи бронзы в местности Обидара) // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Москва.: Старый Сад, 2018. - Вып. 7.-С.181-185.
9. Куфтерин В. В., Дубова Н. А. К демографии таджиков Каратегина: палеодемографический анализ кладбища Нового времени с. Сичарог // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. - 2019. - № 1 (23). - С. 146-156.
10. Куфтерин В. В. Антропологическое исследование погребения эпохи бронзы из Обидары // Археологические работы в Таджикистане. - 2019. - Вып. XL. - С. 339-344.
11. Куфтерин В. В. Краниологический материал XVIII-XIX вв. С территории Центрального Таджикистана // Вест. Московского ун-та. - Серия XXIII: Антропология. – 2015. - №2. - С.82-94.
12. Куфтерин В. В., Дубова Н. А. Краниология «эфталитов» по материалам могильника Шахидон (Южный Таджикистан) // Вестник антропологии. - 2017. -№ 2 (38). - С. 20-27.
13. Куфтерин В. В., Дубова Н. А., Наврузбеков М. Н. Таджики д. Сичарог: к антропологии населения Центрального Таджикистана. Сообщ.I: дисикретно-варьирующие признаки черепа // Вест. Московского ун-та. - Серия XXIII: Антропология. - 2018. - №1. - С.101-109.
14. Куфтерин В.В., Дубова Н.А., Сюткина Т.А. Новые краниологические материалы из наусов древнего Пенджикента (внутригрупповой анализ) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - 2022. - №3 (58). - С. 117-126.

15. Куфтерин В.В., Сюткина Т.А., Наврузбеков М. Н., Дубова Н.А. Кратко об антропологических работах в Таджикистане в 2022г. // АРТ. -Душанбе, 2023. - Вып.44. - С.241-247.

16. Куфтерин В.В.,Сюткина Т.А., Дубова Н. А. Межгрупповая изменчивость краниометрических характеристик населения Средней Азии в 1500-летней ретроспективе (VII в. до н.э.-VIII в. н.э.) // Вестник Московского университета. - Серия XXIII. Антропология. - Москва, 2023. - № 3. - С.84-97.

17. Тишкин А. А., Филимонова Т. Г. Особенности межэтнической интеграции кочевого и земледельческого населения в раннем средневековье (по результатам изучения памятника Шахидон в Таджикистане) // Политические, социально-экономические и этнокультурные процессы в Евразии в средневековый период: материалы Международной научной конференции, Бишкек-Барнаул, 8-10 июня 2023 г. / под ред. С. В. Землюкова. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2023. - С.12-16.

18. Филимонова Т.Г., Дубова Н.А., Куфтерин В.В., Нечвалода А.И., Никифоров М.Г., Наврузбеков М., Сайфуллоев Н., Джамилзода М., Саидзода Р. Антропологические исследования первого этапа зоны затопления Рогунской ГЭС (Результаты первого сезона работ Антропологической группы Рогунской археологической экспедиции, июль–август 2017 г.). - Душанбе: Истеъдод, 2018. -72 с.

19. Шнайдер С. В., Березина Н. Я., Филимонова Т. Г., Алишер кызы С., Бужилова А. П. Результаты нового изучения антропологических материалов Центральной Азии (по материалам стоянок Туткаул и Кайлю) [Электронный ресурс] // Российская археология. -2023. - № 4. -С.7-19. Режим доступа https://journals.eco-vector.com/0869 6063/article/view/655726 (дата обращения: 20.11.2025).

20. Zandra Fagernäs , Gaudry Troché , Jan-Pieter Buylaert , Khujageldiev Tura, Kurbanov Redzhep, Jesper V. Olsen, Mikkel Winther Pedersen, Frido Welker,. Cleaning the Dead: Optimized decontamination enhances palaeoproteomic analyses of a Pleistocene hominin tooth from Khudji, Tajikistan, 2024.-PP.1-18. https://doi.org/10.1101/2024.06.13.598810.

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ (2015-2025гг.)

В статье представлен обзор палеоантропологических исследований, проведённых в Таджикистане в 2015-2025 гг. Рассматриваются антропологические материалы с памятников Худжи, Туткаула, Шахидон, Фархор, Обидара, Сичарог, древнего Пенджикента, Ширин и Куркат. Приводятся также предварительные результаты антропологического изучения новых матералов из склепа Искодара и зороастрийского некрополя Фороба. Материалы демонстрируют разнообразие антропологических типов древнего населения региона и отражают миграционные процессы. Отмечается преемственность антропологического облика современных таджиков с древними популяциями. Подчёркивается значимость новых данных и перспективы дальнейших исследований для развития физической антропологии в Таджикистане.

Ключевые слова: *палеоантропологические исследования,Таджикистан, антропологические материалы, экспедиции, Склеп Искодар, некрополь Фороб, древнее население, физическая антропология.*

ТАҲҚИҚОТИ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГӢ ДАР ТОҶИКИСТОН (СОЛҲОИ 2015 - 2025)

Дар мақола шарҳи таҳқиқоти палеоантропологӣ дар Тоҷикистон аз соли 2015 то 2025 оварда шудааст. Маводи антропологии ёдгориҳои Хуҷӣ, Тутқавул, Шаҳидон, Фархор, Обидара, Сичароғ, Панҷакенти қадим, Ширин ва Куркат

баррасӣ гардиданд. Натиҷаҳои пешакии таҳқиқоти антропологии маводи нав аз таҳхонаи Искодар ва қабристони зардуштии Фороб оварда шуданд. Пайвастагии симои антропологии тоҷикони муосир бо аҳолии қадим қайд карда шудааст. Муҳиммияти маълумоти нав ва дурнамоҳои таҳқиқоти минбаъда барои рушди антропологияи ҷисмонӣ дар Тоҷикистон таъкид мешавад.

Калидвожаҳо: *Таҳқиқоти палеоантропологӣ, Тоҷикистон, маводи антропологӣ, экспедитсияҳо, таҳхонаи Искодар, қабристони Фороб, аҳолии қадим, антропологияи ҷисмонӣ.*

PALEOANTHROPOLOGICAL RESEARCH IN TAJIKISTAN (2015-2025)

This article provides an overview of paleoanthropological research conducted in Tajikistan between 2015 and 2025. It examines anthropological materials from the Stone Age, the Bronze Age, the early Middle Ages and the modern era. Particular attention is paid to unique finds. The anthropological materials from the monuments of Khuji, Tutkaul, Shahidon, Farkhor, Obidara, Sicharog, ancient Penjikent, Shirin and Kurkat are considered. Preliminary results of anthropological studies of new materials from the Iskodar crypt and the Zoroastrian necropolis of Foroba are presented. The materials demonstrate the diversity of anthropological types of the ancient population of the region and reflect migration processes. The continuity of the anthropological appearance of modern Tajiks with ancient populations is noted. The significance of the new data and the prospects for further research for the development of physical anthropology in Tajikistan are emphasised.

Key words: *Palaeoanthropological research, Tajikistan, anthropological materials, expeditions, Iskodar Crypt, Forob necropolis, ancient population, physical anthropology.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Наврузбеков Маснав Ниёзмамадович - ходими илмии Шуъбаи мардумшиносии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ. Суроға: 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33.E-mail:n-masnav83@mail.ru

Сведения об авторе. Наврузбеков Маснав Ниёзмамадович-научный сотрудник отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ. Адрес: 734025, Республики Таджикистан, г.Душанбе, пр. Рудаки, 33. E-mail:n-masnav83@mail.ru

About the author. Navruzbekov Masnav Niyozmamadovich-research fellow at the Department of Ethnography of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography NAST. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Ave., 33 E-mail: n-masnav83@mail.ru

ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ ВА МАРДУМШИНОСӢ - ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ - ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY

УДК 391 (575.3)

НЕКОТОРЫЕ НЕХАРАКТЕРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ОДЕЖДЕ ТАДЖИКОВ

КОБИЛОВА М. П.,
Таджикский государственный институт изобразительного искусства и дизайна

Историческая одежда таджиков представляет собой важнейший компонент материальной культуры народа и один из ярких индикаторов его этнической идентичности. На протяжении столетий традиционный костюм формировался под воздействием многообразных факторов: социально-экономических условий, культурных взаимосвязей, религиозных представлений и эстетических предпочтений. Сложение устойчивых правил покроя, декора и способов ношения привело к появлению локальных и временных разновидностей одежды, изучение которых позволяет восстановить эволюцию портновского дела и уточнить типологию национального костюма.

Однако анализ письменных, художественных, этнографических и музейных источников показывает, что наряду с распространёнными формами одежды существовали образцы, отличающиеся от традиционных по силуэту, украшению или функциональному назначению. Встречаются также необычные способы носки привычных предметов костюма. Подобные явления нельзя рассматривать лишь как случайные или художественно искажённые изображения. Повторяемость отдельных примеров свидетельствует о наличии самостоятельных направлений в моде, отражающих культурные процессы, вкусовые инновации и региональные особенности.

Актуальность исследования обусловлена тем, что существующая типология исторического костюма таджиков не охватывает всё разнообразие неклассических форм одежды, бытовавших в прошлом. Выявление подобных явлений расширяет научные представления о традиционной культуре, способствует уточнению процессов эволюции одежды и позволяет обнаружить малоизвестные этапы развития национального костюма. Целью настоящей работы является выявление нетрадиционных предметов и способов ношения одежды, их историческая оценка и определение места в общей системе таджикского костюма. Для достижения поставленной цели привлекаются письменные свидетельства, миниатюра, фотоматериалы, а также музейные коллекции.

Известно, что народный костюм представляет собой один из наиболее выразительных маркеров национальной идентичности. Его основу составляет традиционная одежда, а её покрой и стилистика определяют выбор других элементов костюма – головных уборов, обуви, украшений и аксессуаров. Изучение истории традиционной одежды позволяет, с одной стороны, выявить преемственность в культуре костюма, а с другой – в определённой мере оценить уровень социального и технологического развития общества в конкретные исторические периоды.

Народная одежда таджиков, как важная составляющая материальной культуры этноса, формировалась на протяжении многих столетий. Подобно другим компонентам традиционного быта, она претерпевала изменения под влиянием этнической истории, социальных отношений, идеологических представлений и эстетических норм. Длительное развитие привело к появлению значительного числа локальных и временных вариантов одежды. Их выявление позволяет создавать типологию исторического костюма и, тем самым, уточнять представления об эволюции портновских традиций таджикского населения.

Работа с описательными и изобразительными источниками показывает, что в прошлом встречались образцы одежды, отличающиеся необычной формой, непривычной отделкой либо нетрадиционной манерой ношения. Подобные явления можно рассматривать как свидетельства нарушения устойчивых канонов покроя и технологии изготовления одежды или отклонения от привычных правил её использования [6].

Разумеется, не все такие примеры объясняются новаторством. Некоторые из них могут быть результатом случайности – неточной передачи пропорций в рисунке, особенностей художественного стиля или ошибок интерпретации. Так, персонаж миниатюры может быть изображён в обычной для эпохи одежде, но художественная манера создаёт впечатление её необычности. В равной степени нельзя исключать и обратную ситуацию: неестественность силуэта могла быть обусловлена реальными конструктивными особенностями костюма. Вероятность этого повышается, если аналогичные примеры фиксируются неоднократно.

Повторяемость необычных элементов позволяет утверждать, что оригинальный покрой, нестандартное оформление или особая манера ношения одежды не являются случайными. В подобных случаях можно говорить о существовании своеобразных направлений в моде и стиле традиционной одежды, проявлявшихся в отдельных регионах и в конкретные исторические периоды.

Отметим, что современная типология национального портновского дела опирается на тщательное и разностороннее изучение предметов исторической и традиционной одежды. В этих условиях выявление образцов костюма с нетрадиционными характеристиками позволяет уточнять и совершенствовать существующую типологию и, тем самым, расширять представления о материальной культуре народа и её историческом развитии. Это является одним из показателей актуальности избранной темы исследования.

Актуальность темы определяется также тем, что её разработка открывает новые страницы в изучении исторического костюма, делает возможным обнаруже-

ние редких и малоизвестных видов покроев одежды, а также выявление нетипичных способов ношения отдельных её элементов. Кроме того, обращение к данной проблематике позволяет проследить возникновение некоторых новых видов костюма и направлений моды, получивших дальнейшее развитие в последующие исторические эпохи.

Исследователями уже накоплен значительный материал, который стал основой для формирования достаточно стройной теории генезиса и эволюции народной одежды таджиков. Вместе с тем каждое новое изучение вносит определённый вклад в понимание своеобразия национального костюма, вводя в научный оборот новые факты и уточняя существующие представления. В публикациях по истории регионального костюма нередко встречаются дискуссионные положения, обусловленные спецификой изучаемого материала и поставленными задачами.

Кроме того, исследователями обозначен ряд проблем, требующих дальнейшего осмысления, в частности связанных с происхождением отдельных видов одежды, особенностями их эволюции, формами культурных взаимовлияний и др. Показательно замечание известного специалиста по таджикскому народному костюму О. А. Сухаревой: «Совершенно недостаточно разработана история среднеазиатского костюма прошлых веков и даже первой половины XIX века» [9,7]. Настоящее исследование призвано внести вклад в решение одной из недостаточно изученных проблем, связанной с эволюцией и типологией таджикской национальной одежды.

Целью исследования является рассмотрение исторической одежды таджиков в аспекте выявления нетрадиционных образцов и необычных способов их использования. В круг его задач входят:

- изучение эволюционного развития одежды таджиков для периодов развитого и позднего средневековья, а также нового времени на основе письменных, художественных, этнографических и музейных источников;

- сбор материалов о сложившихся традициях изготовления и ношения одежды, а также о костюме, отличающемся от традиционного по размерным, декоративным и функциональным признакам;

-выявление истоков появления нетрадиционных предметов одежды и необычных форм их ношения, а также связанных с этим причинно-следственных связей;

-рассмотрение трудов исследователей, в которых затронуты отдельные аспекты обозначенной темы, и критический анализ их выводов;

-отслеживание эволюции нетрадиционных предметов одежды и процессов их трансформации в составе традиционного костюма таджиков.

Источники, привлекаемые в исследовании, могут быть разделены на несколько категорий.

1. Мемуары путешественников, посетивших Среднюю Азию, дневники и научные труды русских учёных, военных и чиновников, работавших в регионе после его присоединения к России. Так, в записках русского путешественника XVIII века Филиппа Ефремова содержится упоминание о женских платьях с прозрачным передом - очевидный пример нетипичного решения в женском костюме восточной

традиции [2,77]. Дополнительный материал предоставляет корпус источников других авторов этого периода.

2. Произведения таджикско-персидской миниатюры, изучение которых фиксирует множество вариантов одежды, бытующих с XIV века, разнообразие их назначения и способы ношения. В контексте темы представляют интерес произведения художников-миниатюристов Джунейда, Резы Аббаси, Камаледдина Бехзада, Али-Наки, Мухаммада Садики, Мира Афзала Туни, Муина Мусаввира, Шейхзаде, Абдулхая и других представителей различных таджикско-персидских школ. Анализ позволяет видеть, что в эволюции одежды Центральной Азии традиционализм и консерватизм, как правило, преобладали над инновационными решениями.

3. Фотоматериалы, выполненные в Центральной Азии в конце XIX - начале XX века, позволяющие получить представление как об одежде широкого обихода, так и о редких, нетипичных образцах. В их числе снимки С. М. Прокудина-Горского, П. Надара, Ф. Ордэ, С. М. Дудина и других дореволюционных фотографов [1]. Существенный материал содержат фотографии этнографической части «Туркестанского альбома» [10].

4. Предметы старинной одежды и элементы их декора, сохранившиеся в музейных коллекциях. В этом отношении заслуживает внимания коллекция Кунсткамеры, собранная Г. Г. Гульбиным и А. Л. Троицкой в верховьях Зеравшана в ходе Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР 1926 и 1927 годов. Значительный интерес представляют многочисленные предметы одежды, приобретённые в эти годы для Музея антропологии и этнографии России у населения, в том числе таджикского, в Самарканде, Пенджикенте, Истаравшане, Ташкенте и других населённых пунктах Средней Азии [7,8].

При работе над настоящей темой могут быть использованы отдельные образцы одежды необычного исполнения из фондов Этнографического музея Таджикистана имени М. С. Андреева, а также некоторых других музеев республики.

Следует отметить, что попытки автора выявить дополнительные сведения по рассматриваемой проблематике в памятниках письменности Востока, в том числе на таджикско-персидском языке, не дали ощутимых результатов, что связано с отсутствием в них этнографической направленности.

Первые результаты выполненной работы позволяют сформулировать следующие положения:

- В Центральной Азии традиция украшения одежды вышивкой (включая вышивку бисером) восходит к эпохе энеолита – бронзового века. В древности и раннем средневековье применялись хлопчатобумажные, шерстяные, шёлковые и металлические нити; вышивка передавала растительные, зооморфные и орнитоморфные мотивы, а также мифологические образы.

Для традиционной таджикской вышивки долинных районов характерно преобладание растительных мотивов, тогда как в горных областях доминируют геометрические.

- К отличительным чертам традиционной национальной вышивки относится стремление к симметричной композиции орнамента. Вместе с тем выявлены об-

разцы, в которых орнамент выполнен с намеренным нарушением симметрии, что может рассматриваться как пример нетрадиционного подхода к вышивке [3].

- Генезис мужских брюк как предмета верхней одежды в Центральной Азии имеет локальные истоки: их ношение складывалось вследствие эволюции верхних штанов. Однако расширению сферы их использования способствовало усиление влияния русско-европейской одежды в конце XIX – начале XX века [4].

- Нетрадиционный стиль ношения мужской одежды проявился в практике заправки подола верхнего халата в поясную одежду. Данный приём стал одним из факторов появления верхней поясной одежды, послужившей прообразом мужских брюк.

- Одним из перспективных направлений совершенствования существующей типологии исторического и традиционного национального портновского дела является выявление малоизвестных образцов одежды нетрадиционного вида, практически не вошедших в поле зрения исследователей. Так, использование в равнинных районах среди таджичек XVIII - начала XIX века платьев с прозрачным передом представляет собой заметное отклонение от норм традиционной женской одежды.

- В типологию исторического женского костюма таджиков следует включить распашное платье, бытование которого засвидетельствовано в книжной миниатюре XVI-XVIII веков.

- Элементы нетрадиционного подхода к покрою и ношению одежды проявляются и в конструкции рукавов. Творческое отношение к портновскому делу обусловило появление таких разновидностей плечевой одежды, как халаты с рукавами разной длины, со сверхдлинными свободно свисающими декоративными рукавами, со сверхдлинными декоративными рукавами, закреплёнными на спине, с рукавами умеренной длины, фиксированными на спинке, а также со сверхдлинными функциональными рукавами. При этом пошив и ношение платья, у которого правый и левый рукава различаются по длине, представляет очевидное отклонение от устоявшихся традиций женской одежды таджиков [5].

В целом тема отличается новизной, а её дальнейшая разработка представляется перспективной и обладающей научной ценностью.

Полученные в ходе исследования материалы показывают, что историческая одежда таджиков отличается значительно более разнообразной системой форм, чем это отражено в современной типологии.

В различных регионах и в разные исторические периоды фиксируются явления, нарушающие привычные портновские каноны: платья с прозрачным передом, распашные женские платья, практика заправки подола халата в поясную одежду, что стало одним из факторов появления верхних брюк, а также различные разновидности рукавов - от функционально удлинённых до чисто декоративных, крепящихся на спине или свисающих свободно. Анализ миниатюры, фотоматериалов и музейных коллекций свидетельствует, что подобные особенности не были случайными, а отражали процессы художественного поиска, локальную моду или культурные влияния.

Выявление подобных образцов одежды делает возможным корректировку существующей типологии традиционного костюма, вводит в научный оборот новые факты и позволяет точнее реконструировать социальный и эстетический контекст прошлого.

Расширение исследовательского поля за счёт изучения забытых или малоизвестных предметов одежды открывает дальнейшие перспективы для истории материальной культуры таджиков, углубляет понимание эволюции костюма и способствует более полному отражению его многообразия.

Тем самым результаты работы подтверждают, что обращение к нетрадиционным формам одежды является перспективным научным направлением, важным для всестороннего исследования культурного наследия таджикского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Длужневская Г. В. Взгляд современника. Фотографы в Русском Туркестане /Г. В. Длужневская //Туркестан в старых фотографиях и керамике. – М.: Государственный музей Востока. - С. 9-26.

2. Ефремов Ф. С. Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежскаго ассесора, десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии, и возвращение оттуда чрез Англию в Россию / Ф. С. Ефремов. – Санктпетербург, 1786. –224 с.

3. Кобилова М. П. Вышитые платья таджичек: Истоки искусства и композиционные особенности узора / М. П. Кобилова // Вестник Таджикского национального университета. - № 5. - Душанбе, 2018. – С. 47-52.

4. Кобилова М. П. К вопросу о генезисе неестественного стиля в мужском народном костюме таджиков /М. П. Кобилова, М. Ф. Иброхимов/ Вестник Технологического университета Таджикистана. - № 2(27). –Душанбе, 2016. - С. 135-137.

5. Кобилова М. П. К вопросу о типологическом разнообразии исторической одежды таджиков / М. П. Кобилова, А. Саидов // Историк. – № 4(20)2019. – Душанбе, 2019. – С. 143-147.

6. Кобилова М. П. Нетипичные явления в костюме как проявление культурного феномена / М. П. Кобилова// Вестник педагогического университета. -№5 (94). –Душанбе, 2021. – С.261-264.

7. Курылев Ф. П. Этнографические собрания МАЭ по народам Средней Азии и Казахстана / Ф. П. Курылев, Ф. Д. Люшкевич, М. В. Сазонова. Этнографические собрания МАЭ по народам Средней Азии и Казахстана. – Сборник Музея антропологии и этнографии. – СПб., 1980. – Т. 35. - С. 39.

8. Рассудова Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана (по коллекциям и записям А. Л. Троицкой и Г. Г. Гульбина, 1926-1927 гг.) / Р. Я. Рассудова // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т. 26. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. – С. 16-51.

9. Сухарева О. А. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии /О. А. Сухарева/ Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 3-13.

10. Туркестанский альбом. Часть этнографическая. 1871-1872 гг. – Ташкент: Изд. Туркестанского генерал-губернатора, 1872.

НЕКОТОРЫЕ НЕХАРАКТЕРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ОДЕЖДЕ ТАДЖИКОВ

В последние годы наблюдается возрастающий интерес к исследованию традиционной материальной культуры народов Средней Азии, в том числе исторической одежды таджиков, которая представляет собой важный источник по изучению этнокультурных процессов региона. Однако существующая типология та-

джикского костюма не отражает всего разнообразия форм, конструктивных решений и декоративных особенностей, бытовавших в прошлом, что затрудняет комплексное понимание эволюции традиционной одежды.

Для решения данной проблемы в статье анализируются малоизвестные элементы исторического костюма, выявляются оригинальные способы покроя, декора и ношения одежды, а также рассматриваются вопросы их генезиса и функционального назначения. Исследование опирается на разнородные источники, включая музейные коллекции, архивные материалы и этнографические наблюдения, что позволяет восполнить существующие пробелы в изучении темы.

Проведённый анализ показывает, что ряд нехарактерных на первый взгляд конструктивных и декоративных особенностей таджикской одежды имеет глубокие историко-культурные корни и позволяет уточнить представления о путях формирования национального костюма. Полученные результаты подтверждают необходимость пересмотра и расширения существующих классификаций исторической одежды таджиков.

Сделанные выводы способствуют более глубокому пониманию материальной культуры таджиков и могут быть использованы при дальнейших этнографических, историко-культурологических и музейных исследованиях, а также при разработке обновлённой типологии традиционного костюма.

Ключевые слова: *таджики, материальная культура, традиционный костюм, историческая одежда, платье, халат, декор, вышивка.*

SOME UNCHARACTERISTIC PHENOMENA IN THE HISTORICAL DRESS OF THE TAJIKS

In recent years, growing scholarly attention has been paid to the traditional material culture of Central Asian peoples, including the historical dress of the Tajiks, which serves as an important source for understanding ethnocultural processes in the region. However, the existing typology of Tajik historical clothing does not encompass the full diversity of garment forms, construction techniques, and decorative features that existed in the past, which complicates a comprehensive understanding of the costume's historical development.

To address this issue, the article examines lesser-known elements of historical Tajik dress, identifying original solutions in garment cut, decoration, and modes of wearing. It also investigates questions related to the genesis, functional purpose, and cultural context of individual costume components. The research draws upon diverse sources–including museum collections, archival materials, and ethnographic observations–thus helping to fill existing gaps in the field.

The analysis demonstrates that several unusual construction and decorative features, which appear uncharacteristic at first glance, have deep historical and cultural roots and refine current views on the formation of the traditional Tajik costume. The results confirm the necessity of revising and expanding the existing classifications of Tajik historical clothing.

The conclusions contribute to a deeper understanding of Tajik material culture and may be used in further ethnographic, cultural-historical, and museum studies, as well as in the development of an updated typology of traditional costume.

Key words: *Tajiks, material culture, traditional costume, historical clothing, dress, robe, decoration, embroidery.*

БАЪЗЕ ПАДИДАҲОИ ҒАЙРИМАЪМУЛӢ ДАР ЛИБОСИ ТАЪРИХИИ ТОҶИКОН

Солҳои охир ба омӯзиши фарҳанги моддии анъанавии халқҳои Осиёи Марказӣ, аз ҷумла либоси таърихии тоҷикон, таваҷҷуҳи илмӣ меафзояд. Либоси таърихӣ ҳамчун манбаи муҳимми омӯзиши равандҳои этнокултурии минтақа арзёбӣ мешавад. Бо вуҷуди ин, навъи мавҷудаи либоси таърихии тоҷикон тамоми гуногунии шаклҳо, усулҳои дӯзандагӣ ва ҷиҳатҳои ороишии либосҳои гузаштагонро фаро намегирад, ки фаҳмиши ҳамаҷонибаи таҳаввули костюми миллиро нисбатан мушкил мегардонад.

Бо мақсади ҳалли ин масъала, дар мақола ҷузъҳои камомӯхташудаи либоси таърихии тоҷикон таҳлил шудаанд. Роҳҳои бемисли буриш, тарзи ороиш ва истифодаи либос муайян мешаванд. Ҳамчунин масоили марбут ба пайдоиш, таъинот ва заминаҳои фарҳангии унсурҳои алоҳидаи костюм мавриди баррасӣ қарор мегиранд. Таҳқиқот ба манбаъҳои гуногун - махзани осорхонаҳо, маводи бойгонӣ ва мушоҳидаҳои этнографӣ - такя мекунад ва ин имконият медиҳад, ки камбудиҳои мавҷуда дар омӯзиши мавзуъ пурра гарданд.

Натиҷаҳои таҳлил нишон медиҳанд, ки чанд хусусияти ғайримаъмулӣ-конструктивӣ ва ороишии либос, ки дар назар аввал ношинос менамоянд, решаҳои амиқи таърихию фарҳангӣ доранд ва тасаввуроти имрӯзаро дар бораи ташаккули костюми миллӣ дақиқтар мегардонанд. Ин натиҷаҳо зарурати бознигарӣ ва тавсеаи типологияи навъи имрӯзаи либоси таърихии тоҷиконро тасдиқ мекунанд.

Хулосаҳои мақола барои дарки фарҳанги моддии тоҷикон мусоидат намуда, метавонанд дар таҳқиқоти минбаъдаи этнографӣ, таърихию фарҳангшиносӣ ва осорхонаҳо, инчунин ҳангоми таҳияи типологияи навшудаи либоси анъанавӣ истифода шаванд.

Калидвожаҳо: *тоҷикон, фарҳанги моддӣ, либоси анъанавӣ, либоси таърихӣ, пироҳан, хилъат, ороиш, гулдӯзӣ.*

Сведения об авторе: Кобилова Мастона Пирумшоевна - старший преподаватель Государственного института изобразительного искусства и дизайна Таджикистана, кандидат исторических наук. Телефон: (+992) 55-55-47-78 E-mail: k_mastona@mail.ru.

About the author: Qobilova Mastona Pirumshoevna – Senior Lecturer at the State Institute of Fine Arts and Design of Tajikistan, Candidate of Historical Sciences. Telefон: (+992) 55-55-47-78. E-mail: k_mastona@mail.ru.

УДК 930.2:94 (575.1)

МУНДАРИҶА ВА САБКИ ТАЪЛИФИ «ТАЪРИХИ САМАРҚАНД» - И ИДРИСӢ

НАСРИДДИНОВ Ф. А.,

Донишгоҳи давлатии Хуҷанд ба номи академик Бобоҷон Ғафуров

Китоби «Таърихи Самарқанд»-и Абусаъд Идрисӣ нахустин таснифи бо равиш дар маърифати донишмандони Самарқанд ва аввалин нигоштаи хоса дар бозшиносии фарҳангофарони ин шаҳри пероста ба ҳисоб меояд.

Китоби Идрисӣ аз осори хеле арзишманди тоҷикшиносӣ ба шумор рафта, дар Суғди куҳан тасниф гардидааст. Имрӯз асли «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ мафқуду нопайдост, аммо бино ба аҳамият ва эътиборе, ки дар аҳди худ ва асрҳои баъдӣ дар ҷомеаи илмӣ дошта, пораҳои зиёде аз он дар осори донишмандони дигар маҳфуз мондааст. Аз ҷамъ ва омӯзиши онҳо метавон то ҷое аз мундариҷаву таркиб ва сабки таълифи китоб огоҳӣ ба даст овард.

Дар идома бар пояи пораматнҳо ва гузоришҳои бозмонда аз «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ муҳимтарин нуктаҳоро роҷеъ ба мундариҷаву таркиб ва сабки таълифи китоби мазкур баррасӣ менамоем:[1]

1. *Ном, забон ва мавзуи китоб.* Номи аслӣ ва пурраи «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ «ал-Камол фӣ маърифати-р-риҷоли би Самарқанд» [13, 2, 296] буда, ба таври «ал-Камол фӣ маърифати-р-риҷоли мин уламои Самарқанд» низ ёд гардидааст [12, 51, 369].

Ба сурати ихтисории «ал-Камол» ҳам зикр ёфтааст [13, 2, 359, 4, 420; 12, 116 ва ғ.]. Дар манобеъ ба таври «ат-Таърих ли мадинати Самарқанд» [13,1,292], «ал-Камол ли-с-самарқандийин» [13,2,296] ва «Табақоту-с-самарқандийин» [3, 19, 622] низ омадааст. Аммо бештар бо номи «Таърихи Самарқанд» ёд гардида ва дар ҷомеаи илмӣ бо ҳамин исм шинохта шудааст.

«Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ дар муаррифии бузургмардони Самарқанд ба қалам омада, ба масобаи донишномаи донишмандони ин шаҳр мебошад. Муаллиф онро, чунонки номи аслии китоб низ бар он далолат менамояд, дар муаррифӣ ва зикри тарҷумаи ҳоли донишмандони Самарқанд тасниф намудааст. Китоб бо забони арабӣ навишта шудааст. Муроди муаллиф аз Самарқанд, на танҳо худи ин шаҳр, балки тамоми шаҳраку деҳкадаҳои афтофи он ва кулли Суғди куҳан (Суғди

[1] Хотиррасон менамоем, ки ба хотири костан аз ҳаҷми мақола аз овардани асли иқтибосҳову гузоришҳои бозмонда аз «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ, ки ҳама бо забони арабӣ ҳастанд, сарфи назар намуда, онҳоро бо тарҷумаи хеш арза медорем.

Самарқанд) будааст. Муаррифии донишмандон низ танҳо ба зодагони ин минтақа маҳдуд набуда, шомили ҳоли он олимоне низ мебошад, ки бо муҷибе ба Самарқанд ҳузур оварда, дар он ифодаву истифодаи дониш намуда будаанд.

2. Замони тасниф. Зоҳиран, Идрисӣ «Таърихи Самарқанд»-ро тахмин дар миёнаи нимаи дувуми садаи чоруми ҳиҷрии қамарӣ, дар айёми камолоти илмӣ, пеш аз соли 385 ҳиҷрӣ тасниф намудааст. Зеро вақте ки ба Бағдод меравад, китоби мазкурро ба Имом Доруқутнӣ, ки соли вафоташ 385 ҳ./995 аст, арза доштааст. Хатиб аз ин нукта дар «Таърихи Бағдод»-и худ чунин гузориш дода: «Идрисӣ … дар замони зиндагии Абулҳасани Доруқутнӣ ба Бағдод омад ва он ҷо ҳадис гуфт… Азҳарӣ бароям чунин фармуд: «Ман Абусаъди Идрисиро дидам, ки он китоберо, ки дар таърихи Самарқанд навишта буд, ба Абулҳасани Доруқутнӣ пешниҳод намуд. Ӯ бар он нигарист, он гоҳ гуфт: Ин китоби некуест» [20, 10, 302].[1]

«Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ дар айёми зиндагии мусанниф эътибори баланд меёбад. Донишмандони зиёд ба шунидан ва китобати он аз муаллиф эҳтимом менамоянд. Насафӣ аз афроде, ки ин китобро аз худи Идрисӣ шунида ва китобат намудаанд, гузориш додааст [12, 51, 116, 365]. Манзалати китоби мазкур муҷиб мегардад, то он дар рӯзгори муаллиф ба сурати гузида низ интишор ёбад. Муаллифи «ал-Қанд» менависад, ки (гурӯҳе) моҳи муҳаррами соли сесаду наваду ду мунтахаби китоби «ал-Камол»-ро, ки ӯ (Идрисӣ) тадвин намуда буд, дар маҳзараш хонданд [12, 369].

3. Давраи баррасӣ. Абусаъд Идрисӣ он донишмандони соҳибривоятеро, ки аз оғози дини мубини ислом то замони тасниф бо шаҳри Самарқанд рабт доштаанд, дар ин китоб муаррифӣ намудааст. Яъне, аз ибтидои раҳёбии ислом ба Самарқанд то охиртари аҳди Сомонӣ, ки китоб дар ҳамин мақтаи таърихӣ тасниф гардидааст. Зеро аз матнҳои бозмонда бармеояд, ки дар он афроде ҳам муаррифӣ шуда буданд, ки замонҳо пеш аз Идрисӣ зистаанд ва мусанниф ҳузури онҳоро дарнаёфтааст. Аммо аз онҳо ривоят ва нақли аҳодису ахбор сурат гирифта, интисоби онҳо ба соҳибаш субут ёфтааст. Идрисӣ дар ин навъ мавридҳо гоҳе ба пешгузашта ва солҳо муқаддам вафот карда будани онҳо ишора намудааст. Мисол: «Абусаъд Идрисӣ гуфта: «Абуабдуллоҳ Муҳаммад ибни Маҳмуд ибни Убайдуллоҳи Разрозӣ… аз Разрозаи Самарқанд аст… Мисли ин ки солҳо пеш гузаштааст» [13, 3, 75]; «Абусаъд Идрисӣ гуфта: «Абуҳафс Муҳаммад ибни Наср ибни Ҳаммуяи Камарҷӣ, ки аз Абуҳафс Умар ибни Муҳаммад ибни Буҷайри Суғдӣ ривоят менамояд, аз ӯ писараш Муҳаммад ибни Муҳаммад ибни Наср ибни Ҳаммуя дар Размон, ки дар фосилаи ҳафт фарсах аз Самарқанд ҷойгир аст, ривоят кардааст. Чунин ба назар меояд, ки солҳо пеш зиндагиро падруд гуфтааст…» [13, 5, 94]; «Абусаъд Идрисӣ дар «Таърихи Самарқанд» навишта: «Абулфазл Муҳаммад ибни Аҳмади Коғазии Самарқандӣ… солҳо муқаддам вафот кардааст» [13, 2, 48]. Бешак, дар «Таърихи Са-

---

[1] Таҳрири муаллифии осор ва такмили он амре маъмул аст. Аз ин рӯ, имкон дорад, ки Идрисӣ пас аз таснифи китоб пайваста онро таҳриру такмил намуда, бар гузоришҳои он афзуда бошад. Зеро дар «ал-Ансоб» зимни иқтибос аз «Таърихи Самарқанд»-и ӯ мехонем, ки даргузашти устодонаш Абуусмон Вазоғарии Самарқандӣ соли 386 ҳ.қ./996 ва Абӯбакр ибни Матти Иштеханиро соли 388 ҳ.қ./998 навиштааст [13, 1, 261; 5, 596].

марқанд» аз ҳама бештар муосирон ва донишмандоне, ки Идрисӣ худ бо онҳо дидор ва робитаи илмӣ дошта, яъне, олимону фозилони давраи шукуфоии аҳди Сомонӣ муаррифӣ шудаанд.

4. Меъёри интихоби донишмандон. Назди Идрисӣ меъёри интихоб ва муаррифии донишмандон доштани ривоят ва нақли ахбор будааст. Ӯ кӯшида, то он донишмандони самарқандӣ ва бузургмардони ба ин шаҳр марбутро муаррифӣ намояд, ки ривояте босанад аз онҳо нақл гардида бошад. Дар ин маврид аз ҳама муқаддам ба он нафароне таваҷҷуҳ дошта, ки аҳодисеро мисли аҳли ҳадис бо иснод ривоят намуда бошанд. Ҳамчунин, кӯшида, то зикри донишмандоне, ки аз онҳо ривояте аз ашъору ахбор, наводиру ҳикоёт ва амсолу ҳикам бо санад нақл ёфта бошад, аз китоб берун намонад. Метавон аз иқтибос ва гузориши зерин бар ин нукта далел гирифт: «Абусаъд Идрисӣ навишта: «Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ дар шеъри форсӣ муқаддами ақрони хеш буд. Аз Исмоил ибни Муҳаммад ибни Аслами Қозии Самарқандӣ ҳикоятеро, ки онро аз ӯ Абуабдуллоҳ ибни Абуҳамзаи Самарқандӣ нақл намудааст, ривоят кардааст. Аз ӯ ҳадиси боиснодe намешиносем. Чун аз ӯ ривоятеро бидидам, тарки зикрашро некӯ наҳисобидам» [13, 3, 112].

5. Шеваи танзим ва тартиби бозшиносии донишмандон. Дар китоб, зоҳиран, тартиби муаррифиномаи донишмандон ва шеваи танзими мавод мувофиқи назми ҳуруфи алифбои арабӣ мураттаб гардида, шахсиятҳо бо назардошти ҳарфи аввали номи онҳо аз «алиф» то «ё» бозшиносӣ шуда будаанд. Ба ин сурат, ки аввал ному насабу таборнома, сипас куняву алқобу нисба оварда шуда будааст.

Ба таври мисол ба иқтибосҳо ва пораматнҳои маҳфузмондаи зер менигарем: Ибни Адим оварда: «Абусаъд Абдурраҳмон ибни Муҳаммад ибни Муҳаммад ибни Абдуллоҳ ибни Идриси Астарободии Ҳофиз… дар «Таърихи Самарқанд»… фармуда: «Ҳасан ибни Абдулкарим, Абурабеи Ямомии Соҳилӣ дар синни миёнсолӣ… назди мо вориди Самарқанд шуд…» [5,5,2457]; «Абусаъди Идрисии Ҳофиз дар китоби «Таърихи Самарқанд»… навиштааст: «Муҳаммад ибни Аббоси Ғозии Ромӣ устоди фозилу порсо ва пешво дар илми тирандозист…» [13,3,31]; «Абусаъд Идрисӣ дар «Таърихи Самарқанд»… фармуда: «Абубакр ибни Матти Иштеханӣ шайхи фозилу порсост...» [13,1,261] ва ғ. Набояд баъзе аз гузоришҳои Самъониро, ки аз «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ овардааст, бо ин сабки таълиф мухолиф донист. Зеро Самъонӣ аксар ҳол ба тариқи озодтар аз «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ истифода намуда, як матлабро ба таври муҷаззо дар ду бахш овардааст. Яъне, ин тавр, ки нахуст бо сабки баргузидаи худ дар тадвини «ал-Ансоб» аввал куня, баъд ному насабро меоварад ва сипас мегӯяд, ки Идрисӣ инро гузориш намудааст ва он гоҳ матолиберо низ дар идома иқтибос меоварад. Ин навъ гузоришҳо дар ҳоли муқоисаи онҳо бо манбаи дигари иқтибос бештар равшан мегардад. Масалан, дар тавзеҳи нисбаи «Қуҳандизӣ», ки он ба шаҳраки дохилишаҳрӣ ва атрофаш деворкашида аз амокини мухталиф мансуб аст, дар «ал-Ансоб» мехонем: «… ва савум макон, мансуб ба Қуҳандизи Самарқанд аст. Аз мансубон ба он Абӯмуҳаммад Аҳмад ибни Абдуллоҳи Қуҳандизии Самарқандист. Абусаъди Идрисӣ ӯро дар «Таърихи Самарқанд» ёд намуда ва фармуда, ки ӯ аз Маъруф ибни Ҳассон, Аммор ибни Наср ҳадис ривоят менамояд. Саҳл ибни Халаф

ва Исмат ибни Масъуд аз ӯ ривоят кардаанд» [13, 4, 567]. Ёқут низ матлаби мазкурро аз Идрисӣ оварда, аммо онро ба сурати «Аҳмад ибни Абдуллоҳи Қуҳандизии Самарқандӣ, Абуабдуллоҳ» оғоз намуда, ки бо сабки аслии китоб мувофиқ аст [2, 4, 419].

Китоби «ал-Қанд фӣ зикри уламои Самарқанд»-и Насафӣ, ки зайле бар «Таърихи Самарқанд»-и Идрисист, низ сиҳҳати чунин шеваи танзим ва тартиби бозшиносиро таъйид менамояд. Зеро китоби Идрисӣ манбаи муҳимми илҳом барои Насафӣ буда, «ал-Қанд фӣ зикри уламои Самарқанд»-и ӯ дар ҳамсонӣ бо сабки таълиф ва шеваи танзими «Таърихи Самарқанд» тадвин гардидааст ва имрӯз дастрас мебошад. Шоистаи қайд кардан аст, ки имкон дорад, Идрисӣ китобро ба тартиби таърихӣ танзим намуда бошад. Яъне, шахсиятҳоро ба тартиби таърихи даргузашт оварда, зимни сол ё солҳои муайян муаррифиномаи онҳоро дар танзими дохилӣ ба тартиби ҳуруфи алифбо ҷой дода бошад. Зеро дар мавриде Самъонӣ чунин гузоришро овардааст: «Абуҷаъфар Муҳаммад ибни Алӣ ибни Муҳаммад ибни Яҳёи Ҳиравии Бабнӣ – Абӯсаъди Идрисӣ ӯро дар китоби «Таърихи шаҳри Самарқанд» қабл аз соли сесаду чиҳил зикр намудааст… ва ӯ пеш аз соли сесаду чиҳил барои онҳо дар Самарқанд ҳадис гуфтааст» [13, 1, 278].

6. Услуб ва тарҳи муаррифӣ. Идрисӣ дар муаррифиномаи ҳар донишманд мувофиқ ба мақом ва маводи дастрас кӯшида, то зикри саҳеҳи ному насаб, куняву алқоб, нисбаву пеша, афроде, ки ӯ аз онҳо ривоят намуда, нафароне, ки аз ӯ ривоят менамоянд, таърихи мулоқот (агар ҳамзамон буда ва дидору баҳрабарии илмӣ сурат гирифта бошад), мақому манзалати илмӣ ва иҷтимоӣ, фазилатҳои барҷастаи шахсият, намунаи ривоят, соли вафот ва ғайраро дарҷ намояд.

Ба таври мисол ба намунаи зерин менигарем, ки дар тарҷумаи ҳоли Абуабдуллоҳ Муҳаммад ибни Аҳмад ибни Мусо ибни Яздоди Розии Яздодӣ пас аз зикри шаҷараи ному насаб, тавзеҳи нисба ва тазаккури машоихи ӯ менависад: «Солҳои зиёд дар Самарқанд зиндагӣ намуд. Дар даврони мо қозии ин шаҳр буд. Сипас ба мансаби хазинадории волии Хуросон Мансур ибни Нуҳ мансуб гардид ва ба Бухоро рафт. Ӯро дар Самарқанд фарзандону наберагон аст. Соли сесаду панҷоҳу ҳафт дар Бухоро аз ӯ ҳадис навиштем. Пас аз замоне, ба андешаи ман соли сесаду шаст, ба Самарқанд бозомад. Ӯ дар ин шаҳр аҳлу манзил дошт. Дар он замон дар Самарқанд аз ӯ аҳодис навиштанд ва ман он айём дар шаҳр набудам. Он гоҳ мансаби қозигии Фарғонаро бар ухда гирифт. Пас ба Фарғона рафт ва ҳамон ҷо даргузашт. Тобуташро аз Фарғона ба Самарқанд оварданд ва он ҷо моҳи сафари соли сесаду шасту як дар мақбараи Чокардеза ба хок супориданд. Ӯ дар ривояти аҳодис муътамад ва фозилу донишманд буд. Ба мазҳаби аҳли раъй (ҳанафиён) интисоб дошт» [13, 5, 688].

7. Баён ва тавзеҳи нисбаҳо. Тавзеҳи нисба яке аз хусусиятҳои сабки таълифии Идрисӣ будааст. Дар ин замина, он тавзеҳоте, ки дар мавриди нисбаи донишмандони мансуб ба маҳалле хос аз Самарқанд, деҳкадаҳои атрофи он ва баъзе аз пешаву алқоб баён шудаанд, нодир ба шумор меоянд. Ҳамин вижагӣ сабаб гардида, то дар манобеи аъломи ансоб чунин гузоришҳои «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ ба таври манбаи муътабар ва аксар ҳол ягона истифода карда шавад. Масалан,

Самъонӣ нисбаи «Ромӣ»-ро пурра бар асоси гузориши Идрисӣ тавзеҳ дода, менависад: «Ромӣ, бо фатҳи «ро» ва дар охираш «мим» пас аз «алиф», ин нисбат ба санъати тирандозӣ бо камон ва дигар асбоби рамй аст. Ин нисбат хоси он гурӯҳи донишмандон аст, ки ихтиёран хидмати меҳану миллатро баргузида буданд. Абусаид Муҳаммад ибни Аббоси Ғозии Ромӣ аз ҷумлаи онҳост. Абусаъди Идрисии Ҳофиз дар китоби «Таърихи Самарқанд» зикри ӯро оварда, чунин навиштааст: «Муҳаммад ибни Аббоси Ғозии Ромӣ устоди фозилу порсо ва пешво дар илми тирандозӣ бар равиши Тоҳири Балхист ва куняташ Абусаиди Хайёт мебошад. Аз зоҳидону парҳезгорони аҳли рамй буд. Ба олимону фозилон муҳаббати беандоза дошт. Солҳои зиёд назди ӯ тирандозӣ омӯхтам. Сарварони ғозиҳо дар Самарқанд ҳама назди ӯ тарбият ёфтаанд. Ӯ аз Абулҳасан Муҳаммад ибни Абулфазли Самарқандӣ дар фазилати тирандозиву корзор аҳодис шунидааст. Мо аз ӯ (он) аҳодисро бинавиштем. Дар аввали соли ҳафтоду чаҳор ё охири соли сесаду ҳафтоду се вафот кардааст» [13,3,31]. Ё нисбаи «Қасрӣ», ки ба чандин макон аз ҷойҳои мухталиф мансуб аст. Яке аз онҳо қасри Рофеъ ибни Лайс ибни Наср ибни Сайёр дар Самарқанд мебошад. Самъонӣ дар ин маврид танҳо як нафарро шиносоӣ намуда, ки дар он «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ манбаи гузориши ӯ будааст. Чунонки оварда: «Абубакр Муҳаммад ибни Яҳё ибни Фатҳ ибни Муовия ибни Солеҳи Баззози Самарқандии Қасрӣ, ки аз аҳли қасри ёдшуда мебошад. Аз Убайдуллоҳ ибни Ҳаммоди Омулӣ ва дигарон ривоят менамояд. Абусаъд Идрисӣ гуфта: «Ӯ ба он сабаб «Қасрӣ» нисбат ёфта, ки дар қасри Рофеъ ибни Қайс сукунат менамуд» [13, 4, 513-514].

Ҳамчунин, тавзеҳоте, ки Идрисӣ дар мавриди нисбаҳои «Хайдаштарӣ», «Разрозӣ», «Бобдастонӣ», «Бобкиссӣ», «Камарҷӣ» «Бутайтинӣ», «Раҳҳол», «Бабнӣ», «Размозӣ», «Хенӣ», «Яздодӣ», «Дизакӣ», «Ховасӣ», «Ревдадӣ», «Ғотфарӣ», «Ғушдонӣ», «Корзанӣ», «Куҳандизӣ», «Файййӣ», «Қатавонӣ», «Музнӣ», «Урухсӣ», «Хузондӣ», «Банҷхенӣ», «Нундӣ», «Фағдезӣ», «Вазоғарӣ», «Эйзухӣ» ва ғ. арза доштааст, дар мисоли худ гузоришҳои хеле нодир ва гоҳе мунҳасир ба фард ҳисоб меёбанд.[1]

8. Таваҷҷуҳ ба равобити илмиву адабӣ. Идрисӣ дар «Таърихи Самарқанд»-и худ бо бозшиносии фозилоне, ки аз кишварҳои дигар буда, аммо ба муҷибе вориди Самарқанд шудаву он ҷо аз дониши худ дигаронро баҳравар намуданд ё аз дониши дигарон баҳравар гардиданд, таваҷҷуҳ мабзул дошта, нодиртарин маълумотҳоро дарҷ сохтааст. Ҳамин хусусияти китоб сабаб гардида, то он дар осори марбут ба таърихи шаҳре дигар ҳамчун манбаи ягона истифода гардад. Масалан, Ибни Адим дар «Буғят-ут-талаб фӣ таърихи Ҳалаб»-и худ дар муаррифии Ҳасан ибни Абдулкарим манбае муътамад ҷуз «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ надошта ва танҳо бо иқтибоси гузориши он мавсуфро шиносоӣ намудааст. Чунонки навишта: «Ҳасан ибни Абдулкарим … Абусаъд Абдурраҳмон ибни Муҳаммад ибни Муҳаммад ибни Абдуллоҳ ибни Идриси Астарободии Ҳофиз аз ӯ ривоят кардааст. Аз ӯ дар «Таърихи Самарқанд» ёд намуда ва фармуда: «Ҳасан ибни Абдулкарим, Абурабеи

[1] Ҷиҳати омӯзиш ва боздиди аснод нисбаҳои мазкур аз «ал - Ансоб»-и Самъонӣ мутолиа гардад.

Ямомии Соҳилӣ дар синни миёнсолӣ аз ҷониби Испеҷоб ҳамроҳи ғозиёне, ки озими корзори Рум буданд, назди мо вориди Самарқанд шуд. Аз фозилони аҳли ҳадис буд. Аҳодисро ҳифз медошту дармеёфт. Аз Воҳиб ибни Яҳёи Мозании Басрӣ, Абуалӣ Аҳмад ибни Муҳаммад ибни Иброҳими Саҳҳофи Исфаҳонӣ, Абуравқ Аҳмад ибни Муҳаммад ибни Бакри Ҳиззонии Басрӣ, Муҳаммад ибни Ҳамдуя ибни Саҳли Марвазӣ, Мунтасир ибни Муҳаммад ибни Мунтасири Дебоҷӣ, Алӣ ибни Ҳасани Қозии Шовғарӣ ҳадис ривоят менамояд. Аз ӯ аҳодис навиштем. Дар раҷаби соли сесаду шасту нуҳ дар Исфеҷоб аз дунё даргузашт» [5,5,2457]. Ҳамчунин, дар муаррифии Хайр ибни Алӣ, Абулфараҷи Тарасусӣ, ки ҳамчун сафир ба Хуросон омада, соли сесаду навад дар Самарқанд вафот намудааст, «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ манбаи ягонаи ӯ будааст [*ниг.* 5, 7, 3396].[1]

9. Баҳрабарӣ аз манбаъҳои нодир. Идрисӣ дар тадвини китоб, илова бар шунидаҳо ва навиштаҳои босанади худ, аз нигоштаҳои муътамади дигарон низ баҳра бурдааст. Масалан, дар «ал-Қанд» мехонем, ки Идрисӣ намунаи ривояте аз донишманди камшинохтаи самарқандиро аз китоби устодаш нақл намудааст. Чунончӣ омада: «Шайх Абусаъд Идрисӣ фармуда: «Ман дар китоби устодамон Муҳаммад ибни Фазлон ибни Сувайди Ҷурҷонӣ ба хатти худи ӯ хондам, ки чунин омада буд: «Ғиёс ибни Ҷибрили Муаллими Самарқандӣ ба мо нақл намуд…» [12, 645]. Ҳамин гуна, дигар намунаҳои нақли Идрисӣ аз устоди мазкураш дар ин китоб ба назар мерасад [*ниг.* 12, 301, 319, 645]. Ҳамчунин, Насафӣ оварда: «Абуҳафс Умар ибни Аҳмади Форсӣ ин гуна нақл намуда: «Ҳофиз Абусаъд Абдурраҳмон ибни Муҳаммади Идрисӣ ба мо нақли хабар намуда, гуфт: «Муҳаммад ибни Абдуллоҳ ибни Иброҳими Мустамлӣ бароям китобе бо хатти қадим дод. Ман дар он (чунин) хондам: «Абулҳасан Алӣ ибни Ҳусайни Муктиби Самарқандӣ ба мо ривоят кард…» [12, 507].

Ҳамин тавр, дар мавриди гузориш аз он афроди марбут ба Самарқанд, ки ӯ онҳоро шахсан надида, бахусус касоне, ки хеле пештар гузаштаанд, аз навиштаи дигарон ва сарчашмаҳои муътамад кӯмак гирифтааст. Дар мавридҳое бо ҷумлаҳои «қадим-у-л-мавт», «кааннаҳу мота қадиман» (яъне, пешгузашта, мисли ин ки хеле пеш гузаштааст) ва амсоли ин бар ин нукта ишора кардааст.

10. Ҷарҳу таъдил ва нақди ровӣ. Абусаъд Идрисӣ аз муҳаддисони наққод мебошад. Бисёр мавридҳо бо истилоҳоти маъмул дар илми ҷарҳу таъдил ба нақди ровӣ пардохта, бар шахсияти ӯ дар маслаки ривоят баҳогузорӣ намудааст. Шавоҳид: «Абуиброҳим Исҳоқ ибни Исмоили Бобкиссии Самарқандии Музаккир…Ӯ ҳамонест, ки бинои Работи мураббаъро дар Самарқанд бар уҳда дошт. Дар аҳодисаш манокир ба назар меояд, ки умедворам аз ҷиҳати машоихи ӯ бошад» [13,1,242]; «Абуабдуллоҳ Муҳаммади Яздодӣ… ӯ дар ривояти аҳодис муътамад аст» [13,5,688]; «Абубакр Муҳаммади Размозии Суғдӣ … бар ӯ эроде нест, ровии муътамад ва некусамоъ буд» [13, 3, 60]; «Абулфазл Муҳаммад ибни Аҳмади Коғазии Самарқандӣ … Ӯ соҳиби ҳикоёту наводир буд. Исноди ӯ (дар нақли онҳо)

[1] Барои маълумоти бештар дар ин маврид ба донишмандони муаррифишуда зимни нисбаҳои «Бардаӣ», «Бустӣ», «Бузҷонӣ», «Ҳенӣ», «Шубайлӣ», «Муҳаллибӣ» ва ғ. ба «ал-Ансоб» муроҷиа шавад.

гоҳ қавию гоҳ заиф аст. (Онҳоро) дар хурдию бузургсолиаш (аз ровиён шунидаву) китобат кардааст…» [13, 2, 48]; «Қосим ибни Ҷаъфари Бутайтинӣ … Аз ӯ дар деҳкадааш ҳадис навиштем, аммо ман аз баъзе усули ӯ қаноатманд нагардидам» [13, 2, 77] ва ғ.[1]

11. Диққат ба сиҳҳати ривоят. Идрисӣ дар таснифи китоб ба асолати матлаб ва сиҳҳати истимои он диққат доштааст. Гоҳе аз касе ки ба ӯ ривоят менамуд, аслу санади онро талаб мекардааст. Ба таври мисол, ба иқтибосу гузоришҳои зерин менигарем: «Абусаъди Идрисии Ҳофиз гуфта: «Аз Муҳаммад ибни Ҳусайни Эйзухии Музаккири Самарқандӣ шунидам, ки мегуфт: «Аз падарам аҳодиси Аҳмад ибни Муҳаммад ибни Фазли Балхии Қозиро истимоъ кардам. Аз ӯ талаб намудам, ки асли онро ба ман нишон диҳад, аммо гуфт, ки он (алҳол) ӯро дастрас нест» [13,1,237]; «Абусаъди Идрисии Ҳофиз дар «Таърихи Самарқанд» ӯро (Абуамр Лоҳиқ ибни Ҳусайни Садарии Мақдисӣ) зикр намуда ва гуфта: «Мефармуд, ки асли ӯ аз Байтулмақдис аст ва бисёр мегуфт, ки ӯ «Бағдодӣ» мебошад. Каззобу дурӯғбоф буд. Ҳадиси дурӯғин месохт ва онро ба ровиёни муътамад мепайваст. Аҳодиси бесанадро исноди ҷаълӣ медод. Аз касоне ҳадис ривоят мекард, ки аз онҳо нашунида буд. Рӯзе аз Рабеъ ибни Ҳассони Кашшӣ ва Муфаззал ибни Муҳаммади Ҷанадӣ ба мо ҳадис гуфт. Барояш гуфтам: «Куҷо ин ҳадисро навиштӣ ва кай аз онҳо китобат кардӣ?». Дар ҷавоб гуфт, ки аз онҳо дар Макка пас аз соли сесаду бист навиштааст. Он гоҳ гуфтам: «Аз онҳо чӣ гуна пас аз соли сесаду бист навиштӣ, ки ҳамоно он ду пеш аз ин сол вафот кардаанд?!...» [13, 3, 527-528].

12. Овардани ашъор ва ривоёт. Абусаъд Идрисӣ на танҳо ривояти аҳодису ахбор, балки наводиру ҳикоёт ва ашъору сурудаҳоро низ ҳамчун ривояти донишмандони соҳибривояти самарқандӣ нақл намудааст. Масалан, Хатиби Бағдодӣ меоварад: «Дар китоби Абусаъди Молинӣ хондам: «…Идрисӣ фармуда: Абулҳусайн Муҳаммад ибни Аҳмад ибни Собити Бағдодӣ дар Самарқанд ба ман (шеъри зеринро) хонд ва гуфт: Абуумари Зоҳид – ғуломи Саълаб дар Бағдод ба ман – вақте барои касе, ки наздаш ворид шуд, аз ҷой бархост – ба хондани ин шеър пардохт:

Ло таронӣ абадан ук – риму зо молин лимолиҳи
Ло ва ло язрӣ биман – яъқилу ъиндӣ бисуи ҳолиҳи
Иннамо ақзӣ ъало зо – ка ва ҳозо бифиъолиҳи

(Тарҷума: Маро ҳаргиз чунин нахоҳӣ дид, ки тавонгарро ба хотири тавонгариаш гиромӣ дорам ва касеро, ки хирадмандаш ёбам, ба сабаби бадҳоливу тангдастиаш хор бигирам. Ҳамоно, ман бар ину он бо назардошти кирдораш муомила менамоям.) [20,1,300].

Самъонӣ дар нисбаи «Хенӣ» оварда: «Абусаъд Идрисӣ фармуда: Фақеҳ Абулфазли Тӯсӣ аз аҳли Хен – шаҳраке аз билоди Тӯс аст. Дар Самарқанд сукунат намуд. Фақеҳ, фозил, адиб ва шоир буд… Ӯ аз мову мо аз ӯ ҳикоёту ашъор шунидем ва китобат кардем» [13,2,432-433]. Идрисӣ дар асли китоб намунаи ашъори ӯро низ оварда будааст. Зеро Ҳозимӣ дар «Амокин»-и худ бо такя бар асли

---

[1] **Барои огоҳӣ аз дигар намунаҳои орои мунтақидонаи Идрисӣ ба афроди мансуб бар нисбаҳои «Исфанҷӣ», «Пастӣ», «Бобкиссӣ», «Банҷхенӣ», «Саллоҷ», «Холидӣ», «Хайём», «Камарҷӣ», «Садарӣ» ва ғ. ба «ал-Ансоб»-и Самъонӣ мурооҷиа шавад.**

«Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ зимни шаҳраки «Хен» аз Абулфазли Хении мазкур гузориш дода, дар охир навиштааст: «Абусаъд Идрисӣ дар «Таърихи Самарқанд» аз ӯ ёд карда, абёте аз шеърашро нақл намудааст» [21,1,43].[1]

Ҳамин гуна, метавон дар мавриди забти таърихи самои ривоят ва макони он, зикри номҳои осори шунида, тазаккури устодону шарикдарсон, баёни вазъи иҷтимоиву фарҳангӣ, тавзеҳи муомилот ва равобити илмиву адабӣ, ахбори унсурҳои фарҳангӣ, бозгӯии шеваҳои таълиму мактабдорӣ ва ғ. ҳамчун сабки таълиф ва мундариҷаи китоб ба таври алоҳида сухан гуфт. Аммо нуктаҳои зикргардида ва шавоҳиди овардашуда кофист, то дарёфта шавад, ки «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ чӣ сохту таркиб ва чӣ мундариҷаву муҳтаво доштааст ва донишмандони Самарқандро бо чӣ сабки таълиф бар асоси асноди нодир муаррифӣ намудааст.

Натиҷаҳои муҳимми таҳқиқи мавзуъ дар ин мақола дар чунин нуктаҳо ҷамъ меоянд: а) «Таърихи Самарқанд»-и Абусаъд Идрисӣ аз ҷумлаи муҳиммтарини таърихномаҳои маҳаллӣ ба шумор омада, то ҳол ба таври шоиста муаррифӣ наёфтааст;

б) Абусаъд Идрисӣ дар «Таърихи Самарқанд»-и худ роҷеъ ба донишмандони Самарқанд ва навоҳии он маълумоти нодирро фароҳам овардааст;

в) асли китоби «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ имрӯз мафқуду нопайдост, аммо метавон аз пораматнҳои маҳфузмонда аз он мундариҷа ва сабки таълифи китобро маърифат намуд ва аз арзиши илмии он огоҳӣ ба даст оварد;

г) Идрисӣ «Таърихи Самарқанд»-и худро бо равиш тасниф намуда, дар он гузоришҳои дақиқро роҷеъ ба донишмандони Самарқанд ва ҳузуроварда бар он дарҷ намудааст;

ғ) Дар «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ бисёр амокини Суғди куҳан ва маҳаллаҳову мавзеъҳои муайяни Самарқанд ҳамроҳ бо донишмандони мансуб бар онҳо бозшиносӣ шудаанд. Чунин гузоришҳо бисёр нодир буда, аксар ҳол мунҳасир ба фард ва манбаи ягонаи шинохти онҳо мебошанд;

д) Идрисӣ бо ин китоб ба ваҷҳе хоста, то таъкид намояд, ки донишмандон таърихсозони воқеӣ мебошанд. Таҳқиқи рӯзгор ва кӯшишу пайкорҳои илмии эшон маърифати асили таърих ва авзои иҷтимоиву фарҳангиро ба бор меоварад;

[1] Афзун бар ин пораматнҳо ва гузоришу иқтибосҳо аз «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ, ки зимни баррасии мавзуъ оварда шуданд, намунаҳои зиёди дигар дар манобеи муътамади куҳан ба таври назаррас маҳфуз мондааст. Барои боздиду мутолиаи бахши муҳимме аз онҳо ба осори зерин муроҷиат шавад: «Таърихи Бағдод»-и Хатиби Бағдодӣ (ваф. 463 ҳ./1071 м.): 1, 300, 328; 2, 8, 10, 17, 27; 3, 83, 194, 305, 332, 436; 4, 85, 87, 129, 330; 5, 211, 269, 347; 6,45, 99, 164; 7, 373; 9, 137, 327, 379, 442; 10, 13, 87, 136, 147, 162, 209, 302; 11, 88, 260, 311, 341; 12, 384, 466 ва ғ.; «ал-Қанд»-и Насафӣ (ваф. 537 ҳ./1142 м.), ки зайле бар «Таърихи Самарқанд»-и Идрисист: саҳ. 34, 46, 47, 50, 51, 62, 63, 64, 66, 67, 68, 69, 76, 77, 83, 89, 90, 92, 95, 109, 116, 119, 121, 122, 142, 144, 146, 149 ва ғ.; «ал-Ансоб»-и Самъонӣ: 1, 105, 108, 115, 116, 131, 132, 154, 169, 171, 224, 246, 248, 249, 252, 292, 295, 328, 363, 419, 430, 501; 2, 139-140, 141, 377 ва ғ.; «Таъриху мадинати Димишқ»-и Ибни Асокир (ваф. 571 ҳ./1175 м.): 52, 73, 76, 83, 88, 250-251; 54, 306; 55, 178; 56, 115, 160 ва ғ.; «ал-Амокин»-и Ҳозимӣ (ваф. 584 ҳ./1184 м.): 76; «Муъҷам-ул-булдон»-и Ёқути Ҳамавӣ (ваф. 626 ҳ./1229 м.): 1, 289; 2, 184, 411, 415; 3, 42; 4, 288, 357, 375, 419, 460, 479; 5, 79, 122, 244, 306 ва ғ.; «Буғят-ут-талаб»-и Ибни Адим (ваф. 660 ҳ./1162 м.): 5, 2457; 7, 3396 ва ғ.; «Сияру аъломи-н-нубало»-и Заҳабӣ (ваф. 748 ҳ./1374 м.): 13, 270; 14, 24, 402; 15, 32; 16, 413, 481; 17, 78, 225, 663 ва ғ.

е) «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ аз ҷумлаи шоҳкориҳои омӯхтанашуда буда, омӯзишу бозсозӣ ва эҳёву нашри матнҳои бозмонда аз он асноди тозаву нодирро ба ҷомеаи илмӣ арза медорад.

АДАБИЁТ

1. Бағдодӣ, Исмоилпошо ибни Муҳаммадамин. Ҳадийят-ул-орифин. –Ҷ.1. -Бейрут: Дор-ул-кутуб ал-илмийя, 2008. -512 с.
2. Ёқути Ҳамавӣ, Абуабдуллоҳ Ёқут ибни Абдуллоҳ ал-Ҳамавӣ. Муъҷам-ул-булдон. –Ҷ.4. -Бейрут: Дору Содир. -501 с.
3. Заҳабӣ, Шамсуддин Муҳаммад ибни Аҳмад. Сияру аълом ан-нубало. –Ҷ.19. -Бейрут: Муассисат-ур-рисола, 1985. - 696 с.
4. Зириклӣ, Хайриддин. ал-Аълом. –Ҷ.1. -Бейрут: Дор-ул-илм ли-л-малойин, 2002. -336 с.
5. Ибни Адим, Умар ибни Аҳмад. Буғят-ут-талаб фӣ торихи Ҳалаб. –Ҷ.5. - Бейрут: Дор-ул-фикр, бидуни соли нашр. -473 с.
6. Ибни Асир, Иззуддин ибни Асири Ҷазарӣ. ал-Лубоб фӣ таҳзиб ал-Ансоб. –Ҷ.1. -Бағдод: Мактабату Мусанно. -543 с.
7. Ибни Асокир, Алӣ ибни Ҳасан. Ториху мадинати Димишқ. -Бейрут: Дор-ул-фикр, 1415. -586 с.
8. Ибни Имод, Шиҳобиддин Абдулҳай ибни Аҳмади Димишқӣ. Шазарот-уз-заҳаб.-Димишқ: Дору Ибни Касир, 1989. -524 с.
9. Ибни Халликон, Абулаббос Аҳмад ибни Муҳаммад. Вафийёт-ул-аъён.-Бейрут: Дор-ул-кутуб ал-илмийя, 1998. -524 с.
10. Карл Броккелман. Таърих ал-адаб ал-арабӣ. –Ҷ.1. -Риёз: Мактабат-уш-шомила, 2004. -283 с.
11. Қазвинӣ, Абдулкарим ибни Муҳаммади Рофеӣ. ат-Тадвин фӣ ахбори Қазвин.-Ҷ.4. -Бейрут: Дор-ул-кутуб ал-илмийя, 1407. -421 с.
12. Насафӣ, Наҷмуддин Умар ибни Муҳаммад. ал-Қанд.-Теҳрон: Мероси мактуб, 1378.- 878 с.
13. Самъонӣ, Абдулкарим ибни Муҳаммад. ал-Ансоб / Бо ҳавошии Муҳаммад Абдулқодир Ато. -Бейрут: Дор-ул-кутуб ал-илмийя, 1998. -993 с.
14. Самъонӣ, Абдулкарим ибни Муҳаммад. ал-Ансоб / Тасҳеҳ ва таълиқи Шайх Абдурраҳмон ибни Яҳё ал-Муалламии Ямонӣ.-Ҳайдаробод, 1962. -664 с.
15. Сафадӣ, Салоҳиддин Халил ибни Айбак. ал-Вофӣ би-л-вафаёт.-Бейрут: Дор-ул-эҳё ат-турос ал-арабӣ, 2002. -570 с.
16. Саховӣ, Шамсиддин Муҳаммад ибни Абдурраҳмон. ал-Иълон-ут-тавбих лиман замма-т-таърих.-Бейрут: Дор-ул-кутуб ал-илмийя, 1414. -805 с.
17. Саҳмӣ Абулқосим Ҳамза ибни Юсуф.Таърихи Ҷурҷон.-Бейрут: Олам-ул-китоб, 1407.-660 с.
18. Умар Ризо Каҳҳола. Муъҷам-ул-муаллифин. -Бейрут: Дору эҳё ат-турос ал-арабӣ, 1957. -338 с.
19. Фуод Сазгин. Таърих-ут-турос ал-арабӣ.-Риёз: Дор-ус-сақофати ва-н-нашр, 1991. -710 с.
20. Хатиби Бағдодӣ, Абубакр Аҳмад ибни Алӣ. Таърихи Бағдод.-Бейрут: Дор-ул-ғарб ал-исломӣ, 1422. -440 с.
21. Ҳозимӣ, Абубакр Муҳаммад ибни Мӯсо. ал-Амокин ав мо иттафақа лафзуҳу ва ифтарақа мусаммоҳу мина-л-амкинати, бидуни зикри макон ва ҷойи нашр. -1122 с.
22. Ҳоҷӣ Халифа, Мустафо ибни Абдуллоҳ. Кашф-уз-зунун.-Бейрут: Дор-ул-кутуб ал-илмийя, 2005, иборат аз се ҷилд. -521 с.

МУНДАРИҶА ВА САБКИ ТАЪЛИФИ «ТАЪРИХИ САМАРҚАНД» - И ИДРИСӢ

Дар мақола мундариҷа ва сабки таълифи яке аз таърихномаҳои маҳаллии ношинохта – «Таърихи Самарқанд»-и Абусаъд Идрисӣ ба таври равишманд мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Таърихномаи мазкур дар Суғди куҳан пеш аз соли 385 ҳ./995 м. бо забони арабӣ тасниф гардидааст.

Асли китоб имрӯз мафқуд буда, аз он иқтибосоту пораматнҳо дар дохили сарчашмаҳои муътабар маҳфуз мондааст. Муҳаққиқ бо ҷустуҷӯ, ҷамъоварӣ ва омӯзишу таҳлили пораматнҳои бозмонда аз китоб мавзуъро таҳқиқ намудааст.

Дар беш аз даҳ зербаҳс масъалаҳои ном, забон ва мавзуи китоб; замони тасниф; давраи баррасӣ; меъёри интихоби донишмандон; шеваи танзим ва тартиби бозшиносӣ; услуб ва тарҳи муаррифӣ; баён ва тавзеҳи нисбаҳо; таваҷҷуҳ ба равобити илмиву адабӣ; баҳрабарӣ аз манбаъҳои нодир; ҷарҳу таъдил ва нақди ровӣ; диққат ба сиҳҳати ривоят; овардани ашъор ва ривоёт ҳамчун меҳварҳои шинохти мундариҷа ва сабки таълифи «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ муаррифӣ ёфта, дар онҳо мавзуъ бо шавоҳиди зиёд мудаллал сохта шудааст.

Дар ниҳояти таҳқиқ хулосаҳои мушаххаси илмӣ дарҷ ёфта, дар онҳо бар аҳаммияти шинохт ва бозсозиву нашри матнҳои бозмонда аз «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ таъкид гардидааст. Дар ҳошияҳо оид ба баъзе масъалаҳои тавзеҳталаби мавзуъ шарҳи бештар ва далелу раҳнамоиҳои судманд оварда шудааст.

Калидвожаҳо: *Абусаъд Идрисӣ, «Таърихи Самарқанд», Самарқанд, Суғди куҳан, мундариҷа, сабки таълиф, таърихномаҳои маҳаллӣ.*

СОДЕРЖАНИЕ И СТИЛЬ ИЗЛОЖЕНИЯ В «ИСТОРИИ САМАРКАНДА» ИДРИСИ

В статье рассматриваются содержание и стиль изложения одного из малоизвестных местных исторических сочинений - «История Самарканда» Абу Саида Идриси. Данный труд был составлен на арабском языке в древнем Согде до 385 г. х./995 г. н.э.

Оригинал книги не сохранился, однако отрывки и цитаты из неё дошли до нас в составе авторитетных источников. Автор исследования провёл научный анализ, собрав и изучив сохранившиеся фрагменты текста.

В более чем десяти подтемах рассмотрены вопросы названия, языка и содержания книги; времени её появления; исторического периода, охваченного в труде; критериев отбора учёных; методов структурирования и систематизации материала; стилистики и формы представления; объяснения происхождения нисб; внимание к научным и литературным связям; использование редких источников; приемов критического анализа и редактирования; достоверности преданий; а также роли стихов и рассказов в раскрытии содержания и стиля «Истории Самарканда» Идриси. Каждая из тем подкрепляется многочисленными свидетельствами.

В заключении сформулированы научные выводы, подчёркивается значимость изучения, восстановления и публикации сохранившихся фрагментов «Истории Самарканда» Идриси. В сносках к статье даны дополнительные разъяснения и полезные справочные материалы по ряду спорных и сложных вопросов.

Ключевые слова: *Абу Саид Идриси, «История Самарканда», Самарканд, древний Согд, содержание, стиль изложения, местные исторические сочинения.*

CONTENT AND COMPOSITION STYLE OF IDRISĪ'S «HISTORY OF SAMARKAND»

The given article systematically dwells on the content and composition style of one of the lesser-known local historical chronicles - The History of Samarkand by Abū Saʿīd Idrisī. This historical work was composed in Arabic in ancient Sogd before the year 385 AH / 995 CE.

Although the original manuscript has been lost, excerpts and quotations from it have been preserved in authoritative sources. The author of the article considers the topic by collecting, analyzing, and interpreting the surviving fragments.

The study addresses more than ten subtopics, including the title, language, and subject of the book; its date of composition; the historical period it covers; criteria for selecting scholars; methods of organization and systematization; style and presentation format; explanation of nisbas; attention to intellectual and literary relations; use of rare sources; critique and revision of narrations; accuracy of transmitted accounts; and the inclusion of poetry and narratives as central elements for understanding the content and stylistic features of Idrisī's History of Samarkand. These discussions are supported by extensive textual evidence.

The study concludes with specific academic findings that emphasize the importance of recognizing, reconstructing, and publishing the remaining fragments of Idrisī's work. The footnotes provide further clarification and helpful references on several issues requiring deeper explanation.

Key words: *Abū Saʿīd Idrisī, History of Samarkand, Samarkand, ancient Sogd, content, composition style, local historiography.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Насриддинов Фахриддин Абдуманонович - доктори илми филология, профессори кафедраи забон ва адабиёти тоҷики Донишгоҳи давлатии Хуҷанд ба номи академик Бобоҷон Ғафуров. Тел: (91) 729 - 15 03. E-mail: fahr79@mail.ru

Сведения об авторе: Насриддинов Фахриддин Абдуманонович-доктор филологических наук, профессор кафедры языка и литературы Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Тел: (91) 729 -15 -03. E-mail: fahr79@mail.ru

About the author: Nasriddinov Fakhriddin Abdumanonovich - Dr. of Philology, Professor of the department of language and literature under Khujand State University named after acad. B.Gafurov. Tel: (91) 729 -15 -03. E-mail: fahr79@mail.ru

УДК 930.1:94 (560)

ИНЪИКОСИ ВАҲШОНИЯТҲОИ ТЕМУР ДАР ОСОРИ АКАДЕМИК АҲРОР МУХТОРОВ[1]

МУРОДЗОДА А. А.,
Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Академик Аҳрор Мухторов яке аз муаррихони сермаҳсул дар Осиёи Марказӣ ба ҳисоб рафта, осори баргузидаи ӯ фарогири соҳаҳои гуногуни илми таърих мебошад. Зимнан бояд ёдовар шуд, ки олим ба масоили мухталифи давраҳои асримиёнагии халқҳои минтақа асарҳои зиёди илмӣ таълиф намудааст. Аз ҷумла, дар баробари омӯзиши таърихи халқи тоҷик дар як зумра асарҳои худ ваҳшониятҳои Темурро низ мавриди баррасӣ қарор додааст [7, 304, 5, 183, 8, 149-154, 6, 303, 9].

Бояд тазаккур дод, ки ҳанӯз як идда олимони ӯзбек дар аҳди Шуравӣ саъю талоши зиёде кардаанд, ки ин чеҳраи манфурро дар саҳифаи таърих бо он ҷиноятҳои содиркардааш ба таври «созанда» ва «бунёдкор» ҷилва диҳанд.

Бояд гуфт, ки воқеан саъю талошҳо барои гузоштани пайкараи Темур дар Узбекистон ҳанӯз аз солҳои 60-уми асри XX ба миён омада буд. Маҳз, дар ҳамин давра сармуҳаррири маҷаллаи «Гулистон» - Алихон Соғунӣ асари «Тузукоти Темурӣ»-ро дар якчанд шумораҳои ин маҷалла аз забони форсӣ бо забони ӯзбекӣ тарҷума ва нашр карда, бо «ифтихор» ин асарро моли Темур мансуб донистааст. Ин мақола дар байни олимони собиқ Шуравӣ вокунишеро ба бор овард. Бояд гуфт, ки гӯё навишта шудани асари «Тузукоти Темурӣ» аз ҷониби «Темур» муаррихину муҳаққиқинро зери шубҳа қарор дод. Мавриди зикр аст, ки то имрӯз як идда аз муаррихони ӯзбек даъво аз он доранд, ки асари «Тузукоти Темурӣ»-ро маҳз Темур навиштааст. Гарчанде ки шарқшиноси барҷаста академик В. В. Бартолд ва дигар муаррихон мансуб ба Темур будани ин асарро қотеъона инкор мекунанд [8, 149-154].

Аз ҷумла, академик Аҳрор Мухторов дар ҳаммуаллифӣ бо нависанда Раҳим Ҳошим мақолаеро зери унвони «Журнали «Гулистон», Алихон Соғунӣ ва Темури ланг» [8, 149-154] дар маҷаллаи «Садои Шарқ» бо истифода аз сарчашмаҳои таърихӣ зери тозиёнаи танқид гирифтанд. Ҳамзамон, муаллифон қайд мекунанд, ки «…ба қалами худи Темур тааллуқ доштани «Тузукот»…беасос ва аз ҳақиқат дур мебошад. Агар ин асар,…аз тарафи худи «ҷаҳонгир» таълиф меёфт, муаррихони давраи Темур, ки асарҳои худро бевосита пас аз марги вай

[1] **Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи халқи тоҷик (асри III – аввали асри XX)», рақами қайди давлатӣ 0121TJ1211 навишта шудааст.**

навиштаанд, дар таълифоти худ ҳатман ба он истинод карданашон лозим буд» [8, 150].

Академик Аҳрор Мухторов дар асоси маъхазҳои муътамади таърихӣ аз қабили «Рӯзномаи ғазавоти Ҳиндустон»-и Ғиёсуддин Алӣ, «Зафарнома»-и Низомуддини Шомӣ, «Зафарнома»-и Шарафуддин Алии Яздӣ, «Зиндагии шигифтовари Темур»-и Ибни Арабшоҳ, «Таърихи Темурланг»-и Фома Месопскӣ ва дигарон исбот карданд, ки Темур муаллифи асари «Тузукоти Темурӣ» ба ҳисоб намеравад.

Олим барои тақвияти сухани худ дар мақола иқтибосеро аз шарқшиноси машҳури рус академик В. В. Бартолд ҷой додаанд, ки дар он, аз ҷумла омадааст: «Темур чи дар замони осоиштагӣ ва чи ҳангоми ҷанг муншиёни форс ва уйғур дар ҳузур дошт, ки вақоеи замонашро менавиштанд» [2, 201, 13, 42-74].

Муаллифи араб Ибни Арабшоҳ низ аз сатҳу савияи дониши Темур чунин ишора мекунад: «Ӯ худ навиштан ва хондан намедонист ва аз арабӣ баҳра надошт. Луғатҳои порсӣ, туркӣ ва муғулӣ дар сухан ба кор мебурд» [3,237].

Тибқи иттилои академик В. В. Бартолд «Тузукоти Темур»-и дар асри XVII дар Ҳиндустон эҷод шудааст [2, 201], бояд гуфт, ки ин ба ҳақиқат наздик аст.

«Тузукоти Темурӣ» зери унвони «Малфузоти Темурӣ» низ маълум аст. То имрӯз муаллифи ин асар дақиқ муайян нашудааст. Иддае даъвии беасос доранд, ки гӯё асли туркии асар ёддоштҳои худи Темурро ифода мекунад, онро аз китобхонаи ҳокими Яман Ҷаъфаршо нафаре бо номи Абутолиби Аризӣ ҳангоми сафараш ба Арабистон пайдо кардааст, он тақрибан солҳои 1047/1637-1638 тарҷума шуда ва ба шоҳи темурии Ҳиндустон Шоҳҷаҳон ҳадя шудааст. Бо дастури Шоҳҷаҳон тайи солҳои 1047/1637-1638 Муҳаммад Афзалӣ Бухорӣ ҳаёт ва фаъолияти Темурро то охири умраш, яъне соли 807/1405 навиштааст. Ин нашри мукаммал «Малфузоти соҳибқирон» ном дорад. Дертар ин асар соли 1836 бо дастури амири Хуқанд Муҳаммадалихон (1822-1842) аз ҷониби Набиҷон Ҳотиф аз забони форсӣ ба забони ӯзбекӣ тарҷума карда шуд.

Адабиётшинос Э. Блоше ин китобро сохтакорӣ медонад ва бовар дорад, ки ин асарро худи Абутолиби Аризӣ дар асоси «Зафарнома»-и Низомуддини Шомӣ ва «Бобурнома»-и Бобур Мирзо ва дигар асарҳои таърихӣ навиштааст.

Муаррихи дарбори Темур Низомуддини Шомӣ, ки ба тамоми аснод ва мадорики расмӣ ва муътабари замони худ дастрасӣ доштааст, дар ин замина чизе намегӯяд.

Дар ҷойи дигар муаллифон қайд мекунанд, ки «…кишваркушоиҳои хунрезонаи Темур барои мо ҳаргиз мавриди ифтихор шуда наметавонад. Темур ҳарчанд бо сарвати аз кишварҳои дигар ба яғмо бурдааш ба ободии баъзе шаҳру вилоятҳои Осиёи Миёна кӯшидааст, вале ба чӣ баҳо ба даст даромадани ин ободкориҳоро фаромӯш набояд кард. Бинобар ин мо ҷаҳонгирии хунрезонаи Темурро маҳкум менамоем» [8, 153].

Ҳамзамон, Ибни Арабшоҳ дар бораи вайрону валангор кардани Систон аз ҷониби Темур чунин нигоштааст: «Ба ҳар ҷо биное дид, вайрон кард ва ба ҳар гӯша дарахту гиёҳе ёфт, аз реша барандохт. Дар тане тавоне ва аз чизе нишоне бар ҷо нагузошт:

На як нафас, к-аз вай барояд нафас,
На як додхоҳу на як додрас» [3, 55].

Дере нагузашта соли 1968 олими дигари ӯзбек И. Муминов рисолае зери унвони «Роль и место амира Тимура в истории Средней Азии в свете данных письменных источников» [4, 48] ба чоп расонд. Дар ин рисола муаллиф то он ҷое ки тавонистааст, Темурро барои «бунёдкориҳояш» ситоиш кардааст. Пас аз нашри ин рисола воқеан аз ҷониби як идда олимон А. П. Новоселтсев [10,3-20], аз ҷумла, олими узбек М. Абдураимов [1, 83-90], зери тозиёнаи танқид гирифта шуд.

Ё худ дар ҷойи дигар, чунин иброз медоранд: «Муаллиф…бо саъю кӯшиши тамом васфу тараннуми Темури ланг барин қотили гузаро ва яғмогарро оғоз кард, ки ҳанӯз ҳам поён наёфтааст» [12, 157].

Воқеан дар рисолаи Иброҳим Муъминов ваҳшониятҳо, куштору қатли ом ва вайрону валангор сохтани шаҳрҳо аз ҷониби Темур аз мадди назари олим дур монда, танҳо ба таърифу тавсифи ин золим пардохтаасту халос.

Пас аз интишори ин рисола, академик Аҳрор Мухторов бо супориши аллома Бобоҷон Ғафуров доир ба он низ мақолаи ҷавобӣ навишт, вале мутаассифона тавре ки худи муаллиф қайд кардааст, маҳз як идда олимони тоҷик садди роҳи нашри мақолаи ӯ гаштанд [5, 126].

Зимнан бояд ёдовар шуд, ки академик Аҳрор Мухторов дар асари дигари таърихии худ «Ҳисор. Очерки таърихӣ (охири асри XV-XX)» [7, 304], ки соли 1995 ба нашр расонд, ба бисёр паҳлуҳои норавшани ин давраи таърихӣ, хусусан аҳди Темуриён бо истифода аз сарчашмаҳои нави таърихӣ мавриди баррасӣ қарор додааст.

Бояд қайд кард, ки академик А. Мухторов дар баёни ҳаводиси ин давраи таърихӣ бештар ба асарҳои «Бобурнома»-и Бобур мирзо, «Шайбонинома»-и Муҳаммад Солеҳ, «Тоҷикон»-и Б. Ғафуров такя кардааст.

Муаллиф воқеъбинона қайд мекунад, ки «Дар асрҳои XV-XVI, Ҳисори Шодмон пойтахти вилояти калоне буд, ки бо дигар давлатҳои Мовароуннаҳр дар як радиф истода, гоҳ барои ишғоли мулкҳои ҳамсоя лашкар мекашид, гоҳ барои нигоҳ доштани истиқлолияти худ бо муваффақият мубориза мебурд» [7, 32].

Тибқи иттилои сарчашмаҳои таърихӣ мулки Ҳисор, хусусан дар аҳди зимомдории намояндагони хонадони Темуриён ба мавзеи муноқишаҳои ҳарбу зарби ин ё он ҳокимони дохил ва хориҷ мубаддал гардида буд. Дар чунин ҳолат аҳолии ин мулк дар зери зулму истибдоди аҷнабиён қарор дошт, хусусан барои ба даст овардани ҳокимият чаҳор маротиба лашкаркашии Бобур мирзо аз Хуросон ба Самарқанд. Ҳамзамон, муаллиф роҷеъ ба ҳокимони Ҳисор шуруъ аз нимаи дуюми асри XV сар карда чунин маълумот додааст.

Дар миёнаи асри XV ҳокими Ҳисор Қамбаралибек буд, ки дар тобеъияти Самарқанд қарор дошт. Ҳокими дигари мулки Ҳисор Маҳмуд мирзо буд. Тибқи иттилои Бобур Маҳмуд мирзо бисёр шахси золим ва бадахлоқ буд. Ӯ ҳангоми лашкаркашӣ ба Хуросон, аз ҷониби Ҳусайн Бойқаро шикаст хӯрда, ба назди бародараш султон Аҳмад, ки ҳокими Самарқанд буд, меояд. Дере нагузашта

султон Маҳмуд, ҳамроҳи як идда наздикони худ тарки Самарқанд карда, рӯ ба мулки Ҳисор оварданд. Дар ин вақт тибқи иттилои сарчашмаҳои таърихӣ ҳокими Ҳисор Қамбаралибек буд. Бо омадани султон Маҳмуд ба Ҳисор Қамбаралибек тарки ин мулк карда, рӯ ба гурез ниҳод.

Султон Маҳмуд мирзо бошад, бемуноқиша ҳокимияти Тирмиз, Чағониён, Ҳисор, Хутал, Қундуз ва Бадахшон, то қаторкӯҳи Ҳиндукушро ба зери тасарруфи худ медарорад [7,37]. Ҳамчунин пас аз вафоти бародари худ Аҳмад мирзо (1494) ҳокимияти Самарқандро низ ба зери тасарруфи худ медарорад.

Султон Маҳмуд мирзо ҳангоми дар Самарқанд ҳоким буданаш, писари худ султон Масъудро ҳокими Ҳисор таъйин кард. Зимни ҳукмронии султон Масъуд авзои сиёсии Ҳисор на ҳама вақт ором буд, зеро пайваста барои ба даст овардани ин мулк аз ҷониби як идда ҳокимон, хусусан Ҳусайн Бойқаро талошҳои зиёд ба амал омад.

Ҳусайн Бойқаро бо лашкариёни худ маҷбур мешавад, ки Ҳисорро ба муҳосира гирад.

Ҳусайн Бойқаро пас аз нокомиҳо маҷбур шуд, ки роҳи сулҳро пеша кунад. Тавре ки муаллиф қайд мекунад: «Султон Ҳусайн Бойқарои дар замони худ тавонотарин ва бузургтарин намояндаи хонадони Темуриён, Ҳисор ва Қундузро ду маротиба ҳам ишғол карда натавонист» [7, 40]. Тибқи иттилои сарчашмаҳои таърихӣ, воқеан аз ин задухӯрдҳо мардуми таҳҷоӣ зиёни зиёде дидаанд.

Бояд тазаккур дод, ки олимони ӯзбек дар замони истиқлолият таваҷҷуҳи бештар ба ҳаёт ва фаъолияти Темур ва Темуриён кардаанд. Бо ҳар роҳу восита то имрӯз саъю талош доранд, ки аз чеҳраи манфури Темур як «чеҳраи мондагор» барои насли оянда ва ҷомеаи ҷаҳонӣ бисозанд. Барои ин аз ҳама ҳақиқати таърихӣ сарфи назар доранд. Ҳол он ки дар аҳди Шуравӣ олими узбек А. Абдураҳимов дар асоси омӯзиши сарчашмаҳои хаттӣ мақолаи калонҳаҷмеро дар бораи ваҳшониятҳои Темур дар Мовароуннаҳру Хуросон ва дигар минтақаҳо нашр намудааст, ки дигар ҳеҷ зарурате нест, ки аз Темур як чеҳраи созанда бисохт.

Барои ҳалли масъалаи дигари баҳсталаб, дақиқ муайян кардани қабри Темур ақидаҳои мухталиф вуҷуд доштанд. Бояд қайд кард, ки устод Айнӣ яке аз шоҳидони бевоситаи канда шудани қабри Темур ва аҳли хонадони ӯ дар мақбараи Гӯри Амир буд, ки тафсилоти онро академик А. Мухторов дар рӯзномаи «Ҷумҳурият» таҳти унвони «Баъзе андешаҳо перомуни филми Темур» [9], муфассал баён намудааст.

Моҳи июни соли 1941 муҳаққиқон мехостанд мушаххас намоянд, ки Темур дар ҳақиқат дар мақбараи Гӯри Амир дафн шудааст ё на. Чунки Абдутоҳири Самарқандӣ дар асари худ «Самария» қайд намудааст, ки ҷасади Темур дар мақбараи Гӯри Амир вуҷуд надорад.

Тибқи иттилои муаллифи «Самария» гӯё Шоҳрух аз фавти падараш Темур огоҳ гашта, аз Ҳирот ба Самарқанд меояд ва ҷасади ӯро дар ҷойи дигар мегӯронад. Иддаи дигаре мегуфтанд, ки қабри Темур дар Утрор аст.

Бо ҳамин мақсад тахтасанги болои қабри Темурро, ки 240 пуд, ё ки 3840 киллограм вазн дошт мебардоранд. Ҳангоми кушодани қабр, ҳайати комиссия дар

тааҷҷуб монданд, чунки онҳо ҷасади Темурро на дар кафан, балки дар тобут дарёфтанд [11].

Садриддин Айнӣ, ки он вақт ҳамчун иштироккунандаи ҳафриёт дар кушодашавии қабри Темур ҳузур дошт, тааҷҷуби аъзои комиссия ва экспедитсияро аз нуқтаи назари таърихӣ чунин шарҳ медиҳад: «Одатан мусулмонҳо мурдагони худро бе тобут мегӯрониданд, аммо вақте ки наъшро аз ҷойи дур меоваранд, ҳатман барои он тобут месохтанд, то ки ҷасад дар вақти аз роҳҳои дур овардан маҳфуз монад» [11].

Аз суханони устод Айнӣ бармеояд, ки Темур на бо расму русуми мусулмонӣ, балки бо ойини муғулӣ дафн шуда буд. Дар эътиқоди ӯ дини ислом воситаи амалӣ сохтани мақсадҳои ғаразноки сиёсӣ маҳсуб меёфт.

Устод дар ин мақолаи худ роҷеъ ба суханпардозиҳои кинорежиссёри ӯзбек Қаюмов нисбат ба Темур, ки гӯё бо кушодани қабри ӯ Ҷанги Бузурги Ватанӣ оғоз шуд, бо факту далелҳои муътамади таърихӣ рад карданд.

Бояд гуфт, ки академик Аҳрор Мухторов дар асарҳои худ тавонистааст, ки ваҳшониятҳои дар қаламрави Мовароуннаҳру Хуросон содиркардаи Темурро бо истифода аз сарчашмаҳои таърихӣ воқеъбинона мавриди баррасӣ қарор диҳад.

АДАБИЁТ

1. Абдураимов М. А. Обзор литературы, посвящённой Тимуру и Тимуридам, изданной в Узбекистане в 1960-х годах /М. А. Абдураимов// История СССР. – 1973. – № 5 (сентябрь–октябрь). – С. 83-90.
2. Бартольд В. В. Мир Али Шир и политическая жизнь /В. В. Бартольд /Собрание сочинений. – М., 1964. – Т. II, ч. II. – С. 199-262.
3. Ибни Арабшоҳ. Зиндагии шигифтовари Темур (Аҷоибу-л-мақдур фӣ ахбори Темур) / Ибни Арабшоҳ; тарҷ. ба форсӣ Муҳаммад Алии Наҷотӣ. – Теҳрон, 1381 ҳ.ш. – 365 с.
4. Муминов И. М. Роль и место Амира Темура в истории Средней Азии в свете данных письменных источников /И. М. Муминов. – Ташкент, 1968. – 48 с.
5. Мухторов А. Академик Бобоҷон Ғафуров/А. Мухторов. – Душанбе: Ирфон, [год издания не указан]. – 183 с.
6. Мухторов А. Таърихи халқи тоҷик: китоби дарсӣ барои синфи 8 / А. Мухторов. – Душанбе: Маориф, 2016. – 303 с.
7. Мухторов А. Ҳисор: очеркҳои таърихӣ (охири асри XV – аввали асри XX) / А. Мухторов. – Душанбе: Адиб, 1995. – 304 с.
8. Мухторов А., Раҳим Ҳошим. Журнали «Гулистон», Алихон Соғунӣ ва Темури ланг / А. Мухторов, Ҳ. Раҳим// Садои Шарқ. – 1967. – № 10.
9. Мухторов А. Баъзе андешаҳо перомуни филми «Темур»/А. Мухторов // Ҷумҳурият. – 2004. – 8 май.
10. Новосельцев А. П. Об исторической оценке Тимура /А. П. Новосельцев // Вопросы истории. – 1973. – № 2. – С. 3-20.
11. Табаров С. Таърихи як ҳақиқат ё ҳақиқати як таърих /С. Табаров // Ҷумҳурият. – 2004. – 10 август.
12. Турсунов А. Қирони саъд /А. Турсунов. – Душанбе, 1986. – 157 с.
13. Якубовский А. Ю. Тимур (Опыт краткой характеристики) /А. Ю. Якубовский/ Вопросы истории. – 1946. – № 8-9. – С. 42-74.

ИНЪИКОСИ ВАҲШОНИЯТҲОИ ТЕМУР ДАР ОСОРИ АКАДЕМИК АҲРОР МУХТОРОВ

Дар мақола масъалаи инъикоси ваҳшониятҳои Темур дар осори илмии академик Аҳрор Мухторов мавриди таҳқиқ қарор гирифтааст. Академик Аҳрор Мухторов дар баробари омӯзиши фарогири таърихи халқи тоҷик, дар як қатор асарҳои худ ба бознигарии интиқодии шахсият ва фаъолияти ҳарбӣ-сиёсии Темур таваҷҷуҳи махсус зоҳир намуда, паёмадҳои иҷтимоӣ ва фарҳангии лашкаркашиҳои ӯро мавриди таҳлил қарор додааст.

Тибқи таҳқиқоти муаллиф, дар давраи шуравӣ бархе аз олимони ӯзбек кӯшиш намудаанд, ки чеҳраи таърихии Темурро дар қолаби «созанда» ва «бунёдкор» муаррифӣ намоянд ва бо ин роҳ асари маъруфи «Тузукоти Темурӣ»-ро ба қалами худи Темур мансуб донанд. Ба андешаи А. Мухторов, чунин бархӯрд хусусияти ғаразнок дошта, бо маълумоти сарчашмаҳои муътамади таърихӣ мувофиқат намекунад.

Академик Аҳрор Мухторов бо такя ба доираи васеи маъхазҳои таърихӣ ва солномаҳо собит месозад, ки лашкаркашиҳои Темур бо харобкориҳои густарда, хунрезиҳои оммавӣ ва вайрону валангор гардидани шаҳрҳо ҳамроҳ буданд. Дар ҳамин замина, ӯ беасос будани нисбат додани асари «Тузукоти Темурӣ»-ро ба Темур таъкид намуда, онро маҳсули дертар ва дур аз воқеияти таърихӣ мешуморад.

Муаллиф ҳамчунин мавқеи он муҳаққиқонеро, ки бо сарфи назар аз далелҳои қатлу куштор, зӯроварӣ ва харобсозии минтақаҳои васеъ, танҳо ба ситоиш ва тавсифи Темур пардохтаанд, мавриди интиқоди ҷиддӣ қарор медиҳад ва чунин равишро мухолифи принсипҳои беғаразӣ ва воқеънигарии илмӣ арзёбӣ менамояд.

Дар маҷмуъ, осори академик Аҳрор Мухторов дар асоси таҳлили муфассали сарчашмаҳои таърихӣ паҳлӯҳои гуногуни аҳди Темуриён, аз ҷумла равандҳои ҳарбӣ-сиёсӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангиро равшан месозад. Ҷойгоҳи муҳим дар таҳқиқоти ӯ ҳамчунин ба баёни мавқеи илмии муаллиф оид ба масъалаи муайян намудани макони дафни Темур ихтисос ёфта, ки бар пояи таҳлили манбаъшиносӣ ва баррасии историографӣ пешниҳод гардидааст.

Калидвожаҳо: *Аҳрор Мухторов, Темур, ваҳшоният, хунрезӣ, лашкаркашӣ, сарчашма, муаллиф, асар, Ҳисор, Хуросон, шаҳр.*

ОТРАЖЕНИЕ ЗЛОДЕЯНИЙ ТИМУРА В ТРУДАХ АКАДЕМИКА АХРОРА МУХТОРОВА

В статье анализируется проблема отражения злодеяний Тимура в научных трудах академика Ахрора Мухторова. Наряду с фундаментальными исследованиями по истории таджикского народа, А. Мухторов в ряде своих работ уделял особое внимание критическому осмыслению личности и военно-политической деятельности Тимура, акцентируя внимание на последствиях его завоевательных походов.

Как показывает анализ трудов исследователя, в советский период отдельные узбекские учёные предпринимали попытки сформировать «конструктивный» и

идеализированный образ Тимура, приписывая ему авторство сочинения «Тузукоти Тимури» и интерпретируя его деятельность преимущественно в позитивном ключе. Подобный подход, по мнению А. Мухторова, носил тенденциозный характер и не соответствовал данным достоверных исторических источников.

Опираясь на широкий круг письменных свидетельств и хроник, академик Ахрор Мухторов убедительно показывает, что военные кампании Тимура сопровождались масштабными разрушениями, массовыми кровопролитиями и разорением городов. В этой связи он подчёркивает научную несостоятельность приписывания Тимуру авторства «Тузукоти Тимури», считая данное произведение более поздней компиляцией, не имеющей прямого отношения к самому завоевателю.

Исследователь также критически оценивает позицию авторов, которые, игнорируя факты насилия, резни и уничтожения целых регионов, ограничивались односторонним восхвалением Тимура, тем самым искажая историческую реальность и нарушая принципы научной объективности.

В целом, в трудах академика Ахрора Мухторова на основе анализа исторических источников освещаются различные аспекты эпохи Тимуридов, включая военно-политические, социальные и культурные процессы. Особое место в его исследованиях занимает и авторская позиция по вопросу локализации могилы Тимура, где он выдвигает аргументированные суждения, опираясь на источниковедческий анализ и данные историографии.

Ключевые слова: *Ахрор Мухторов, Тимур, жестокость, кровопролитие, военный поход, источник, автор, произведение, Хисар, Хорасан, город.*

REFLECTION OF TIMUR'S ATROCITIES IN THE WORKS OF ACADEMICIAN AKHRAR MUKHTOROV

The article analyzes the problem of reflecting Timur's atrocities in the scholarly works of Academician Akhrar Mukhtorov. Alongside his fundamental studies on the history of the Tajik people, A. Mukhtorov devoted particular attention in a number of his works to the critical reassessment of Timur's personality and military-political activities, with special emphasis on the consequences of his conquest campaigns.

An analysis of the scholar's works demonstrates that during the Soviet period certain Uzbek researchers attempted to construct an idealized and "constructive" image of Timur, attributing to him the authorship of the treatise «*Tuzukot-i Timuri*» and interpreting his activities predominantly in a positive light. According to A. Mukhtorov, such an approach was tendentious in nature and did not correspond to reliable historical evidence.

Drawing on a wide range of written sources and chronicles, Academician Akhrar Mukhtorov convincingly demonstrates that Timur's military campaigns were accompanied by large-scale destruction, mass bloodshed, and the devastation of cities. In this context, he emphasizes the scholarly untenability of attributing the authorship of «*Tuzukot-i Timuri*» to Timur, considering the work to be a later compilation with no direct connection to the conqueror himself.

The researcher also critically evaluates the position of those authors who, ignoring the facts of violence, massacres, and the destruction of entire regions, focused exclusively on glorifying Timur, thereby distorting historical reality and violating the principles of scholarly objectivity.

Overall, the works of Academician Akhrar Mukhtorov, based on a thorough analysis of historical sources, illuminate various aspects of the Timurid era, including its military-political, social, and cultural dimensions. A special place in his research is also occupied by his reasoned position on the issue of identifying Timur's burial site, formulated on the basis of source-critical analysis and historiographical evidence.

Key words: *Akhror Mukhtorov, Timur, cruelty, bloodshed, military campaign, source, author, work, Hisar, Khorasan, city.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Аҳмадхон Амрохон Муродзода - доктори илмҳои таърих, дотсент, директори Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. Телефон: (+992) 918-81-81-86, E-mail: *murodzoda2025@gmail.com*

Сведения об авторе: Ахмадхон Амрохон Муродзода - доктор исторических наук, доцент, директор Института истории, археологии и этнологии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Тел.: (+992) 918-81-81-86, E-mail: *murodzoda2025@gmail.com*

Information about the author: Akhmadkhon Amrokhon Murodzoda - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Director of the A. Donish Institute of History, Archaeology, and Ethnology of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Tel.: (+992) 918-81-81-86, E-mail: *murodzoda2025@gmail.com*

УДК 930.85:75 (560+575)

МИНЁТУРҲОИ АСРИМИЁНАИ ЭРОНУ ОСИЁИ МАРКАЗӢ ҲАМЧУН САРЧАШМАИ ТАЪРИХӢ

МУҲИДИНОВ С. Р.,
Донишгоҳи славянии Россия ва Тоҷикистон

Санъати тасвирии бостонӣ ва асримиёнаи Эрону Осиёи Марказӣ дар маҷмуи санъати ҷаҳонӣ мақоми шоиста доранд. Санъати тасвирии аҷдоди тоҷикон чун таърихи он хеле бостонӣ ва пуробу ранг аст. Тасвирҳои рӯйи санг (сангнавиштаҳо ё петроглифҳо) санъати давраи палеолит буда, асосан дар аҳди бостон дар болои кӯҳу камар, сангҳо бо ранг кашида шуда ё кандакорӣ шудаанд.

Мувофиқи ривоятҳо нахустин сайёд нахустин рассом низ будааст. Тасвирҳои рӯйи санг, яке аз бахшҳои ҷолиби санъати тасвирӣ буда, дар онҳо лаҳзаҳои шикор, маросимҳои мухталифи одамони ибтидоӣ инъикос ёфта, бо хусусияти хеш, сабк ва бостонӣ будан, аҳаммияти беҳамто доранд ва шаҳодат додаанд, ки минтақаҳои Осиёи Марказӣ, бахусус Тоҷикистони имрӯза макони пайдоиши одамони қадим будааст. Илова ба ин, тасвирҳо ба сифати сарчашмаи таърихӣ санъати волои рассомони қадим, тарзи зиндагӣ, маросимҳо, тасаввуроти одами ибтидоӣ, суннату эътиқод, мавҷудияти набототу ҳайвонот, пайдоиши олоти меҳнат, шуғли чорводориву кишоварзии аҷдодонамонро муайян кардаанд.

Перомуни аҳаммияти сарчашмаи таърихӣ доштани онҳо солҳои 50-80-уми миёни олимони дунё баҳсу мунозираҳои зиёде барпо шуда буд. Масалан, олими рус А. А. Формозов [16] ва як гурӯҳи муҳаққиқон ба он ақида буданд, ки тасвирҳои рӯйисангии Осиёи Миёна ба давраи ибтидоӣ, бахусус неолит ва биринҷ тааллуқ доранд. Гурӯҳи дигар иброз медоштанд, ки тасвирҳои рӯйисангии Осиёи Миёна ба давраи нисбатан дертар, яъне ба давраи оҳани барвақтӣ мутааллиқ мебошанд. Дар ин мунозираҳо бостоншинос аз Тоҷикистон, узви вобастаи Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, доктори илмҳои таърих, профессор В. А. Ранов, ки кашфи нахустин тасвирҳои рӯйисангии Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон ба ӯ тааллуқ доранд, ақидаи охиринро ҷонибдорӣ карда буд [14,163-165].

Ҳамин тавр, тасвирҳои рӯйи санг барои олимон имрӯз сарчашмаи нодир мебошанд. Зеро ҳангоми навиштани таърихи давраи бостонии халқи тоҷик, ин маълумотҳо мавриди истифода қарор гирифтаанд ва боз ҳам хоҳанд гирифт.

Дар қатори тасвирҳои рӯйи санг, тасвирҳои рӯйи девор (дар баъзе ҷойҳо деворнигораҳо навишта шудаанд, С. М.) низ аҳаммияти муҳимми сарчашмавӣ доранд. Имрӯз ба онҳо бостоншиносон, муаррихон ва санъатшиносон ба сифати манбаъ назар мекунанд. Хусусияти фарққунандаи онҳо низ, маҳз бевоситаи ба чашми хеш дидани онҳо мебошад. Тасвирҳои рӯйи девор - тасвирҳо ва наққошиҳое, мебошанд, ки бо ранг рӯйи деворҳои пластикоришуда, шифтҳо ё матоъ ва коғаз кашида шудаанд ва бо жанри суратгарии монументалӣ ворид мегарданд. Дар ҳудуди Тоҷикистон ин ёдгориҳои санъати тасвирӣ хеле зиёд кашф шудаанд. Бавижа тасвирҳои рӯйи девори Панҷакент дар илми ҷаҳонӣ ҳамчун як кашфиёти бузург эътироф шудааст. Тибқи хулосаи академики маъруф А. Ю. Якубовский «шубҳае нест, ки дар санъати тасвирии Панҷакент ва ороишҳои муосири он дар Варахша муаррихи минётурҳои тоҷикӣ, ӯзбекӣ ва форсӣ марҳалаи қаблии рушди санъати феодалиро дар Шарқи Миёна бозгӯ месозад» [18,20-21].

Тасвирҳои рӯйи девор низ ба мисли сангнавиштаҳо муҳимтарин сарчашмаҳои таърихии замони асри миёнаи барвақтӣ ҳисоб меёбанд ва аз нигоҳи сабки офариниши бадеӣ дар санъати тасвирии ҷаҳонӣ беҳамто мебошанд.

Аз ин лиҳоз, бояд зикр намуд, ки намудҳои мухталифи ҳунари тасвирӣ бо ҳамдигар пайвандӣ доштанд ва дар рушду такомули ҳамдигар таъсир мерасониданд.

Дар қатори сангнавиштаҳо ва тасвирҳои рӯйи девор дар асрҳои миёна, наққошӣ ва минётурнигорӣ рушду такомул ёфта, ба сифати сарчашмаи таърихӣ мақоми хосса касб кардаанд. Онҳо бештар ба китобҳои дастнавис мансубият до-

ранд. Ороиши китобҳои дастнавис дар Эрон ва Осиёи Марказӣ маҳз дар асрҳои XIV - XVI ба авҷи аълои инкишофи худ расида буд. Адабиёти классикии тоҷику форс дар инкишофи ороиши дастнавис таккони муҳим дошт. Марказҳои асосии китобат ва ороиши дастнавис дар шаҳрҳои қаламрави Эрон: Табрез, Қазвин, Исфаҳон, Шероз ва ғайраҳо, дар Осиёи Миёна бошад -Самарқанд, Бухоро, Шоҳрухия, Хива, Дарвоз, Ҳисор ва ғайраҳо фаъолият менамуданд. Дар китобат ва ороиши онҳо воҳиди пурраи устодон аз ҷумла: хаттотон (хушнависон), минётурнигорон, наққошон, саҳҳофон, музаҳҳибон ва ғайраҳо заҳмат мекашиданд.

Минётура - намуди ҳаҷман хурд, вале мустақили санъати тасвирии асри миёна буда, аслан ба мазмуни китоби дастнавис вобастагӣ дорад. Аз ин лиҳоз, он бо ҳаҷми худ, забони сабк ва услубҳои таркибии хеш аз дигар жанрҳои суратгарӣ тафовут дорад. Бо минётур аслан рисолаҳои илмӣ, асарҳои таърихӣ, адабӣ, аҳён-аҳён китобҳои динӣ ороиш дода мешуданд. Минётура дорои жанрҳои мухталиф – манзара, чеҳра, лаҳзаҳои базмиву размӣ буда, ҳангоми офариниши онҳо ранги обӣ, равғанӣ, тилло, нуқра ва ғайраҳо истифода мешуд.

Ранги симобии сурхи рӯшанро «киновар» меноманд, маҳз аз ҳамин унвони «минётура» гирифта шудааст [11,13].

Сифату самараи ороиши китоб ва мақому манзалати он бошад, аз бисёр ҷиҳат ба фаъолияти минётурнигор вобастагӣ дошт. Агар хаттот (хушнавис) дар дастнавис ҷойи минётурро муайян менамуд, рассом-минётурнигор оришу шакли китоби дастнависро нишон медод.

Акнун ба суоли оё минётурҳои китобӣ метавонанд сарчашмаи таърихӣ бошанд, мувофиқи маълумотҳо посух хоҳем дод.

Мутахассисоне, ки ба ин ёдгориҳои нодири асри миёна таваҷҷуҳ кардаанд, дар асарҳояшон перомуни минётураҳо ҳамчун сарчашмаи таърихӣ, андешаҳои ҷолиб пешкаш намудаанд.

Доктори илмҳои санъатшиносӣ, собиқ мудири шуъбаи фарҳангшиносии Институти шарқшиносии Академияи илмҳои Россия, профессор Ш. М. Шукуров ба муҳаққиқ К. Вайсман ишора намуда, чунин навишта буд:"Аввал ин ки худи минётурҳо наметавонанд бе матни адабӣ баррасӣ гарданд; дувум, таҳлили бадеии минётур дар муқоиса бо таҳлили матншиносӣ метавонад дар хусуси он, ки чӣ гуна дар замонҳои мухталифи таърихӣ мазмуни матнро дарк менамуданд, маълумоти дақиқ диҳад» [18, 34].

Бо назардошти усули таърихият ва таҳлили муқоисавӣ доктори илмҳои санъатшиносӣ М. М. Ашрафӣ изҳори ақида кардааст, ки «ҳама гуна натиҷагирӣ нисбат ба пайдарҳамӣ, инкишофи сабк, мақоми ин ва ё он мактаб ҳамон вақт қиммат пайдо менамоянд, агар онҳо дар пояи устувори сарчашмашиносӣ ва ёдгориҳои амиқи то мо омадарасида, ба вижа маҳаллӣ асос ёфта бошанд» [2,14-15].

Муҳаққиқ Н. Белинская дар зимн навиштааст, ки «андешаҳои мо дар бораи самтҳои санъат ва фарҳанги моддии Осиёи Миёна аз бисёр ҷиҳат бо асарҳои санъати минётурӣ пурра мегарданд. Новобаста аз шартӣ будани тасвири минётурӣ, сюжетҳои афсонавӣ, ки хаёлоти бой ва тасвири бадеии устоди асримиёнаро нишон медиҳад, мо метавонем ба пуррагӣ ёдгориҳои бадеӣ ва меъморӣ, сару либос, ас-

бобҳои маишӣ, ки дар он давра воқеан вуҷуд доштаанд, тавассути минётура дида тавонем. Устоди мӯқалам, ки Рустамнома ё лашкаркашиҳои Искандари Мақдунӣ ё ривоятҳои Баҳроми Гӯрро дар қасрҳои афсонавӣ тасвир кардааст, воқеъан одамони ҳамон давра будаанд. Кашидаҳояшон маҳз ба онҳо мансубият доштаанд. Он ҳолати воқеӣ буд...» [4,91-110].

Тибқи хулосаи муҳаққиқ, минётур метавонад ба ҳайси сарчашмаи омузиши санъати тасвирии гузашта, дар пайдо намудани қисматҳои гумшудаи занҷираи инкишофи санъати халқи тоҷик мадад расонад. Муаллиф меафзояд, ки сарчашмаи омӯзиш метавонанд мактабҳои минётурнигории Ҳирот, самарқандӣ - бухороӣ, эронӣ, ки бо вуҷуди аз лиҳози вижагии бадеият тафовут доштанд, аммо дар як самт бо санъати тасвирии Шарқи мусулмонӣ рушд мекарданд. Муаллиф мисолҳои зиёде меорад, ки аз сарчашмаи таърихӣ будани минётурҳо дарак медиҳанд [4,91-110].

Ховаршиноси тоҷик Камол Айнӣ аз дастнависи девони Бадриддин Ҳилолӣ аз ганҷинаи Шуъбаи дастнависҳои шарқи Институти ховаршиносии АИ ИҶШС дар Ленинград (ҳоло Санкт-Петербург) акси сиёҳқалами се ҳайвони ваҳшӣ магар, ки шер ё бабрро мавриди таҳлил қарор дода, ҳамзамон менависад, ки «аксҳои ба сифати сиёҳқаламии асри XVI кашидашуда амали рассом бо нозукиҳои фавқулодааш фарқ мекунанд. Ҳолати акси ду ҳайвони ваҳширо таҳқиқ намуда, муаллиф менависад, ки бераҳмӣ ва ғазаби онҳо аз ҷониби рассом устокорона тасвир шудааст. Инчунин муҳаққиқ ба акси графикии ду зан таваҷҷуҳ намуда, навиштааст, ки ба онҳо ғайри арзишҳои бадеӣ, боз аз нуқтаи назари мардумшиносӣ диққат бояд дод. Дар яке аз қабилаҳо либоси болопӯши занона, шояд, ки «расмӣ» бошад, баръало намоён аст – ороиши мӯйи зан аз ороиши муқаррарӣ фарқ мекунад [1,34-40].

Аз гуфтаи муаллиф бармеояд, ки тавассути минётураҳо на танҳо аз нафосату таровати бадеӣ, ҳунари волои рассом огаҳӣ меёбем, балки онро ба ҳайси сарчашма истифода бурда метавонем.

Тибқи хулосаи муаллиф, дар асоси аксҳо ва суратҳои сиёҳқаламии дастнавис (чеҳраҳо, лаҳзаҳои жанрӣ ва ғайраҳо) устодони мумтози мактаби Ҳироти асрҳои XV – XVI бояд бо боварӣ дар бораи мавҷудияти мактаби инкишофёфтаи мустақили сабки сиёҳқаламӣ, нозукиҳои ин санъати бадеӣ ва маҳорати баланди рассомон, ки бешак мавҷудияти суннатҳои қадимаро тақозо мекунанд, сухан ронд [1,40].

Ҳамин тавр, аз афкори олимон бармеояд, ки минётураҳо дар ҳама ҳолат сарчашма шуда метавонанд, зеро худи мавҷудияти онҳо таърих аст.

Таҳлили бадеии минётура танҳо дар ҳамбастагӣ бо мазмуни асар амалӣ мегардад. Тавассути минётура на танҳо аз мавҷудияти санъати тасвирӣ иттило хоҳем ёфт, балки ҳамчун сарчашмаи таърихӣ аз ҳаёти иҷтимоӣ, сиёсӣ, фарҳангӣ ва воқеоти таърихии давраи муайян маълумоти нодир хоҳем гирифт. Маҳз ҳамин ҷанба ба муҳаққиқони гуногун имкон дод, ки ба паҳлӯҳои мухталифи наомӯхтаи таърихи тоҷикон равшанӣ андозанд [11,88-89].

Дар минётуршиносӣ эътироф шудааст, ки беш аз ҳама минётурҳо ба нусхаҳои «Шоҳнома» - и безаволи Абулқосим Фирдавсӣ кашида шудаанд.

Дар нусхаи машҳури «Шоҳнома» -и соли 1333, ки дар Китобхонаи миллии Россия маҳфуз аст, шумораи минётурҳо зиёданд, ки аслан мавзуъҳои таърихиро дар бар мегиранд. Дастнависи мазкур ҳанӯз аз солҳои 30-юми асри XX манбаи омӯзиши илмии олимони ховаршиноси Иттиҳоди Шуравӣ қарор гирифта буд.

Академик Б. Дорн, ховаршиносони шинохтаи рус ва хориҷӣ Б. Денике, Л. Гюзалян, М. Дяконов, И. Шукин, олимони тоҷик Л. Айнӣ, Ш. Шукуров, М. М. Ашрафӣ ва дигарон нисбат ба ин дастнавис ва минётурҳои он таҳқиқоти пурарзиш анҷом додаанд. Тибқи навиштаи И. Шукин минётурҳо ва ороиши онҳо ба сабки шерозӣ тааллуқ доранд. Минётурнигорон бештар аз мазмуни достонҳои «Шоҳнома» илҳом гирифтаанд [9,48].

Академики маъруф, алломаи Машриқзамин Бобоҷон Ғафуров менависанд, ки «Дар нусхаи «Шоҳнома» -и соли 1429/30 дар Китобхонаи Бойсунқар китобатшуда бист минётуре, ки чанд нафар ҳунармандон сохтаанд, мавҷуд аст.

Муҳаққиқон онҳоро аз беҳтарин намунаҳои марҳалаи аввали равнақи мактаби минётурсозии аҳди темурӣ ба қалам додаанд. Нафисию мавзунӣ, балки зарифии сурат, равшании ранг ва қисматбандии махсус, ҳатто дар мавзуъҳои «расмӣ» ҳам ҷиҳати фарққунандаи ин минётурҳоро ташкил менамоянд» [5,681].

Муаррихи мумтоз албатта дар назар доштанд, ки ҳар яки ин ёдгориҳо сарчашмаи нодири муайянсозии таърихи ин давра мебошанд. Маҳз вожаи «расмӣ»- ро овардан, аз он шаҳодат медиҳад, ки минётурҳо на танҳо аз базму разму, сару либос, балки аз ҳаёти аъёну ашрофон маълумоти нодир медиҳанд. Воқеан, академик Бобоҷон Ғафуров дар таҳлили асарҳои санъати тасвирӣ, даврабандӣ ва рушду такомули онҳо дониши комил доштанд. Умуман гирем, марҳалаҳои асосӣ, хусусиятҳо, равияҳо ва равандҳои эҷодии мактабҳои минётурии охири асри XV ва ибтидои асри XVI Ҳирот, Самарқанду Бухороро чун санъатшинос медонистанд ва онҳоро дар асарҳояш ҳамчун сарчашма истифода мекарданд [7,21-22].

То имрӯз нусхаҳои мухталифи «Шоҳнома» дар китобхонаҳои дунё маҳфузанд, ки аксарияташон мавриди омӯзиш қарор гирифтаанд.

Масалан, нусхаи «Шоҳнома» -и Китобхонаи миллии Тоҷикистон бо сабку услуби китобат, нигориш, минётураҳои дилкаш, нақшу нигори воло аз нусхаҳои дигар ганҷинаҳо фарқ менамояд. Тибқи маълумот «Шоҳнома»- и китобхона дар маҷмуъ 460 варақ дошта, ба нимаи дуюми асри XVI ва аввалҳои асри XVII тааллуқ дорад.

Хаттот, Муҳаммад Боқир ибни Муртазо ал-Ҳусайнӣ ал Истамбулӣ буда, бо хати настаълиқ китобат шудааст. «Шоҳнома» 21 адад минётурҳои ҷаззоб дорад, ки бо вуҷуди баъзе ноаёнии лаҳзаҳо диққатҷалбкунанда мебошанд.

Ҳар як минётур бо обу ранги хос лаҳзаҳои ҷолиби достонҳои асарро тасвир кардаанд. Дар онҳо бештар лаҳзаҳо аз ҳаёти қаҳрамони достонҳои «Шоҳнома» – Рустам, лаҳзаҳои разм, набард, шикор, базм ва монанди инҳо инъикос ёфтаанд. Дар дастнавис минётурҳои «Набарди Рустам», «Рафтани Сиёвуш ба ҷониби оташ», «Омадани шоҳ Ковус аз Ҳамоварон ба Эрон ва нома фиристодан ба Афросиёб», «Гуштӣ гирифтани Рустам бо Пӯлодванди дев», «Разми Фарибурзи Ковус бо Кулбоди Виса», «Куштани Баҳром аждаҳоро» ва ғайраҳо инъикос ёфтаанд.

Муаллифи ин сатрҳо, минётурҳои ин нусхаи «Шоҳнома» - и Китобхонаи ҳамаҷониба миллиро таҳқиқ ва баррасӣ намуда, соли 2005 тавассути созмонҳои байналмилалӣ «Тақвим» - ро бо пешгуфтори хеш ва минётурҳо ба чоп расонида буд [19,15].

Ҳангоми таҳлил мо ба хулосае омадем, ки минётурҳо аз ҷониби минётуранигорон дертар кашида шуда бошанд ҳам, вале бо сабку ҷаззобии хеш аз асарҳои дигар нусхаҳои «Шоҳнома» хеле фарқ мекунанд. Дар достонҳо баъзе унсурҳое ҳастанд, ки интихоби онҳо аз борикбинии рассом вобастагӣ доранд. Аз ин лиҳоз, дар ҳар як минётура ҷавҳаре ҳаст, ки барои муаррих сарчашма шуда метавонад. Мазмуну муҳтавои достонҳо фарроханд. Бо вуҷуде, ки аксаран ҷойи минётураро дар дастнавис хаттот муайян месохт, минётуранигорон лаҳзаҳоро мустақилона интихоб намуда, минётураҳои ҷаззоб меофариданд. Аз ин бармеояд, ки ҳар як рассом дар хирвори таърих як дона ворид менамояд.

Агар мо ба эҷодиёти рассом - минётурнигори бузурги тоҷик Камолиддини Беҳзод муроҷиат намоем, пас ба андешае меоем, ки кулли асарҳояш хислати таърихӣ дошта, дар онҳо лаҳзаҳои разму базм, манзараҳои маишӣ, чеҳраҳои одамони мухталифхислат бо фасоҳат ва пуробуранг тасвир ёфтаанд.

Бахусус, дар «Зафарнома» -и Шарофиддини Яздӣ, ки соли 1467 китобат шудааст, Камолиддини Беҳзод ҳолатҳои гуногуни таърихӣ, лаҳзаҳои разм, қабули дарборӣ, муҳосираи шаҳрҳоро тасвир намуда, бидуни мазмуни асар, далелҳои таърихӣ меорад. Масалан, дар «Муҳосираи қалъаи Хива» рассом лаҳзаҳои нисбатан ҳассоси муҳорибаро нишон дода, чӣ тавр ҳифз намудани қалъа ва аз деворҳо даромадани душманонро тасвир менамояд.

Магар асари «Сохтмони масҷиди ҷомеъи Самарқанд» асари таърихӣ нест? Ҳар як иморат вазифа ва ҷою макони худро дорад. Ҳар як ҳаракати онҳо як ҷаҳон маънӣ дорад. Аз ин ҷост, ки дар минётурнигории Шарқ Камолиддин Беҳзодро нахуст мусаввири лаҳзаҳои маишӣ, ба вижа раванди кори заҳматкашон дар сохтмон медонанд. Дар асари зикршуда, рассом лаҳзаҳоеро тасвир менамояд, ки минбаъд аз онҳо муаррихон далели таърихӣ меҷӯянд.

Дар офариниши чеҳра низ устод Камолиддин Беҳзод хеле мумтоз буданд. Чӣ тавре, ки маълум аст, вай чеҳраҳои ашхоси гуногунро офаридааст, ки минбаъд онҳо ба ҳамон шакл ба таърих ворид шудаанд. Инҳо чеҳраҳои султон Ҳусайн Бойқаро, Алишери Навоӣ, Ҳоҷӣ Маҳмуд, Шайбонихон ва ғайраҳо ҳастанд, ки минётурнигор хислат, ботин ва зоҳири берунии онҳоро ҳақиқатнигорона тасвир кардааст. Масалан, Беҳзод дар симои Ҳусайн Бойқаро шарҳи амиқи ҳокими Ҳирот, босалобатии сару либос, афту андом, ҳаракати дастон ва ғайраҳоро моҳирона ва ҳақиқӣ тасвир кардааст. Агар онро бо гуфтаҳои Бобур, ки шарҳи хислатҳои Ҳусайн Бойқароро чун муаррих ва ҳамтабор тасвир кардааст, муқоиса намоем, тафовут кам аст.

Бобур навиштааст: «Султон Ҳусайн қадбаланд, чашмонаш танг мисли шер, поён аз миён борик буд, новобаста аз солхӯрдагӣ ва риши сафед, мирзо абрешими рӯшани сурху сабз мепӯшид...Вай сергап ва шахси вақтхуш буд...» [12,122].

Чеҳраи Шайбонихонро низ устод Беҳзод бо тамоми нозукиҳояш аз асл (натура) тасвир кардааст. На ба ҳар рассом муяссар мегардид, ки рӯ ба рӯ бо ҳокимон нишаста, чеҳраи онҳоро бикашад. Дар чеҳраи Шайбонихон кулли хислатҳои ботинии ҳоким тасвир шудааст, ки имрӯз ҳамчун як сарчашмаи таърихӣ мебошад.

Минётураи «Муҳориба дар назди девори Самарқанд аз маҷмуаи ҳуҷҷатҳои Темуриён (миёнаи солҳои 1405-1409 Самарқанд)» [13,56], - ро санъатшиносон Г. Пугаченкова ва О. Галеркина таҳлил намудаанд. Пас аз марги Темур, ки миёни авлодон мубориза барои ҳокимият оғоз гардида буд, шаҳри бостонии Самарқандро набераи ӯ Халил-Султон идора мекард.

Миниатюра лаҳзаи ҳифзи қалъаи Самарқандро тасвир кардааст. Дар марказ худи Халил-султон аст, ки дар манора аз камон ба душман тир меандозад. Аз назари муаллифон, ин минётура хислати таърихӣ дошта, ба ҳайси санад аз давраи гузаштаи пуршӯр хизмат мекунад. Дар он чеҳраи яке аз Темуриён, девори қалъаи пойтахти Темуриён, акси ҷанговарон ва аҳолии шаҳри Самарқанд, либосу калапӯши онҳо низ тасвир ёфтаанд, ки дар таҳлилу амиқсозии баъзе минётурҳои беимзо хизмат хоҳанд кард.

Минётураҳои «Зафарнома» -и Шарофиддини Яздӣ (аз дастнависи Самарқандии асри XVII) низ, ки онро академик А. А. Семёнов таҳқиқ кардааст, бештар ба мавзуи муҳорибаҳо бахшида шуда, аҳаммияти таърихӣ низ дорад [15,3-16].

Дар оғози китоб чеҳраи Темур инъикос ёфтааст. Муҳаққиқ Н. Г. Малитский тахмин кардааст, ки чеҳраи Темурро касе кашидааст, ки Темурро дар солҳои охири ҳаёташ хуб медонистааст. Дар як минётур лаҳзаи муҳориба, муҳосираи Ҳирот аз ҷониби Темур инъикос ёфтааст. Ҳиротиёни диловар шаҳри худро муҳофизат намуда, бо Темур муқобилият нишон додаанд. Сарчашмаи таърихӣ будани ин минётур дар он зоҳир мегардад, ки дар ҳама ҷо аз омадани Темур ба воҳима афтода, таслим мегардиданд. Аммо ҳиротиёни диловар, ки аксар тоҷикон буданд, шаҳри худро на танҳо ҳифз, балки ба душманон муқобилият нишон додаанд.

Дар минётури дигар, ки ба мавзуи таърихӣ бахшида шудааст, лаҳзаи ба дарвозаҳои Систон наздик омадани Темур ва ба пешвози ӯ баромадани ашрофони он, ки ба Темур итоат ва андозсупории хешро баён менамуданд, инъикос ёфтааст. Аммо замоне, ки Темур бо онҳо суҳбат меоросот, ногаҳон аз дарвозаҳои қалъа систониҳо бо лашкар баромада, ба Темуриён ҳуҷум карданд. Муҳорибаи сахт ба вуқуъ пайваст. Минётурнигор бо вуҷуди он, ки «Зафарнома» -и Шарофиддини Яздӣ ба муҳорибаҳои Темур бахшида шудааст, вай мардуми озодихоҳи Сиистонро диловар тасвир менамояд. Он лаҳзаҳое, ки дар таърих омадааст, ин минётура онро тақвият дода, лаҳзаҳои таърихии навро тасвир менамояд [15,5-6].

Асари таърихии нимаи аввали асри XVI «Таърихи Абулхайр-хонӣ» муаллифаш Масъуд ибни Усмони Кӯҳистонӣ аз маҷмуаи Институти шарқшиносии Академияи илмҳои Ҷумҳурии Узбекистон 28 минётур дорад. Ин минётурҳо на танҳо аз лиҳози бадеият ва риояи қонуниятҳои тасвир, балки ҳамчун сарчашмаи таърихиву мардумшиносӣ шинохта шудаанд.

Муҳаққиқ В. Г. Долинская дар хусуси сарчашмаи таърихӣ будани онҳо навиштааст: «Ба воситаи онҳо сарчашмаи муайянсозии анъанаву суннатҳои асри миёнаи барвақтӣ оид ба либоспӯшӣ, матоъбофӣ, сару либоси дарбориён, низомиён, сарватмандон, мардону занон ва хизматгорон, лаҳзаҳои разму базм, муносибатҳои дипломатӣ ва ғайраҳо эътироф шудаанд. Ғайр аз ин, равандҳои ҷудогонаи китобат ва ороиши бадеии китобҳои дастнависи асри миёна, фаъолияти мактабҳо, устохонаҳо, китобхонаҳо, мақоми хаттотон, наққошон, минётурнигорон ва дигар устодоне, ки дар офариниши дастнависи мукаммал ширкат кардаанд, мавриди таҳлилу баррасӣ қарор гирифтанд» [6, 31-56].

Бояд хотирнишон сохт, ки сарчашмашиносон ба қиммати сарчашмавии ёдгориҳои санъати тасвирӣ таваҷҷуҳи беандоза зоҳир намуда, ҳангоми арзёбӣ онҳоро дар фанни «Манбаъшиносӣ» ба гурӯҳи «сарчашмаҳои моддӣ» ворид карда буданд. Ба вижа сангшавиштаҳо ва деворнигорҳо мавриди баррасӣ қарор гирифта буданд. Вале, манбаъшиноси рус В. И. Стрелский, ки муаллифи чандин асарҳои илмиву таълимӣ мебошад, санъати тасвириро хеле муҳим арзёбӣ намуда, пешниҳод карда буд, ки минбаъд ёдгориҳои санъати тасвирӣ ҳамчун қисми махсуси сарчашмаҳои таърихӣ шинохта шаванд. Соли 2022 муаллифи ин сатрҳо васоити таълимии «Сарчашмашиносии таърихи халқи тоҷик»- ро таҳия ва интишор намуда, ақидаи олими рус В. И. Стрескийро ҷонибдорӣ карда буд [10].

Ҳамин тавр, минётурҳо ҳамчун сарчашмаи таърихӣ дар бораи замони офариниш, мактабҳои мустақили минётурнигории марказиву маҳаллӣ, рассомони номдори он, роҷеъ ба ҷаҳонбинии одамоне, ки дар ҳамон муҳит зистаанд ва асар барои онҳо офарида шудааст, маълумоти муфид медиҳанд. Ба вижа чунин маълумот, монанди ҷой, вақти омодасозии минётура, исми офарандагон, хаттотон, наққошон, рассомон, ашрофон, ҳунармандон, муҳити таърихӣ - бадеии устодон, аъмоли шоҳзодагон ва маликаҳо, ки дастнависҳои ороишдорро бо нархи гарон харидорӣ менамуданд, низ хеле муҳимманд.

АДАБИЁТ

1. Айни К. С. Новые данные по таджикской миниатюре XVI в./Сборник статей посвящённых искусству таджикского народа. -Сталинабад, 1956. - С. 33-47.

2. Ашрафи М. М. Бехзод и развитие Бухарской школы миниатюры XVIв. – Душанбе: Дониш, 1987. – 240 с.

3. Белинская Н. Миниатюра как источник изучения изобразительного искусства XV - XYII вв. // Очерки истории и теории культуры таджикского народа: сборник статей / Ред-сост.: Г. Майтдинова и А. Раджабов. - Душанбе, 2001. - С.91-110.

4. Беленицкий А. М. О некоторых сюжетах Пенджикентской живописи // Краткие сообшения ИКМК. -1956. -Вип. 61. - С. 56-62.

5. Ғафуров Б. Ғ. Тоҷикон таърихи қадимтарин, қадим ва асрҳои миёна. Китоби 2. - Душанбе: Ирфон, 1983. - 704 с.

6. Долинская В. Г. Миниатюры рукописи «Тарих-и Абулхайр-хани» из собрания Института востоковедения АН Уз ССР // Изв. Отд. общ. науки АН Тадж ССР. - Сталинабад, 1960. -Т. 24. -Вып.2. - С.31-56.

7. Муҳидинов С. Инъикоси ёдгориҳои санъати тасвирӣ дар «Тоҷикон»-и Бобоҷон Ғафуров / Муҳ. масъул академики Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон А. М. Мухторов. -Душанбе, 1998. - 39 с.

8. Муҳиддинов С. Р. Инъикоси мавзуи об дар минётурҳои асримиёнаи форсӣ - тоҷикӣ // Паёми Донишгоҳи гуманитарии байналмилалӣ. Ба ифтихори 15-солагии Истиқлолияти Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2700-солагии шаҳри Кӯлоб ва Соли тамаддуни ориёӣ бахшида шуда аст. –Душанбе, 2006. -саҳ. 88-93.

9. Мухидинов С. История изобразительного искусства таджикского народа с древнейших времён до ХУ1 в. Учебное пособие.-Душанбе: РТСУ, 2010.- 169 с. с илл.

10. Мухидинов С. Источниковедение истории таджикского народа. Учебное пособие. -Душанбе: РТСУ, 2022. - 180 с.

11. Популярная художественная энциклопедия. – М., 1986. – Кн. 2. - 447 с.

12. Пугаченкова Г. А. Камаледдин Бехзод //Звезда Востока. -1948. - №8. - С. 122. (118-127.

13. Пугаченкова Г., Галеркина О. Миниатюры средней Азии в избранных образцах. (из советских и зарубежных собраний). -М.: Изобразительное искусство, 1979. - С.56. (208 с., с илл).

14. Ранов В. А. К вопросу и интерпретации петроглифов Средней Азии о некоторых неточностях в работах А. А. Формозова //Памяти Александра Александровича Семёнова: Сб.статей. - Душанбе, 1980. - С.163-165.

15. Семёнов А. А. Миниатюри Самаркандской рукописи начала ХУ11в. «Зафарнома» Шарафуддина Язди //Сборник статей посвящена искусству таджикского народа. -Сталинабад, 1956. - С.3-16.

16. Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству: Наскалные изображения и каменного изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. - М.: Наука, 1969. - 228 с.

17. Шукуров Ш. М. «Шахнаме» Фирдоуси и ранняя иллюстрация в системе иранской культуры XI-XIV веков. – М.: Наука, 1983. – 76 с

18. Якубовский А. Ю. Вопросы изучения Пенджикентской живописи // Живопись древнего Востока. - М., 1954. - С.20-21.

19. The National Library of Ancestors. // Dushanbe, 2005, 15 с.

МИНЁТУРҲОИ АСРИМИЁНАИ ЭРОНУ ОСИЁИ МАРКАЗӢ ҲАМЧУН САРЧАШМАИ ТАЪРИХӢ

Дар мақолаи мазкур роҷеъ ба аҳаммияти сарчашмаи таърихӣ доштани минётурҳои Эрону Осиёи Марказӣ сухан меравад. Минётур - намуди ҳаҷман хурд, вале мустақили санъати тасвирии асримиёна буда, дар ороиши китобҳои дастнавис дар Эрон ва Осиёи Марказӣ асрҳои XIV - XVI мақоми хосса дошт.

Дар мақола дарҷ мегардад, ки мутахассисон дар асарҳояшон бо далелҳои боэътимод перомуни минётурҳо ҳамчун сарчашмаи таърихӣ, фикрҳои ҷолиб пешкаш намудаанд. Тавассути минётурҳо на танҳо аз нафосату таровати бадеӣ, ҳунари волои рассом, балки ҳамчун сарчашмаи таърихӣ аз ҳаёти иҷтимоӣ, сиёсӣ, фарҳангӣ ва воқеоти таърихӣ, хаттотон, наққошон, рассомон ва ҳоказои дигар муҳити таърихӣ - бадеии устодон, аъмоли шоҳзодагон ва маликаҳо ва ҳоказои дигар маълумоти пурарзиш ба даст меоранд.

Муаллифи мақола бевосита чеҳраҳои офаридаи Беҳзод, минётурҳои нусхаи «Шоҳнома» - и Китобхонаи миллии Тоҷикистонро мавриди омӯзиш қарор додааст.

Калидвожаҳо: *миниатюра, минётурнигор,сарчашмаи таърихӣ, «Шоҳнома», Беҳзод, афкори мутахассисон, ороиши дастнавис, маълумоти пурарзиш, асрҳои XIV – XVI.*

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МИНИАТЮРЫ ИРАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье рассматривается важность наличия исторических источников по миниатюрам Ирана и Средней Азии. Миниатюра – это небольшой, но самостоятельный вид средневекового изобразительного искусства, занимавший особое место в оформлении рукописей Ирана и Средней Азии в XIV– XVI веках.

В статье отмечается, что в своих работах специалисты представили интересные идеи, подкрепленные достоверными доказательствами, относительно миниатюр как исторического источника.

С помощью миниатюры, мы получаем ценную информацию не только о высоком мастерстве художника, в качестве исторического источника общественной, политической, культурной жизни и исторических событий, а также о каллиграфах, художниках в историко -художественной среде мастеров, принцев и принцесс и т. д.

Автор статьи непосредственно изучал портреты, созданные Бехзодом, миниатюры из копии «Шахнаме» Национальной библиотеки Таджикистана.

Ключевые слова: *миниатюра, минатюрист, исторический источник,“Шахнаме», Бехзод, мнения специалистов, укращение рукописи, ценные сведения, XIV- XVI вв.*

MEDIEVAL MINIATURES OF IRAN AND CENTRAL ASIA AS A HISTORICAL SOURCE

This article examines the importance of historical sources for miniatures from Iran and Central Asia. Miniatures are a small but distinct form of medieval fine art that occupied a special place in manuscript decoration in Iran and Central Asia in the 14th–16th centuries.

The article notes that in their work, the experts presented interesting ideas, supported by reliable evidence, regarding miniatures as a historical source. Miniatures provide valuable information not only about the artist's mastery but also as a historical source about social, political, and cultural life and historical events, calligraphers, artists, art lovers, the historical and artistic environment of masters, the work of princes and princesses, and so on.

The author of the article directly studied the portraits created by Behzod and miniatures from the copy of the Shahnameh in the National Library of Tajikistan.

Key words: *miniature, minyoturnigor, sarchashmai tarihi,“Shoinoma», Bezod, afkori mutahasson, orishi dastnavis, malumoti purarzish.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Муҳидинов Саидалӣ Раҷабович – доктори илмҳои таърих, профессори кафедраи таърихи умумӣ ва ватании Донишгоҳи славянии Россия ва Тоҷикистон. Суроға: 734000, ш. Душанбе, кӯчаи Мирзо Турсунзода, 30. E - mail: raja1956@mail.ru. Тел.: (+992) 93-521-92-74.

Сведения об авторе: Мухидинов Сайдали Раджабович -доктор исторических наук, профессор, кафедры всеобщей и отечественной истории Российско -

Таджикский (Славянский) университет. Адрес: 734000, г. Душанбе, ул. Мирзо Турсунзода -30. E - mail: raja1956@mail.ru, тел.: (+992) 93-521-92-74.

Information about the author: Mukhidinov Saydali Radzhabovich - Professor of the Department of General and National History of the Russian-Tajik (Slavonic) University, E mail: raja1956@mail.ru, tel: (+992) 93-521-92-74.

УДК 930.1 (575.3)

БАРТОЛЬД В. В. - ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКОВ[1]

САФАРОВ К. Х.,
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша

Историография культурной жизни таджикского народа в конце XIX – начале XX вв. во многом связана с деятельностью российских востоковедов, этнографов и путешественников. Наиболее яркой фигурой среди них был Василий Владимирович Бартольд (1869-1930), чьи исследования стали фундаментом отечественной науки о Средней Азии. В отличие от многих современников, ограничивавшихся описанием «бытовых особенностей» и статистических сведений, Бартольд стремился к глубокому анализу культурных процессов, их исторической динамики и роли в развитии общества.

Имя академика В. В. Бартольда занимает особое место в развитии отечественного востоковедения и таджикской историографии. Его труды стали фундаментом изучения истории и культуры народов Средней Азии, а особенно таджикского этноса, который он рассматривал не как пережиток древнеиранской традиции, а как активный культурный организм, сыгравший ключевую роль в становлении истории региона (1,15).

Исследования Бартольда охватывают широкий диапазон тем - от археологических наблюдений до философского осмысления культурных процессов. Его работа «История культурной жизни Туркестана» (1927) стала первой попыткой системного анализа ключевой роли таджиков в духовной жизни оседлых народов Средней Азии (2,169). В этом труде он писал, что таджики «сохранили древние формы городской жизни, передав традиции Ирана и Хорасана народам Востока» (2,171).

По мнению исследователя Н. М. Акрамова, «Бартольд не только собрал огромный корпус источников о таджикской культуре, но и разработал научную концепцию её развития, основанную на исторической преемственности и сравнительно-культурном анализе» (3,54). Именно поэтому труды учёного можно считать, в известной мере, основанием всей таджикской гуманитарной науки XX века.

[1] Статья написана на основе проекта «История таджикского народа (III век - начало XX века)», государственной регистрационный номер 0121 TJ 1211.

Современники отмечали, что отличительной чертой В. В. Бартольда была строгая научная объективность и стремление к освобождению от европоцентризма, характерного для дореволюционной русской школы востоковедения. Учёный писал: «Познание Востока невозможно без уважения к его внутренней логике и собственной духовной истории» (2, 173).

Бартольд в своих трудах рассматривал таджиков как один из древнейших оседлых народов Средней Азии, чья культура представляет собой сплав древнеиранских, исламских и местных элементов. Он подчёркивал, что таджики внесли решающий вклад в формирование городской цивилизации Туркестана, в развитие письменности, науки и искусства (2,180).

Особое внимание он уделял эпохе Саманидов, называя её «золотым веком таджикской письменности и учёности» (2,182). Он отмечал, что именно в Самарканде и Бухаре возникли центры, где «сохранился древний иранский язык, из которого впоследствии выросла литература Низами, Фирдоуси и Саъди» (2,185).

Развивая эту мысль В. В. Бартольд, писал, что таджики стали посредниками между эллинистической наукой и исламской философией, обеспечив передачу античного знания мусульманскому Востоку (4,193).

Учёный последовательно утверждал, что таджики - не пережиток древности, а народ, активно формировавший научные и художественные традиции Востока. По его словам, «все значительные явления мусульманской культуры Средней Азии - будь то в области литературы, архитектуры или богословия - несут на себе отпечаток таджикского духа» (2,189).

В. В. Бартольд критиковал ограниченность колониальной этнографии, которая преувеличивала роль тюркского элемента и недооценивала значение таджикского. Он прямо писал, что подобная позиция «искажает представление о культурной и исторической реальности региона» (2,191).

Научный метод В. В. Бартольда основывался на сочетании трёх элементов: источниковедения, филологического анализа и историко-культурной интерпретации. Он использовал арабские, персидские и тюркские хроники, археологические отчёты, топонимические и этнографические материалы. В его трудах насчитывается свыше двухсот ссылок на восточные рукописи, что для конца XIX - начала XX века было уникальным явлением (6, 97).

Учёный придавал огромное значение изучению языка как ключа к пониманию культуры. Он утверждал, что таджикская речь, сохранившая множество древнеиранских элементов, является «одним из важнейших исторических документов, отражающих развитие духовного мира народа» (2,192).

В. В. Бартольд применял сравнительно-исторический метод, рассмат -

ривая таджикскую культуру в динамике и сопоставлении с соседними регионами - Персией, Хорасаном, Индией и Китаем. Он указывал, что таджики «сумели ассимилировать многие элементы индо - буддийской и арабо-исламской цивилизаций, не утратив своей национальной самобытности» (2,194).

Как справедливо отмечал академик Б. Гафуров, «метод Бартольда – это синтез строгого источниковедческого анализа и историко-философского взгляда на культуру как на целостную систему» (7, 532).

Его подход оказал огромное влияние на советскую науку. В частности, В.В. Бартольд предвосхитил многие принципы исторической компаративистики и этнокультурного анализа, применяемые в гуманитарных исследованиях второй половины XX века (8,223).

Научное наследие В. В. Бартольда оказало решающее воздействие на формирование таджикской исторической науки в XX веке. Его труды стали методологической базой для первых национальных исследований по истории и культуре таджиков, появившихся в 1930 - 1950-х гг.

Академик Б. Г. Гафуров прямо указывал, что «без работ Бартольда невозможно понять генезис таджикского народа и место таджикской культуры в мировой цивилизации» (5, 532).

В 1960-1980-е гг. в Душанбе сложилась целая школа востоковедов, воспринявших принципы объективности, источниковедческой строгости и междисциплинарности, заложенные В. В. Бартольдом. Среди них - Б.И. Искандаров, Н. М. Акрамов, Х. Пирумшоев, О. К. Каримов. Х. Пирумшоев подчёркивал, что «традиция бартольдовского анализа восточных источников сохранила своё значение и в XXI веке» (9, 523).

Б.И. Искандаровым отмечается, что бартольдовская школа «определила основы системного подхода к изучению культурного развития народов Средней Азии» (12, 248).

Существенное развитие идеи В.В. Бартольда получили в работах Н. Акрамова, где подчёркивается, что исследователь «впервые установил внутреннюю связь между развитием таджикской духовной культуры и социально-экономическими изменениями в Туркестане конца XIX века» (1, 54).

Пирумшоев Х. верно отметил, что именно В. В. Бартольд первым показал таджикскую культуру как неотъемлемую часть широкой цивилизационной системы Востока (9,524). В их трактовке таджики предстали не объектом, а субъектом исторического процесса.

В этом плане также уместно привести оценки Х. Хотамова и А. Мухторова касательно места В. В. Бартольда в таджикской историографии, отмечают, что концепции В. В. Бартольда способствовали сохранению научной преемственности между дореволюционным и советским востоковедением (10,124). Они подчёркивают, что труды Бартольда остаются эталоном научной объективности и источниковедческой культуры.

По мнению О. К. Каримова, «Бартольд первым ввёл в обиход термин ‘таджикская культура’ как самостоятельную категорию востоковедения» (6, 97). Эта позиция сделала возможным формирование национальных историко-культурных концепций уже в советское время.

С. Бобомуллоев подчёркивает, что В. В. Бартольд не только ввёл таджикскую проблематику в российское научное поле, но и создал аналитический язык для её описания (11, 67).

В постсоветский период интерес к трудам В.В. Бартольда усилился. Его исследования вновь стали объектом анализа в контексте постколониальных и цивилизационных подходов. По мнению современных исследователей, «научное наследие Бартольда сохраняет универсальную ценность как образец объективного знания о Востоке» (9, 510).

Подводя итоги, можно утверждать, что научное наследие В. В. Бартольда составляет один из фундаментальных пластов в изучении истории и культуры таджикского народа. Его труды, написанные более века назад, и поныне не утратили свою значимость в нашей отечественной историографии. Главная их ценность на наш взгляд заключается:

1. именно В. В. Бартольд впервые сформулировал научное представление о таджиках как о самобытном культурном народе, обладающем древними традициями и способном к созидательному развитию (2,171).

2. он заложил основы комплексного источниковедческого подхода к восточным рукописям, археологическим и топонимическим материалам, в той или иной мере отноящимся к истории таджикского народа.

3. его взгляд на таджикскую культуру, по сути, выпукло определил её как неотъемлемую часть мировой цивилизации.

Влияние В. В. Бартольда ощущается и в содержании современных трудов, посвящённых древней и средневековой истории таджикского народа.

Его принципы объективного, сопоставительного анализа источников, является объектом подражания современных грядущих поколений востоковедов в целом, таджикских исследователей в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акрамов Н. М. Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд. – Душанбе: Дониш, 1963. – 112 с.
2. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана /Сочинения. Т. 4, ч. 1. – М.: Наука, 1963. – С. 169-393.
3. Бартольд В. В. Культура мусульманства. – СПб., 1900. – С. 193-205.
4. Бартольд В. В. Отчёт о командировке в Туркестан /Сочинения. Т. 4. – М., 1966. – С. 245.
5. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – Душанбе: Ирфон, 1989. – С. 206, 532.
6. Каримов О. К. История исторической науки Таджикистана. – Душанбе, 2002. – С. 97.
7. Лунин Б. В. Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда. – Ташкент: Фан, 1981. – 223 с.
8. Масов Р. Г. Национальные процессы в Таджикистане. – Душанбе: Ирфон, 1989. – С. 206.

9. Пирумшоев Х., Маликов М. Россия – Таджикистан: история взаимоотношений. – М., 1999. – С. 510-524.

10.Хотамов Х., Мухторов А. История Хисора. – Душанбе, 1995. – С. 124.

11.Бобомуллоев С. Таджики в источниках и трудах исследователей. – Душанбе: Дониш, 2013. – С. 59-70.

12.Таджикистан в трудах дореволюционных исследователей/ Отв. ред. Искандаров Б. И. – Душанбе, 2020. – С. 242-248.

БАРТОЛЬД В. В. - ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКОВ

Статья посвящена анализу вклада академика Василия Владимировича Бартольда (1869 -1930) в изучение истории и культуры таджикского народа. На основе его трудов - «История культурной жизни Туркестана», «Культура мусульманства», «Таджики. Исторический очерк» и других – рассматривается формирование научных представлений о таджиках как об одном из древнейших оседлых народов Центральной Азии. Показано, что В.В. Бартольд впервые создал целостную концепцию таджикской культуры как составной части исламской цивилизации, применяя сравнительно-исторический и источниковедческий методы.

В статье раскрываются основные направления его исследований, их влияние на развитие таджикской историографии XX-XXI вв., а также роль трудов Бартольда в формировании современного научного подхода к проблеме культурной идентичности таджиков.

Ключевые слова: *Бартольд, таджики, культура, историография, Туркестан, Востоковедение, Саманиды, идентичность.*

БАРТОЛД В. В. - ТАҲҚИҚГАРИ ТАЪРИХ ВА ФАРҲАНГИ ТОҶИКОН

Мақола ба таҳлили саҳми академик Василий Владимирович Бартолд (1869-1930) дар омӯзиши таърих ва фарҳанги халқи тоҷик бахшида шудааст. Бо такя ба асарҳои ӯ - «Таърихи ҳаёти фарҳангии Туркистон», «Фарҳанги ислом», «Тоҷикон. Очерки таърихӣ» ва дигарон - масъалаи ташаккули назарҳои илмӣ оид ба тоҷикон ҳамчун яке аз қадимтарин халқҳои бумии Осиёи Марказӣ баррасӣ мегардад.

Муаллиф нишон медиҳад, ки Бартолд нахустин шуда фарҳанги тоҷикро ҳамчун ҷузъи ҷудонашавандаи тамаддуни башарӣ ва исломӣ мавриди таҳлил қарор дода, ҳамзамон усулҳои таърихиву муқоисавӣ ва манбаъшиносиро истифода намудааст.

Дар мақола самтҳои асосии фаъолияти илмии ӯ, таъсири онҳо ба таърихнигорӣ ва аҳаммияти мероси илмии Бартолд барои дарки худшиносии фарҳангии тоҷикон тавсиф карда мешавад.

Калидвожаҳо: *Бартолд, тоҷикон, фарҳанг, таърихнигорӣ, Туркистон, шарқшиносӣ, Сомониён, ҳувият.*

BARTHOLD V. V. - RESEARCHER OF THE HISTORY AND CULTURE OF THE TAJIKS

The article examines the contribution of the Russian orientalist Academician Vasily Vladimirovich Barthold (1869-1930) to the study of the history and culture of the Tajik people. Based on his major works - The Cultural History of Turkestan, The Culture of Islam, and Tajiks: A Historical Essay - the author analyzes how Barthold formed the scientific concept of the Tajiks as one of the most ancient sedentary peoples of Central Asia.

The study highlights Barthold's application of the comparative-historical and source-critical methods, his interpretation of Tajik culture as an integral component of Islamic civilization, and his influence on the formation of Tajik historiography during the 20th-21st centuries.

It concludes that Barthold's scholarship remains a cornerstone for understanding the cultural identity and historical continuity of the Tajik nation.

Key words: *Barthold, Tajiks, culture, historiography, Turkestan, Oriental studies, Samanids, identity.*

Сведения об авторе: Сафаров Кодир Хотамович – старший лаборант отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: 735700, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Акад. Раджабова, 7. E-mail: hotamzodaa@gmail.com

Маълумот дар бораи муаллиф: Сафаров Қодир Ҳотамович – лаборанти калони Шуъбаи таърихи қадим, асрҳои миёна ва нави Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. Суроға: Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, кӯчаи академикҳо Раҷабовҳо -7. Индекси почта: 735700. E-mail:hotamzodaa@gmail.com

Information about the author: Safarov Qodir Hotamovich – senior laboratory assistant, Department of ancient, medieval and modern history, Institute of history, archaeology and ethnography named after A. Donish, National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 735700, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Acad. Radjabov Street,7. E-mail: hotamzodaa@gmail.com

ТАЪРИХИ ИЛМ ВА ТЕХНИКА - ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ - HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

УДК 51 (575.3) : 930.1

ТАҲҚИҚ ВА ТАТБИҚИ ҚИМАТҲОИ МИЁНАИ ФУНКСИЯҲОИ ЧЕБИШЁВ АЗ ТАРАФИ ОЛИМОНИ ТОҶИК

ИСМАТОВ С. Н., КАРИМЗОДА Д. Ҷ.,
Институти математикаи ба номи А. Ҷӯраеви АМИТ

Функсияҳои Чебишёв гуфта, функсияҳои арифметикии намуди

$$\theta(x) = \sum_{p\leq x} \ln p$$

ва

$$\psi(x) = \sum_{m\in N}\sum_{p^m\leq x} \ln p$$

– ро меноманд, ки дар ин ҷо p – адади сода, m – адади натуралӣ мебошад.

Аз таърифи функсияҳои Чебишёв бевосита маълум аст, ки ин функсияҳо бо тақсимшавии ададҳои сода дар қатори ададҳои натуралӣ алоқамандии зич доранд.

Пси – функсияи Чебишёвро метавон бо ёрии функсияи Манголдт низ ифода намуд, яъне

$$\psi(x) = \sum_{n\leq x} \Lambda(n),$$

$\Lambda(n)$ – функсияи Манголдт ба таври зерин муайян карда мешавад:

$$\Lambda(n) = \begin{cases} \log p\text{, агар } n \text{ дараҷаи адади содаи } p \text{ бошад,} \\ 0\text{, дар дигар ҳолатҳо.} \end{cases}$$

Вобастагии пси – функсия ва тета – функсия бо баробарии зерин муайян карда мешавад:

$$\psi(x) = \theta(x) + O\left(\sqrt{\ln x}\right).$$

Математики машҳури Белгия Ла Валле – Пуссен барои пси – функсияи Чебишёв чунин натиҷаро ба даст овардааст:

$$\psi(x) = x + O\left(e^{-c\sqrt{\ln x}}\right),$$

яъне ӯ тақсимшавии ададҳои содаро дар мафҳуми пси – функсияи Чебишёв тасвир намудааст.

Агар гипотезаи машҳури Риманро дар мафҳуми пси – функсияи Чебишёв тасвир намоем, пас теоремаи Валле – Пуссен намуди зеринро мегирад:

$$\psi(x) = x + O\left(\sqrt{x}\ln^2 x\right).$$

Қимати миёнаи функсияҳои арифметикӣ гуфта, чунин ададеро меноманд, ки он дар байни калонтарин ва хурдтарин қиматҳои функсия ҷой дорад.

Ҳангоми ҳалли муаммоҳои назарияи ададҳои сода ба мо лозим мешавад, ки қимати миёнаи функсияҳои Чебишёвро аз рӯйи ҳамаи характерҳои Дирихле дида бароем. Барои характери Дирихле χ аз рӯйи модули $q, q > 1$ функсияҳои Чебишёв намуди зеринро мегирад:

$$\psi(y,\chi) = \sum_{n\le y} \Lambda(n)\chi(n),$$

$$\psi(y,\chi,\lambda) = \sum_{n\le y} \Lambda(n)\chi(n)e(\lambda n).$$

Бо дарназардошти гипотезаи васеъкардашудаи Риман қимати миёнаи функсияи $\psi(x,\chi)$ чунин намудро мегирад:

$$t(x;q) = \sum_{\chi \bmod q} |\psi\,(x,\chi)| \ll\; x + x^{\frac{1}{2}} q l^2, (1)$$

$$T(x;Q) = \sum_{q\le Q} \sideset{}{^*}\sum_{\chi} |\psi\,(x,\chi)| \ll\; Q\, x^{\frac{1}{2}} L^2. (2)$$

Ҳангоми ҳалли як қатор масъалаҳое, ки ба назарияи ададҳои сода тааллуқ доранд, кифоя аст, то барои суммаҳои $t(x;q)$ ва $T(x;Q)$ чунин баҳоҳоеро ҳосил намоем, ки онҳо ба баҳоҳои (1) ва (2) наздиктар бошанд.

Бори нахуст Ю. В. Линник [1] қимати миёнаи функсияи Чебишёвро барои баҳои суммаҳои хаттии тригонометрӣ татбиқ намудааст.

Баъди Ю. В. Линник, соли 1974, Г. Монтгомери [2] бо истифода аз теоремаи зичии худ оиди нулҳои L–қаторҳои Дирихле, ки исботаш ба методи ғалбери калон такя мекунад, ҷой доштани баҳои зеринро нишон дод:

$$t(x;q) \ll \left(x + x^{\frac{5}{7}} q^{\frac{5}{7}} + x^{\frac{1}{2}}\, q\right)\mathscr{L}^{17}, \mathscr{L} = \ln xq\,, (3)$$

$$T(x;Q) \ll (xQ^{\frac{2}{3}} + x^{\frac{1}{2}}Q^2)\mathscr{L}^{\frac{1}{2}}.$$

Соли 1975 баҳои (3)-ро Р. Вон [3] беҳтар намуд. Ӯ бо ёрии методи ғалбери калон дар варианти Галлахер ва тасвири махсуси ҳосилаи логарифмии L–функсияҳои Дирихле, яъне бо ёрии тасвири

$$\frac{L'}{L} = \left(\frac{L'}{L} + F\right)(1 - FG) + (L' + LF)G - F,$$

ки дар ин ҷо F ва G мувофиқан барои қаторҳои Дирихле $-\frac{L'}{L}$ ва $\frac{1}{L}$ суммаҳои хусусӣ мебошанд, баҳоҳои зеринро исбот намуд:

$$t(x;q) \ll xl^3 + x^{\frac{3}{4}} q^{\frac{5}{8}} l^{\frac{23}{8}} + x^{\frac{1}{2}}\, q l^{\frac{7}{2}}, (4)$$

$$T(x;Q) \ll x\mathscr{L}^3 + x^{\frac{3}{4}} Q^{\frac{5}{4}} \mathscr{L}^{\frac{23}{9}} + x^{\frac{1}{2}} Q^2 \mathscr{L}^{\frac{7}{2}}. (5)$$

Баҳоҳои (4) ва (5) дар он замон аз ҳамаи баҳоҳои барои бузургиҳои $t(x;q)$ ва $T(x;Q)$ гирифташуда беҳтарин ба ҳисоб мерафт.

Баъдан З. Ҳ. Раҳмонов ба омӯхтани қимати миёнаи функсияҳои Чебишёв ҷиддан машғул шуда, рисолаи доктории худро дар мавзуи «Простые числа и

средние значения функции Чебышёва» («Ададҳои сода ва қиматҳои миёнаи функсияи Чебишёв») [4] таълиф намуда, онро 4-уми октябри соли 1996 дар Шурои диссертатсионии Д.053.05.05-и назди Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М. В. Ломоносов бомуваффақият ҳимоя намуд.

Дар рисолаи доктории академик З. Ҳ. Раҳмонов бо истифода аз рафтори қимати миёнаи функсияи Чебишёв як қатор масъалаҳо, аз ҷумла теорема оиди зичии нулҳои зета – функсияи Риман дар порчаи кӯтоҳи хати рости критикӣ, ки он дар навбати худ ба баҳои суммаҳои тригонометрӣ бо ададҳои сода оварда мешавад, баҳои суммаҳои тригонометрӣ бо ададҳои сода, баҳои суммаҳои кӯтоҳи тригонометрӣ бо ададҳои сода, тақсимшавии ададҳои Харди – Литлвуд дар прогрессияҳои арифметикӣ ва ба ин монанд якчанд масъалаҳои дигар ҳал карда шуданд.

Қисми якуми рисолаи доктории академик З. Ҳ. Раҳмонов ба омӯзиш ва таҳқиқи бузургиҳои зерин бахшида шудааст:

$$t(x;q)=\sum_{\chi \bmod q}\max_{y\le x}|\psi\,(x,\chi)|,$$

$$T(x;Q)=\sum_{q\le Q}\frac{q}{\varphi(q)}\sum_{\chi}^{*}\max_{y\le x}|\psi\,(x,\chi)|,$$

$$t(x;q,y,\lambda)=\sum_{\chi}|\psi\,(x,\chi,\lambda)-\psi(x-y,\chi,\lambda)|,$$

ки дар ин ҷо $\varphi(q)$ – функсияи Эйлер буда, $\sum^{*}$ маънои онро дорад, ки суммиронӣ аз рӯйи ҳамаи характерҳои примитивии Дирихле аз рӯйи модули q гузаронида мешавад.

Методҳои таҳқиқи ин бузургиҳо ва татбиқҳоеро, ки ҳангоми аз боло баҳо додани суммаҳои $t(x;q), T(x;Q), t(x;q,y,\lambda)$ ба даст меоянд, баён месозем.

Чӣ хеле ки қайд гардид, қимати миёнаи функсияи Чебишёвро Ю. В. Линник барои ҳосил намудани баҳои ғайритривиалии суммаҳои тригонометрии хаттӣ бо ададҳои сода тадқиқ намуд. Ӯ бо истифодаи ғояҳои Г. Харди ва Д. Литтлвуд [5], ки пештар дар муаммои Голдбах татбиқ шуда буд, инчунин бо ёрии теоремаҳои зичӣ барои нулҳои L – қаторҳои Дирихле баҳои нави ғайритривиалии суммаи $S(\alpha,x)$-ро ба даст овард. Ҳамин тавр, Ю. В. Линник исботи нави теоремаи И. М. Виноградов оиди се ададӣ сода, яъне муаммои Голдбахро ҳосил намуд.

Н. Г. Чудаков [6] низ соли 1947 методи муфассали ба ҳамин монанди тадқиқи суммаҳои тригонометрии хаттӣ бо ададҳои сода бо ёрии баҳои қиматҳои миёнаи функсияи Чебишёвро пешниҳод намуд, ки он, дар навбати худ, ба тақсимшавии нулҳои L – қаторҳои Дирихле дар тасмаи критикӣ асос ёфтааст.

А.А. Каратсуба [7] методи ҳалли масъалаҳои тернарии мултипликативиро бо ҳамбастагии варианти нави аналитикии методи И. М. Виноградов – баҳоҳои суммаҳо бо ададҳои сода кор карда баромада, ҳолати одитарини бузургии $t(x;q)$-ро баҳо дод. Натиҷаи ин баҳо теорема оиди тақсимшавии ададҳои намуди $p(p'+a)$ дар прогрессияҳои арифметикии кӯтоҳ мебошад.

Соли 1989 З. Ҳ. Раҳмонов [8] бо ёрии методи А. А. Каратсуба ба таври элементарӣ баҳои зеринро исбот намуд:

$$t(x;q) \ll \left(x + x^{\frac{5}{6}}q^{\frac{1}{2}} + x^{\frac{1}{2}}\,q\right)x^{\delta}. (6)$$

Бо ҳамин метод Пан Чен-дон ва Пан Чен-бяо [9] исбот намуданд, ки

$$T(x;Q) \ll \left(x + x^{\frac{5}{6}}Q + x^{\frac{1}{2}}Q^2\right)\mathscr{L}^4, \mathscr{L} = \ln xQ\,.$$

Теоремаи Бомбери – Виноградов оиди «миёна» -и тақсимшавии ададҳои сода дар прогрессиҳои арифметикӣ, ки А. А. Каратсуба [7] ба имконияти ҳосил намудани он бо ин метод ишора намудааст, натиҷаи баҳои охирон мебошад.

Қайд менамоем, ки баҳои барои бузургии $t(x;q)$ гирифтаи З. Ҳ. Раҳмонов (6) аз (3) беҳтар ва аз (4) сусттар буда, вале исботи он нисбат ба исботи (3) ва (4) ба таври элементарӣ гузаронида шуда, ба методи ҳалли масъалаҳои тернарии мултипликативии А. А. Каратсуба такя мекунад.

Аз баҳоҳои (3), (4) ва (6) барои $t(x;q)$ дида мешавад, ки аз се ҷамъшавандаҳои дар ин баҳо иштироккунанда, ду ҷамъшавандаи канории он то саҳеҳии дараҷаи охирноки логарифм баробар буда, онҳоро нисбат ба дараҷаҳои x ва q умуман беҳтар намудан номумкин аст. Бинобар ин, дастовардҳои минбаъда барои баҳои $t(x;q)$ метавонистанд танҳо беҳтар намудани ҷамъшавандаи дуюм бошанд, ки ин соли 1993 ба З. Ҳ. Раҳмонов мушарраф гардид.

Дар солҳои 1993-1995 З. Ҳ. Раҳмонов [10], [11], [12] методи нави тадқиқи қиматҳои миёнаи функсияҳои арифметикии намуди функсияи Чебишёвро аз рӯйи ҳамаи характерҳои Дирихле бунёд намуд. Татбиқи ин метод ба З. Ҳ. Раҳмонов имконият дод, ки дар муаммоҳои зерин натиҷаҳои беҳтаринро ба даст орад:

- баҳои қиматҳои миёнаи функсияҳои Чебишёв (аз он ҷумла бо вазни экспоненсиалии хаттӣ ва квадратӣ дар фосилаҳои кӯтоҳ) аз рӯйи ҳамаи характерҳои Дирихлеи модули додашуда;
- баҳои қиматҳои миёнаи функсияҳои Чебишёв аз рӯйи ҳамаи характерҳои примитивии Дирихле, ки модулҳояшон аз бузургии додашуда зиёд намебошанд.

Раҳмонов З. Ҳ. дар боби якуми рисолаи доктории худ бо ёрии методи зикргардидаи А. А. Каратсуба, методи корҳои Н. М. Тимофеев [14], ки ӯ бо ёрии он қимати миёнаи тақсимшавии функсияҳои арифметикӣ дар фосилаҳои кӯтоҳро аз рӯйи прогрессияҳо таҳқиқ намудааст, татбиқи теоремаи Г. Монтгомери [2] оиди моменти чоруми L – қаторҳои Дирихле ва теоремаи М. Ютилла [15] оиди моменти чоруми L – қаторҳои Дирихле дар фосилаҳои кӯтоҳи хати рости критикӣ теоремаҳои зеринро исбот намуд [10], [11]:

Теоремаи 1. *Ҳангоми* $x \geq 2$, $q \geq 1$ *будан, баҳои зерин ҷой дорад:*

$$t(x;q) \ll xl^3 + x^{\frac{4}{5}}q^{\frac{1}{2}}l^{34} + x^{\frac{1}{2}}\,ql^{34}. (7)$$

Қайд мекунем, ки ин баҳо, ҳангоми $x^{\frac{2}{5}}l^{\frac{1}{5}} \ll q \ll x^{\frac{2}{3}}l^{-\frac{5}{3}}$ будан, аз баҳои (4) беҳтар буда, барои ҳамаи q-ҳои боқимонда бо саҳеҳии тартиби зарбкунандаҳо, ки ба ягон дараҷаи охирноки l баробар аст, бо баҳои (4) якхела мебошад.

Теоремаи 2. *Бигзор* $x \geq 2$, $Q \geq 1$ *бошад, он гоҳ нобаробарии зерин дуруст аст:*

$$T(x;Q) \ll x\mathscr{L}^3 + x^{\frac{4}{5}}Q\mathscr{L}^{34} + x^{\frac{1}{2}}Q^2\mathscr{L}^c, (8)$$

ки дар ин ҷо $c = 34$ *аст, агар* $Q \leq \sqrt[3]{x}(ln\,x)^{-\frac{5}{6}}$ *бошад ва дар ҳолати баръакс* $c = 3{,}5$ *мебошад.*

Ин баҳо ҳангоми $x^{\frac{1}{5}} < Q \leq x^{\frac{1}{3}}$ будан, аз баҳои (5) беҳтар буда, барои ҳамаи Q-ҳои боқимонда бо саҳеҳии тартиби зарбкунандаҳо, ки ба ягон дараҷаи охирноки $\mathscr{L}$ баробар мебошад, бо баҳои (5) якхела аст.

Теоремаи 3. *Бигзор* $x \geq x_0$, $x^{\frac{1}{2}} \leq y \leq x$, $|\lambda| \leq \frac{x}{y^2}$, $1 \leq q \leq \frac{x}{y}$, $\varepsilon < 10^{-6}$ – *дилхоҳ адади қайдкардашудаи мусбат ва*

$$t(x;q,y,\lambda) = \sum_{\chi} |\psi(x,\chi,\lambda) - \psi(x-y,\chi,\lambda)|$$

бошад, он гоҳ баҳои зерин ҷой дорад:

$$t(x;q,y,\lambda) \ll \left(y + x^{\frac{3}{10}}y^{\frac{1}{2}}\right)\mathscr{L}^{35} + \left(qx^{\frac{1}{2}} + x^{\frac{1}{3}}y^{\frac{1}{2}}|\lambda|^{\frac{1}{3}}q\right)x^{\varepsilon}.$$

Тасдиқоти ин теорема бо тасдиқоти теоремаи 1 бо саҳеҳӣ то зарбшавандаи x^{ε} баробар аст, агар $|\lambda| \leq \frac{1}{x}$, x ва y тартибҳои баробар дошта бошанд.

З. Ҳ. Раҳмонов ба воситаи методҳое, ки дар исботи теоремаҳои 1 – 3 истифода шудааст, қимати миёнаи функсияҳои арифметикии намуди зеринро тадқиқ намуд:

$$\sum_{n \leq x} f(n)\chi(n),$$

ки дар он ба сифати $f(n)$ функсияи $\mu(n)$ – функсияи Мёбиус, $\tau_r(n)$ – миқдори тасвирҳои n дар намуди r ҳамзарбшавандаҳо ва ҳоказо гирифтан мумкин аст.

Соли 1937 И. М. Виноградов дар асоси ғалбери худ ва методи суфтакунии суммаҳои дукарата методи баҳодиҳии суммаҳои тригонометрӣ бо ададҳои содаро сохт [16]. Хусусан ӯ теоремаи зеринро исбот намуд, ки он «Баҳои суммаи тригонометрии хаттӣ бо ададҳои содаи Виноградов» ном гирифт:

Теорема (Виноградов). *Агар* $\left|\alpha - \frac{a}{q}\right| \leq q^{-2}$, $(a,q) = 1$, $H = e^{-0{,}5\sqrt{ln\,x}}$*{-бошад, пас баҳоҳои зерин дуруст аст:*

$$S(\alpha,x) = \sum_{n \leq x} \Lambda(n)e(\alpha n) \ll \left(xq^{-\frac{1}{2}} + x^{\frac{4}{5}} + x^{\frac{1}{2}}q^{\frac{1}{2}}\right)x^{\varepsilon},$$

$$S(\alpha,x) \ll \left(xq^{-\frac{1}{2}} + xH^{-4}(\ln q)^{0{,}5} + x^{\frac{1}{2}}q^{\frac{1}{2}}(\ln x)^{\frac{1}{2}}\right)\ln^2 x \ln\ln x.$$

Баҳои барои $S(\alpha,x)$ гирифташуда бо ҳамбастагии теоремаҳо доир ба тақсимшавии ададҳои сода дар прогрессияҳои арифметикӣ ба И. М. Виноградов имконият доданд, ки барои миқдори тасвирҳои адади тоқи N дар намуди

$N = p_1 + p_2 + p_3$,

ки аз муаммои Голдбах [17] бармеояд, формулаи асимптотӣ ба даст оварад.

Раҳмонов З. Ҳ. дар боби сеюми рисолаи доктории худ, ки ба баҳои суммаҳои кӯтоҳи тригонометрӣ бо ададҳои сода бахшида шудааст, бо ёрии баҳои суммаи $t(x;q)$ барои суммаи кӯтоҳи тригонометрии намуди

$$S(\alpha,x,y)=\sum_{x-y<n\le x}\Lambda(n)e(\alpha n),$$

ки дар он $y<x$ ва α – адади ҳақиқӣ аст, баҳои зеринро гирифтааст:

Теорема. *Бигзор* $x\ge x_0$, $x^{\frac{1}{2}}\le y\le x$, $\alpha=\frac{a}{q}$, $(a,q)=1$, $1\le\ q\le\tau$, $|\lambda|\le\frac{1}{q\tau}\le\frac{x}{y^2}$, $\varepsilon<10^{-6}$ *– дилхоҳ адади қайдкардашудаи мусбат бошад. Он гоҳ баҳои зерин ҷой дорад:*

$$S(\alpha,x,y)\ll\left(yq^{-\frac{1}{2}}+x^{\frac{3}{10}}y^{\frac{1}{2}}\right)l^{35}+\left(q^{\frac{1}{2}}x^{\frac{1}{2}}+x^{\frac{1}{3}}y^{\frac{1}{2}}\tau^{-\frac{1}{3}}q^{\frac{1}{6}}\right)x^{\varepsilon}.$$

Ин баҳо, ҳангоми $l^{70}<q<\tau$, $y\ge x^{\frac{3}{5}+\varepsilon}$ будан, ғайритривиалӣ буда, он натиҷаи теоремаи 3 мебошад.

Ба омӯзиш ва татбиқи қимати миёнаи функсияи Чебишёв баъд аз Раҳмонов З. Ҳ. шогирди ӯ Бобоёров Ш. К. низ машғул гардид. Бобоёров Ш. К. соли 2008 рисолаи номзадии худро дар мавзуи «Среднее значение функции Чебышева с экспоненциальным весом в коротких интервалах» («Қимати миёнаи функсияҳои Чебишёв бо вазни экспоненсиалӣ дар фосилаҳои кӯтоҳ») зери роҳбарии академики АМИТ Раҳмонов З. Ҳ. дар Шурои диссертатсионии К.047.007.01-и назди Институти математикаи АИ ҶТ ҳимоя намуд.

Бобоёров Ш. К. дар рисолаи номзадии худ қимати миёнаи функсияҳои Чебишёвро бо вазнҳои экпоненсиалии квадратӣ дар фосилаҳои кӯтоҳ аз рӯйи ҳамаи характерҳои Дирихле, яъне суммаҳои намуди зеринро мавриди таҳқиқ қарор дод:

$$t_2(x;q,y,\lambda)=\sum_{\chi}|\psi_2(x,\chi,\lambda)-\psi_2(x-y,\chi,\lambda|,$$

ки дар ин ҷо

$$\psi_2(x,\chi,\lambda)=\sum_{n\le x}\Lambda(n)\chi(n)e(\lambda n^2)$$

аст.

Бобоёров Ш. К. ва Раҳмонов З. Ҳ. [18] барои қимати миёнаи функсияи Чебишёв бо вазнҳои экпоненсиалии квадратӣ дар фосилаҳои кӯтоҳ чунин теоремаро исбот намуданд:

Теорема. *Бигзор* $x\ge x_0$, $x^{\frac{1}{2}}\le y\le x$, $|\lambda|\le\frac{1}{y^2}$, $1\le\ q\le\frac{x}{y}$, $\varepsilon<10^{-6}$ *– дилхоҳ адади қайдкардашудаи мусбат ва*

$$t_2(x;q,y,\lambda)=\sum_{\chi}|\psi_2(x,\chi,\lambda)-\psi_2(x-y,\chi,\lambda|$$

бошад. Он гоҳ баҳои зерин дуруст аст:

$$t_2(x;q,y,\lambda)\ll\left(y+x^{\frac{3}{10}}y^{\frac{1}{2}}q^{\frac{1}{2}}\right)l^{35}+\left(qx^{\frac{1}{2}}+x^{\frac{2}{3}}y^{\frac{1}{2}}|\lambda|^{\frac{1}{3}}q\right)x^{\varepsilon}.$$

Яке аз татбиқҳои ин теорема баҳои суммаи кӯтоҳи тригонометрии квадратӣ бо ададҳои сода дар фосилаҳои кӯтоҳ, яъне баҳои суммаҳои намуди

$$S_2(\alpha, x, y) = \sum_{x-y< n\leq x} \Lambda(n)\, e(\alpha\, n^2),$$

$$\alpha = \frac{a}{q} + \lambda, (a, q) = 1, |\lambda| \leq \frac{1}{q\tau}, 1 \leq q \leq \tau$$

мебошад, ки Бобоёров Ш. К. барои он чунин теоремаро исбот намудааст:

Теорема. *Бигзор* $x \geq x_0$, $x^{\frac{1}{2}} \leq y \leq x$, $|\lambda| \leq \frac{1}{q\tau} \leq \frac{1}{y^2}$, $\varepsilon < 10^{-6}$ *– дилхоҳ адади қайдкардашудаи мусбат бошад. Он гоҳ баҳои зерин дуруст аст:*

$$S_2(\alpha, x, y) \leq \left(yq^{-\frac{1}{2}} + x^{\frac{3}{10}}y^{\frac{1}{2}}\right) l^{36} + \left(q^{\frac{1}{2}}x^{\frac{1}{2}} + x^{\frac{2}{3}}y^{\frac{1}{2}}\tau^{-\frac{1}{3}}q^{\frac{1}{6}}\right) x^{\varepsilon}.$$

Қайд менамоем, ки ин баҳо ҳангоми $l^{70} < q < \tau$, $y \geq x^{\frac{4}{5}+\varepsilon}$ будан ғайритривиалӣ мебошад.

Масъалаи таҳқиқ ва татбиқи қимати миёнаи функсияҳои Чебишёв дар соҳаи назарияи ададҳо хеле масъалаи мубрам ба шумор меравад. Тавре дар боло зикр гардид, ин масъала ба масъалаи то ҳол ҳалнашудаи ба ном гипотезаи васеъкардашудаи Риман оварда мерасонад. Ин аст, ки қариб ҳамаи олимони машҳури ин соҳа ба омӯзиши ин масъала мароқ зоҳир мекунанд.

Чӣ хеле ки мо аллакай дар боло қайд намудем, соли 1937 И. М. Виноградов методи баҳодиҳии суммаҳои тригонометрӣ бо ададҳои содаро бунёд намуд, хусусан ӯ [16] ошкор сохт, ки суммаҳо ба ададҳои содаро бо роҳи фақат ҷамъу тарҳ кардан аз миқдори на он қадар зиёди дигар суммаҳо тартиб додан мумкин аст ва баҳоҳои бехтарро бо ёрии методи баҳодиҳии суммаҳои дукарата, ки бо назарияи L – қаторҳои Дирихле ягон алоқамандие надорад, ҳосил намудан имконпазир аст. Чунин сумма тавонист суммаи тригонометрии хаттӣ бо ададҳои содда – $S(\alpha, x)$ бошад, ки дар ин ҷо α – адади ҳақиқӣ буда, барои ин сумма, ҳангоми иҷро шудани шарти

$$\left|\alpha - \frac{a}{q}\right| \leq \frac{1}{q^2}, (a, q) = 1,$$

баҳои зерин ёфта шудааст:

$$S(\alpha, x) \ll \left(xq^{-\frac{1}{2}} + x^{\frac{4}{5}} + x^{\frac{1}{2}}q^{\frac{1}{2}}\right) x^{\varepsilon}. (9)$$

Исботи ин баҳо ба таври элементарӣ гузаронида мешавад.

Дар солҳои минбаъда, дар корҳои [1], [6], [19] ва [20], ки ба баҳодиҳии суммаҳои $S(\alpha, x)$ бахшида шудаанд, бо методҳои аналитикӣ, аз ҷумла методи Риман – Адамар, бо ёрии L – қаторҳои Дирихле, интегронии контурӣ ва теоремаҳои зичӣ доир ба L – қаторҳои Дирихле [21] як қатор баҳоҳои ғайритривиалии $S(\alpha, x)$ гирифта шуданд.

Суммаи $S(\alpha, x)$-ро Ю. В. Линник [1] бо усули аналитикӣ баҳо дода, варианти нави баҳои ғайритривиалии суммаи тригонометрии хаттӣ бо ададҳои содаро дар шакли зерин баён намуд: *бигзор* α *– адади ҳақиқӣ,* $N \geq q\, N_0 > 0$, $\alpha = \frac{a}{q} + \lambda$ *бошад, ки дар ин ҷо* $(a, q) = 1$, $1 < q \leq \tau = (\ln x)^{1000}$, $\tau^{1000}x^{-1} \leq |\lambda| \leq (q\tau)^{-1}$ *мебошад, он гоҳ баҳои зерин дуруст аст:*

$$\left|\sum_{n=2}^{\infty}\Lambda(n)\exp\left(-\frac{n}{N}\right)e(\alpha n)\right| < N(\ln N)^{-1000}.$$

Г. Монтгомери [2] бо истифода аз баҳои худ барои қиматҳои миёнаи функсияҳои Чебишёв (3) исбот намуд, ки

$$S\left(\frac{a}{q},x\right) \ll \left(xq^{-\frac{1}{2}} + x^{\frac{5}{7}}q^{\frac{3}{14}} + x^{\frac{1}{2}}q^{\frac{1}{2}}\right)\mathscr{L}^{17}. (10)$$

Ӯ ҳамчунин нишон дод, ки агар $\eta \le x^{\frac{1}{4}}$, $\eta \le q \le x\eta^{-1}$, $\left|\alpha - \frac{a}{q}\right| \le 2\eta(qx)^{-1}$, $(a,q) = 1$ бошад, он гоҳ баҳои зерин дуруст аст:

$$S(\alpha,x) \ll x\eta^{-\frac{1}{2}}\mathscr{L}^{17}.$$

Р. Вон [3] баҳои барои қиматҳои миёнаи функсияҳои Чебишёв ҳосилнамудаи худ, яъне баҳои (4)-ро истифода бурда, натиҷаи Г. Монтгомериро беҳтар намуд. Ӯ исбот кард, ки агар $\left|\alpha - \frac{a}{q}\right| \le q^{-2}$, $(a,q) = 1$ бошад, он гоҳ баҳои

$$S(\alpha,x) \ll \left(xq^{-\frac{1}{2}} + x^{\frac{7}{8}}q^{-\frac{1}{8}} + x^{\frac{3}{4}}q^{\frac{1}{8}} + x^{\frac{1}{2}}q^{\frac{1}{2}}\right)\mathscr{L}^{4}\ (12)$$

ҷой дорад ва агар $\eta \le x^{\frac{1}{3}}$, $\eta \le a \le x\eta^{-1}$, $\left|\alpha - \frac{a}{q}\right| \le 2\eta(qx)^{-1}$, $(a,q) = 1$ бошад, пас баҳои зерин дуруст аст:

$$S(\alpha,x) \ll x\eta^{-\frac{1}{2}}\mathscr{L}^{4}. (13)$$

Қайд мекунем, ки баҳоҳои (10), (11), (12) ва (13), ки бо усули аналитикӣ гирифта шудаанд, аз баҳои (9), ки онро И.М.Виноградов бо методи элементарӣ ба даст оварда буд, сусттар мебошанд.

З. Ҳ. Раҳмонов [8], [10]-[13] бо истифода аз баҳои қиматҳои миёнаи функсияҳои Чебишёв (7) баҳоеро ҳосил кард, ки дар он зарбшавандаи x^{ε} дар (9) ба дараҷаи охирноки логарифм аз xq иваз карда мешавад, яъне агар $\left|\alpha - \frac{a}{q}\right| \le q^{-2}$, $(a,q) = 1$ бошад, он гоҳ баҳои

$$S(\alpha,x) \ll \left(xq^{-\frac{1}{2}} + x^{\frac{4}{5}} + x^{\frac{1}{2}}q^{\frac{1}{2}}\right)\mathscr{L}^{35}\ (14)$$

ҷой дорад ва агар $1 \le \eta \le x^{\frac{2}{5}}$, $\eta \le q < x\eta^{-1}$, $\left|\alpha - \frac{a}{q}\right| \le 2\eta(qx)^{-1}$, $(a,q) = 1$ бошад, пас баҳои зерин дуруст аст:

$$S(\alpha,x) \ll x\eta^{-\frac{1}{2}}\mathscr{L}^{35}.$$

Омӯзиши ин масъаларо О. О. Нозиров, ки соли 2021 рисолаи номзадии худро бо унвони «Қиматҳои миёнаи функсияҳои Чебишёв ва татбиқҳои онҳо» таҳти роҳбарии академики АМИТ З. Ҳ. Раҳмонов дар Шурои диссертатсионии 6D КОА-037-и назди Институти математикаи ба номи А. Ҷӯраеви АМИТ ҳимоя намуд, идома дода, баҳои (7)- ро аниқтар намуд.

О. О. Нозиров [22] тавонист бо исбот намудани теоремаи зерин дар баҳои (7) дараҷаи логарифмҳоро дар ҷамъшавандаҳо аниқтар намояд.

Теоремаи 1. *Ҳангоми $x \ge 2$ ва $q \ge 1$ будан, баҳои зерин ҷой дорад:*

$$t(x;q) \ll x\mathscr{L}^{28} + x^{\frac{4}{5}}q^{\frac{1}{2}}\mathscr{L}^{31} + x^{\frac{1}{2}}q\mathscr{L}^{32}.$$

Соли 2020 О. О. Нозиров [23] бо истифода аз баҳои (16) баҳои нави суммаи $S(\alpha,x)$-ро дар шакли теоремаи зерин, ҳангоми α адади ратсионалӣ будан, исбот намуд, ки дар он дараҷаи логарифмҳо дар ҷамъшавандаҳои баҳои (15) аниқтар карда мешавад.

Теоремаи 2. *Бигзор* $(a,q)=1$ *бошад, он гоҳ баҳои зерин дуруст аст:*

$$S\left(\frac{a}{q},x\right) \ll xq^{-\frac{1}{2}}\mathscr{L}^{29} + x^{\frac{4}{5}}\mathscr{L}^{32} + x^{\frac{1}{2}}q^{\frac{1}{2}}\mathscr{L}^{33}.$$

Дар кори [23] бо роҳи истифода бурдани теоремаи 2, теоремаи Дирихле доир ба наздикшавии ададҳои ҳақиқӣ ба ададҳои ратсионалӣ ва формулаи қисман суммиронӣ барои суммаҳои тригонометрии хаттӣ бо ададҳои сода – $S(\alpha,x)$, ҳангоми α адади дилхоҳи ҳақиқӣ будан, баҳоҳои зерин исбот карда шудааст:

Натиҷаи 2.1. *Бигзор* $\left|\alpha-\frac{a}{q}\right|<\frac{1}{q^2}$, $(a,q)=1$ *бошад, он гоҳ баҳои зерин ҷой дорад:*

$$S(\alpha,x) \ll xq^{-\frac{1}{2}}\mathscr{L}^{33} + x^{\frac{4}{5}}\mathscr{L}^{32} + x^{\frac{1}{2}}q^{\frac{1}{2}}\mathscr{L}^{33}.$$

Натиҷаи 2.2. *Бигзор* $\eta \le x^{\frac{2}{5}}, \eta \le a \le x\eta^{-1}, \left|\alpha-\frac{a}{q}\right| \le q^{-2}, (a,q)=1$ *бошад, он гоҳ баҳои зерин дуруст аст:*

$$S(\alpha,x) \ll x\eta^{-\frac{1}{2}}\mathscr{L}^{33}.$$

Ин баҳоҳо мувофиқан баҳоҳои (14) ва (15)-ро аниқтар месозанд.

Чӣ хеле ки аз ин таҳлилҳо дида мешавад, масъалаи омӯзиш ва таҳқиқи қиматҳои миёнаи функсияҳои Чебишёв ба яке аз масъалаҳои диққатҷалбкунанда мубаддал гаштааст.

Ин аст, ки дар қатори мактабҳои бонуфузи сатҳи ҷаҳонӣ дар Тоҷикистони азизи мо низ бо шарофати Истиқлоли давлатӣ мактабҳои бузурги илмӣ арзи ҳастӣ менамоянд ва аз рӯйи натиҷаҳои илмиашон дар ҷаҳон шинохта гардидаанд. Махсусан, саҳми намояндагони мактаби илмии академики Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон Зарулло Ҳусенович Раҳмонов дар ин самт хеле бузург буда, дар доираи ин масъала ду нафар намояндагони ин мактаб рисолаҳои номзадӣ ҳимоя намудаанд. Ин таҳлилҳо нишон медиҳанд, ки олимони тоҷик дар сатҳи илми ҷаҳонӣ саҳмгузор мебошанд ва дар баъзе мавридҳо ҳатто натиҷаҳои беҳтарро ба даст овардаанд. Дар назар аст, ки ин масъала дар оянда боз ҳам амиқтар мавриди омӯзиш ва таҳқиқ қарор дода шуда, натиҷаҳои назаррас ба даст оварда мешавад. Доир ба ҷанбаҳои дигари фаъолияти илмии академик З. Ҳ. Раҳмонов ва шогирдони ӯ аз корҳои [24], [25] ва [26] маълумоти бештар гирифтан мумкин аст.

АДАБИЁТ

1. Линник Ю. В. Избранные труды /Ю.В. Линник. – Ленинград: Наука, 1980. – 374 с.
2. Монтгомери Г. Мультипликативная теория чисел / Г. Монтгомери. – Москва, 1974. – 160 с.
3. Vaughan R.O. Mean value theorems in prime number theory / R.O. Vaughan /J. London Math. Soc. 1975, – V.s 2 – 10, – Is. 2, – Pp. 153 – 162.

4. Рахмонов З.Х. Простые числа и средние значения функции Чебышева. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора физико-математических наук /З.Х. Рахмонов. – Москва, 1996. – 23 с.

5. Hardy G.H., Littlwood, I.E. Some problems of partitio numerorum III. On the expression of number as a sum of primes / G.H. Hardy, I.E. Littlwood // Acta Math, 1923. – V. 44. – Pp. 1 – 70.

6. Chudakov N.G. On Goldbach-Vinogradov`s theorem / N.G. Chudakov // – Acta Math (2), 1947, – V. 48(3). – Pp. 515 – 545.

7. Карацуба А.А. Распределение произведений сдвинутых простых чисел в арифметических прогрессиях /А.А. Карацуба // Докл. АН СССР, 1970. – Т. 192. – № 4. – С. 724 – 727.

8. Рахмонов З.Х. Распределение чисел Харди Литтвлуда в арифметических прогрессиях / З.Х. Рахмонов // Известия АН СССР. Серия математическая, 1989. – Т. 52. – № 1. – С. 211 – 224.

9. Пан Чен-дон и Пан, Чен-бяо. Основы аналитической теории чисел / Пан Чен-дон, Пан Чен-бяо. – Пекин, 1991 (на китайском языке).

10. Рахмонов З.Х. Средние значения функции Чебышева / З.Х. Рахмонов // Докл. АН России, 1993. – Т. 331(3). – С. 281 – 282.

11. Рахмонов З.Х. Теорема о среднем значении $\psi(x,\chi)$ и ее приложения / З.Х. Рахмонов // Известия РАН. Серия математическая, 1993. – Т. 57. – № 4. – С. 55 – 71.

12. Рахмонов З.Х. О распределении значений характеров Дирихле и их приложения / З.Х. Рахмонов //Труды МИРАН, 1994. – Т. 207. – С. 286 – 296.

13. Рахмонов З.Х. Теорема о среднем значении функций Чебышева / З.Х. Рахмонов // Известия Российской академии наук, сер. матем., 1993. – Т. 58. – № 3. – С. 127 – 139.

14. Тимофеев Н.М. Распределение арифметических функций в коротких интервалах в среднем по прогрессиям / Н.М. Тимофеев // Изв. АН СССР, сер. матем., 1987. – Т. 51. – № 2. – С. 341 – 362.

15. Jutila M. Mean value etstimates for exponential sums with applications to L-functions / M. Jutila // Acta Arith., 57(1991). – No. 2. – Pp. 93 – 114.

16. Виноградов И. М. Избранные труды / И. М. Виноградов. – М: Изд-во АН СССР, 1952. – 436 с.

17. Исматов С. Н. Таҳқиқи муаммои Голдбах ва Варинг дар Тоҷикистони муосир / С. Н. Исматов // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, 2025. – № 2. – С. 34 – 45.

18. Бобоёров Ш.К., Рахмонов З.Х. Среднее значение функции Чебышева с квадратичным экспоненциальным весом в коротких интервалах / Ш.К. Бобоёров, З.Х. Рахмонов // Изв. АН РТ, отд. ф.-т., хим. и геол. наук, 2006. – № 2(155). – С. 5 – 24.

19. Линник Ю.В. О густоте нулей L-рядов / Ю.В. Линник // Известия АН СССР, сер.матем., 1946. – Т. 30. – № 1. – С. 35 – 46.

20. Чудаков Н.Г. Введение в теорию L-функций Дирихле / Н.Г. Чудаков. – М.: – Л.: Гос. изд-во технико-теоретической литературы, 1947. – 203 с.

21. Исматов С. Н. Аз таърихи тақсимшавии характерҳои Дирихле ва татбиқоти онҳо дар муаммоҳои гуногуни назарияи аналитикии ададҳо / С.Н. Исматов // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, 2025. – № 3. – С. 101 – 111.

22. Нозиров О. О. О среднем значений функций Чебышева / О.О. Нозиров // ДАН РТ, 2019. – Т. 62. – № 11 – 12. – С. 613 – 618.

23. Нозиров О. О. Оценки линейных тригонометрических сумм с простыми числами на основе средних значений функций Чебышёва / О.О. Нозиров // Доклады НАН Таджикистна, 2020. – Т. 62. – № 11 – 12. – С. 747 – 755.

24. Исматов С. Н. Формирование и развитие теории чисел в Таджикистане / С.Н. Исматов // Вестник Таджикского национального университета, 2023. – № 4. – С. 33 – 42.

25. Исматов С. Н. Таҳқиқи муаммои Варинг дар Тоҷикистони муосир / С.Н. Исматов // Паёми Донишгоҳи давлатии Данғара, бахши илмҳои табиӣ, 2024. – № 4 (30). – С. 28 – 36.

26. Исматов С. Н. Муаммои Эстерман ва марҳилаҳои таҳқиқи он аз тарафи олимони тоҷик / С.Н. Исматов /Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, 2025. – № 5. – С. 50 – 57.

ТАҲҚИҚ ВА ТАТБИҚИ ҚИМАТҲОИ МИЁНАИ ФУНКСИЯҲОИ ЧЕБИШЁВ АЗ ТАРАФИ ОЛИМОНИ ТОҶИК

Ҳангоми ҳал намудани як қатор муаммоҳои назарияи ададҳои сода доир ба рафтори қимати миёнаи функсияҳои Чебишёв аз рӯйи ҳамаи характерҳои Дирихле, тақсимшавии қиматҳои характерҳои Дирихле дар пайдарпайиҳои арифметикии намудҳои махсус, татбиқи онҳо барои баҳои суммаҳои тригонометрӣ бо ададҳои сода ва ҳосил намудани асимптотика барои миқдори ҳалҳои баъзе муодилаҳо ва муқоисаҳо бо ададҳои сода саволҳои гуногун пайдо мешаванд.

Мақола таърихи ба вуҷуд омадан ва мавриди омӯзиш қарор гирифтани ин муаммоҳоро дар бар гирифта, марҳилаҳои аз тарафи олимони тоҷик омӯхтан ва таҳқиқ гардидани онро баррасӣ менамояд. Дар мақола натиҷаҳои бадастовардаи олимони тоҷик таҳлил гардида, онҳо бо натиҷаҳои олимони машҳури ҷаҳон муқоиса карда мешавад. Дар омӯзиш ва таҳқиқи ин масъала саҳми академики Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон Зарулло Ҳусенович Раҳмонов ва шогирдони ӯ хеле бузург буда, онҳо дар ин самт натиҷаҳои назаррас ба даст овардаанд, ки ин натиҷаҳо дар кор ба таври муфассал дида баромада мешаванд.

Калидвожаҳо: *суммаи тригонометрӣ бо ададҳои сода, функсияи Чебишёв, L-қаторҳои Дирихле, ғалбери И. М. Виноградов.*

ИССЛЕДОВАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ СРЕДНИХ ЗНАЧЕНИЙ ФУНКЦИЙ ЧЕБЫШЁВА ТАДЖИКСКИМИ УЧЁНЫМИ

При решении ряда задач теории простых чисел, связанных с поведением среднего значения функций Чебышёва по всем характерам Дирихле, распределением значений характеров Дирихле в арифметических прогрессиях специальных видов, их применением для оценки тригонометрических сумм с простыми числами и получением асимптотики для числа решений некоторых уравнений и сравнений с простыми числами, возникают различные вопросы.

В статье рассмотрена история возникновения и изучения этих задач, этапы их исследования таджикскими учёными. Также в статье анализируются полученные таджикскими учёными результаты и проводится их сравнение с результатами известных мировых математиков. На изучение и исследование этой проблемы вклад академика Национальной Академии наука Таджикистана Зарулло Хусеновича Рахмонова и его учеников очень велика. Он получил рекордные результаты в этом направлении, которые подробно рассматриваются в работе.

Ключевые слова: *тригонометрическая сумма с простыми числами, функция Чебышёва, L-ряды Дирихле, решето Виноградова.*

THE STUDY AND APPLICATION OF THE AVERAGE VALUES OF THE FUNCTIONS OF CHEBYSHEV TAJIK SCIENTISTS

When solving a number of problems in the theory of prime numbers related to the behavior of the mean value of Chebyshev functions over all Dirichlet characters, the distribution of values of Dirichlet characters in special types of arithmetic progressions, their application to estimating trigonometric sums with prime numbers, and obtaining asymptotics for the number of solutions of certain equations and congruences involving prime numbers, various questions arise.

The article examines the history of the emergence and study of these problems, as well as the stages of their investigation by Tajik scholars. It also analyzes the results obtained by Tajik researchers and compares them with the findings of prominent mathematicians worldwide. To study and study this problem, the contribution of the Academician of the National Science of Tajikistan Zarullo Khusenovich Rakhmonov and his students is very great, and he received record results in this direction, which are examined in detail in the work.

Key words: *exponentials sums with prime numbers, Tchebychev function, Dirichlet L-series, I.M. Vinogradov sieve.*

Маълумот дар бораи муаллифон: Исматов Сайфулло Неъматович – номзади илмҳои физикаю математика, ходими калони илмии Шуъбаи математикаи амалӣ ва механикаи Институти математикаи ба номи А. Ҷӯраеви Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. E-mail: saifullo@mail.ru

Каримзода Дониёр Ҷалил – номзади илмҳои физикаю математика, ходими калони илмии Ш уъбаи алгебра ва назарияи ададҳои Институти математикаи ба номи А. Ҷӯраеви Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. E-mail: khdj.91@mail.ru **Суроға**: 734063, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. Айнӣ, бинои 299/4.

Сведения об авторах: Исматов Сайфулло Неъматович – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник отдела прикладной математики и механики Института математики имени А. Джураева Национальной Академии наук Таджикистана. E-mail: saifullo@mail.ru

Каримзода Дониёр Джалил – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник отдела алгебры и теории чисел Института математики имени А. Джураева Национальной Академии наук Таджикистана. E-mail: khdj.91@mail.ru **Адрес**: 734063, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Айни, д. 299/4.

Information about the authors: Ismatov Sayfullo Nematovich – candidate of physical and mathematical sciences, senior researcher at the department of applied mathematics and mechanics A. Dzhuraev Institute of mathematics of National Academy of sciences of Tajikistan. E-mail: saifullo@mail.ru

Karimzoda Doniyor Jalil – candidate of physical and mathematical sciences, senior researcher at the department of algebra and number theory A. Dzhuraev Institute of mathematics of National Academy of sciences of Tajikistan. E-mail: khdj.91@mail.ru **Address**: 734063, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Ayni st., 299/4.

УДК 72.03 (560)

БАНЯ - ХАММОМ КАК УТИЛИТАРНО-БЫТОВАЯ ПОСТРОЙКА СРЕДНЕВЕКОВОГО ВОСТОКА[1]

МУКИМОВ Р. С.,
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

Бани-хаммомы занимают особое место в системе общественных сооружений средневекового Востока, отражая не только уровень гигиенической культуры, но и достижения инженерной мысли своего времени. Как архитектурные объекты, хаммомы представляют собой уникальное сочетание функциональности, художественного оформления и сложной технической организации. Эти сооружения выполняли важные гигиенические, лечебные и социальные функции, становясь неотъемлемой частью городской и сельской инфраструктуры.

Несмотря на смену эпох и технологий, интерес к хаммому как к строительному и культурному феномену не угасает. Современное осмысление этих объектов позволяет не только глубже понять историческую среду, в которой они функционировали, но и извлечь ценные уроки для сегодняшней практики коммунального строительства, особенно в сельских районах. В настоящем исследовании предпринята попытка проследить эволюцию восточных бань, раскрыть их конструктивные особенности и многофункциональное назначение на основе письменных, археологических и этнографических источников.

Бани-хаммомы издавна являлись важной частью городской и сельской инфраструктуры на Востоке, отражая уровень технического развития и санитарной культуры своего времени. Эти сооружения не только обеспечивали гигиену, но и демонстрировали прогресс в инженерных решениях и строительных приёмах.

Настоящее исследование направлено на анализ различных типов восточных бань, особенностей их планировки, систем обогрева и социальной роли. Внимание акцентируется на преемственности архитектурных традиций и практическом значении этих знаний в условиях современного коммунального строительства. Несмотря на технологические достижения и автоматизацию инженерных процессов, интерес к опыту прошлого остаётся актуальным.

В центре внимания исследования находятся общественные бани как важный элемент социальной и культурной инфраструктуры средневекового общества. Их роль выходила далеко за пределы обычных санитарно-гигиенических функций: бани выполняли задачи центров общения, восстановления сил и даже лечебной терапии. В работе анализируются конкретные исторические примеры, отражающие устойчивость банных традиций и их способность трансформироваться в соот-

[1] **Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа (III - начало XX века)», государственный регистрационный номер 0121TJ1211.**

ветствии с изменяющимися условиями эпохи, сохраняя при этом свои ключевые функции, **(рис.1).**

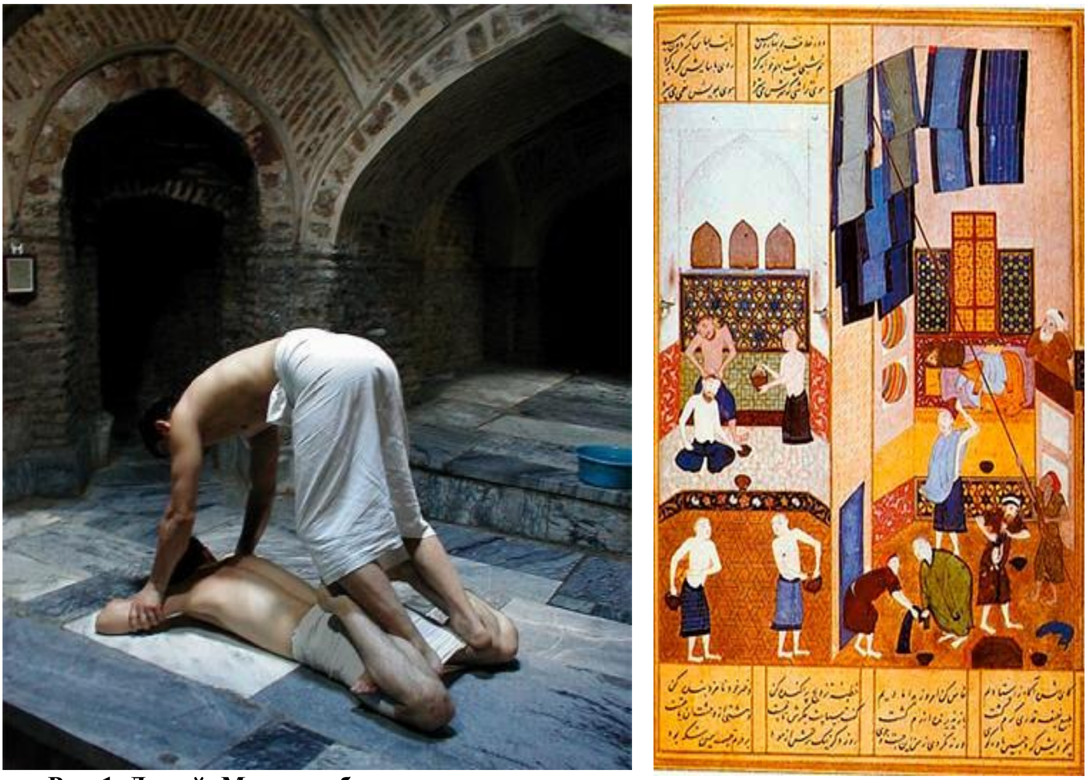

Рис. 1. Левый: Массаж в бане.
Правый: Средневековая миниатюра «В бане».

Функции восточных бань значительно выходили за рамки обычной гигиены. Они служили не только местом для омовения, но и центром оздоровительных процедур. Уже в X-XI столетиях Абу Али ибн Сино в своём фундаментальном труде «Канон врачебной науки» отмечал терапевтическое значение бань, подробно описывая составы настоев и отваров, используемых при различных недугах.

В частности, он рекомендовал банные процедуры в сочетании с лечебными средствами для облегчения болей в суставах, лечения подагры, а также заболеваний почек и органов пищеварения. Вода кипятилась с добавлением соды, буры, золы, квасцов, купороса, дрожжей и лекарственных растений -например, шиповника и лавровых ягод [1,198]. По наблюдению В.Л. Ворониной, в ряде случаев баня функционировала как своеобразное амбулаторное учреждение, где профилактика и оздоровление осуществлялись с применением комплекса процедур, в том числе массажа, игравшего значимую роль в лечебной практике [5,133]. **(см. рис. 1).**

Английский путешественник А. Борнс в своих заметках подчёркивал необычную, с его точки зрения, технику омовения, сопровождавшуюся активными массажными действиями. По его описанию, человека укладывали на ровную поверхность, после чего интенсивно растирали жёсткими щётками, скребли, похлопывали и даже слегка выкручивали суставы. Несмотря на кажущуюся грубость, такие

процедуры, по словам Борнса, придавали телу поразительную лёгкость и ощущение бодрости [3, 64]. Эти действия выполнял специальный банный служитель - массажист. Существенное лечебное значение имел и подогреваемый пол, особенно при простудных заболеваниях. По принципу действия он напоминал римские термы с системой подпольного отопления.

В средневековых городах и селениях бани выполняли не только гигиеническую, но и общественную функцию. Это были места общения, отдыха и торговли, где горожане встречались, обсуждали новости, играли в шахматы, пили чай и пользовались услугами ремесленников. Уровень чистоты бань считался показателем культурного уровня и нравов местной власти.

С целью повышения привлекательности для посетителей внутренние помещения бань нередко оформлялись с использованием художественных приёмов. Так, при археологических раскопках в Новой Нисе была выявлена баня, датируемая XII веком, стены которой украшены живописью в тёплой гамме красно-оранжевых тонов, дополненной изысканным орнаментом, выполненным чёрными и белыми линиями[12, 242].

Свидетельства о бани Мирзы в Самарканде приводятся и в записях Захириддина Бабура. Он особо подчёркивает необычайное оформление интерьера, отмечая, что её пол был выложен каменными плитами самых разных оттенков. По его словам, подобного сооружения трудно было найти не только в Самарканде, но и во всём Хорасане [4, 41] **(рис. 2).**

Рис. 2. Исторический памятник - самаркандская баня «Хаммоми Довуди». Реставрация 2009 года.

Формирование традиции общественных бань в Средней Азии восходит к VIII веку и тесно связано с арабским влиянием, оказанным в ходе завоевания региона. Постепенно эти сооружения заняли важное место в повседневной городской структуре, выполняя не только санитарно-гигиеническую, но и социальную функцию. В сочинениях учёных той эпохи, включая Абуали ибн Сино, подчёркивалась

необходимость соблюдения комфортной температуры, чистоты, достаточного освещения и эстетического оформления внутренних пространств.

Особой популярностью пользовались бани, предусматривающие индивидуальные купальни и возможность регулирования обогрева в соответствии с потребностями посетителей. В трактате «Адаб-уль-салихин» указывается, что пребывание в пустой бане рассматривается как особая удача, что свидетельствует о её значимости как места отдыха и оздоровления [7,60].

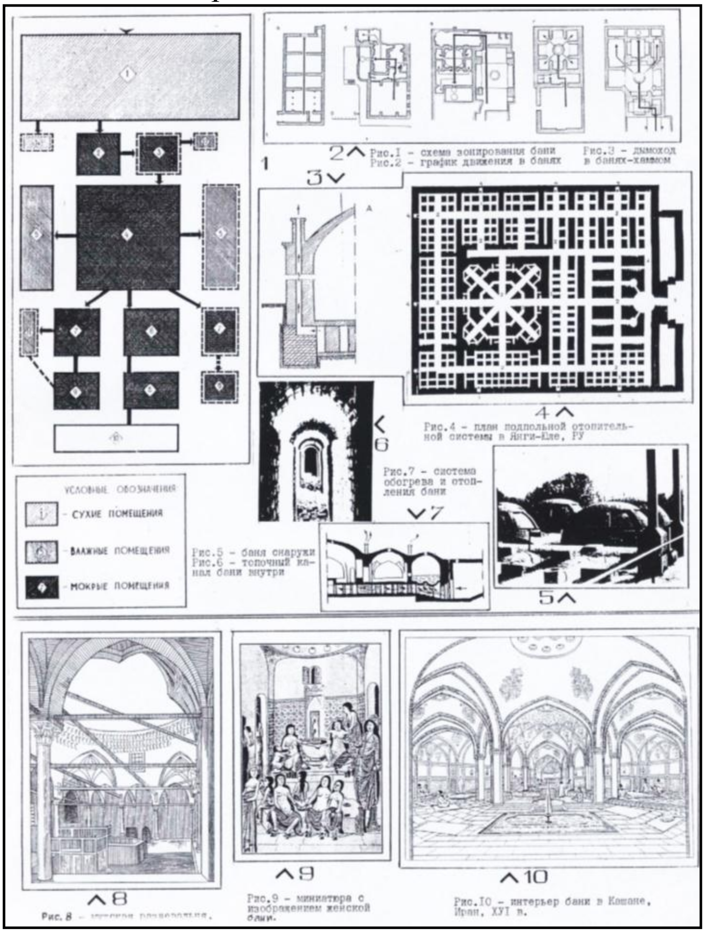

Рис.-табл. 3. Бани - хаммом в средневековом обществе Востока
(по С. Р. Мукимовой).

В целом, проведённый обзор позволяет заключить, что восточные бани представляли собой уникальное явление общественной и архитектурной культуры, обладая высокой функциональной и социально-коммуникативной значимостью. Их особенности и приемы организации не только отражают традиционные представления о гигиене и здоровье, но и демонстрируют потенциал для современного переосмысления и практического использования с учётом принципа преемственности.

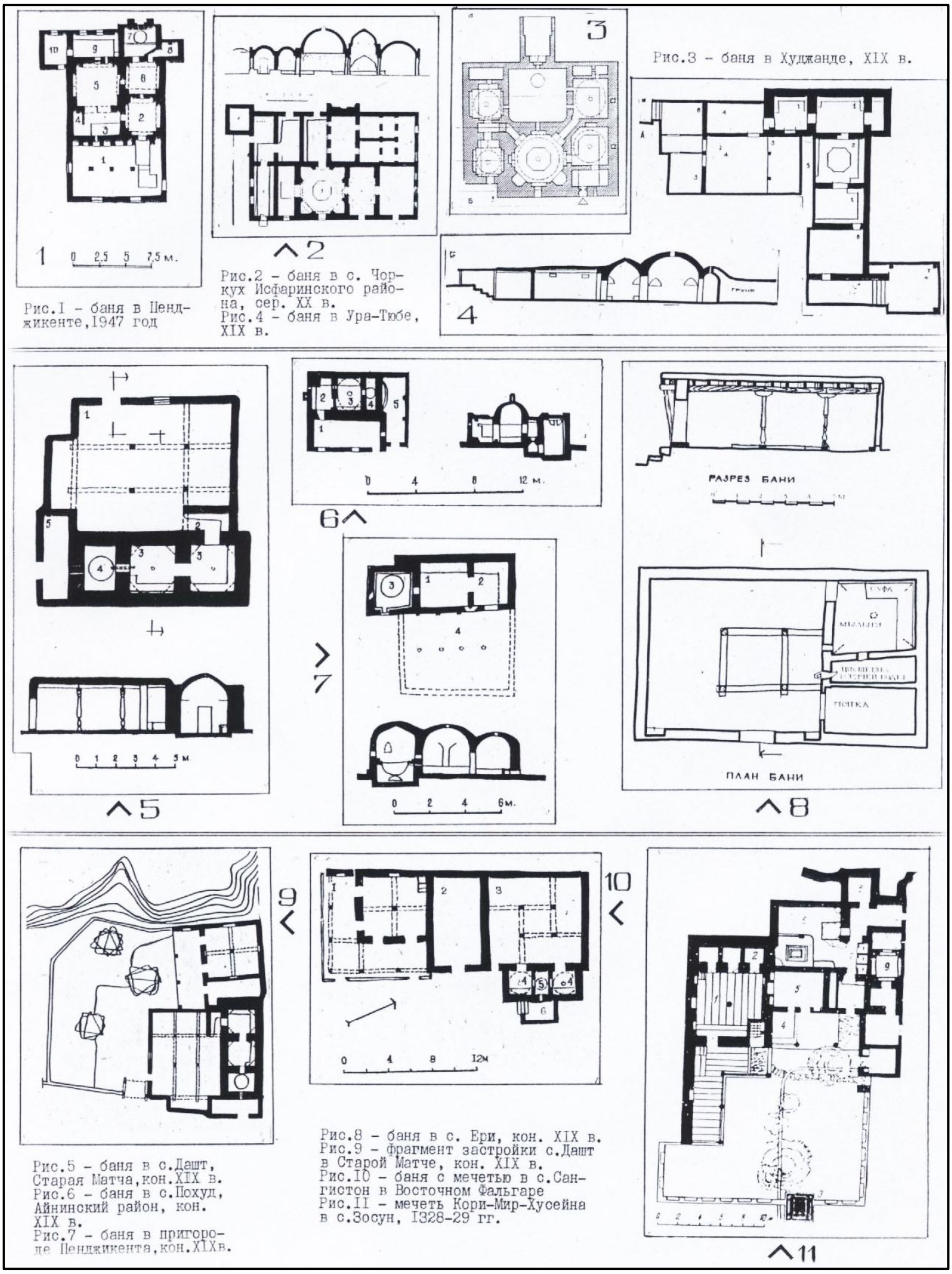

Рис.-табл. 4. Типы бань-хаммом в Таджикистане (по С. Р. Мукимовой).

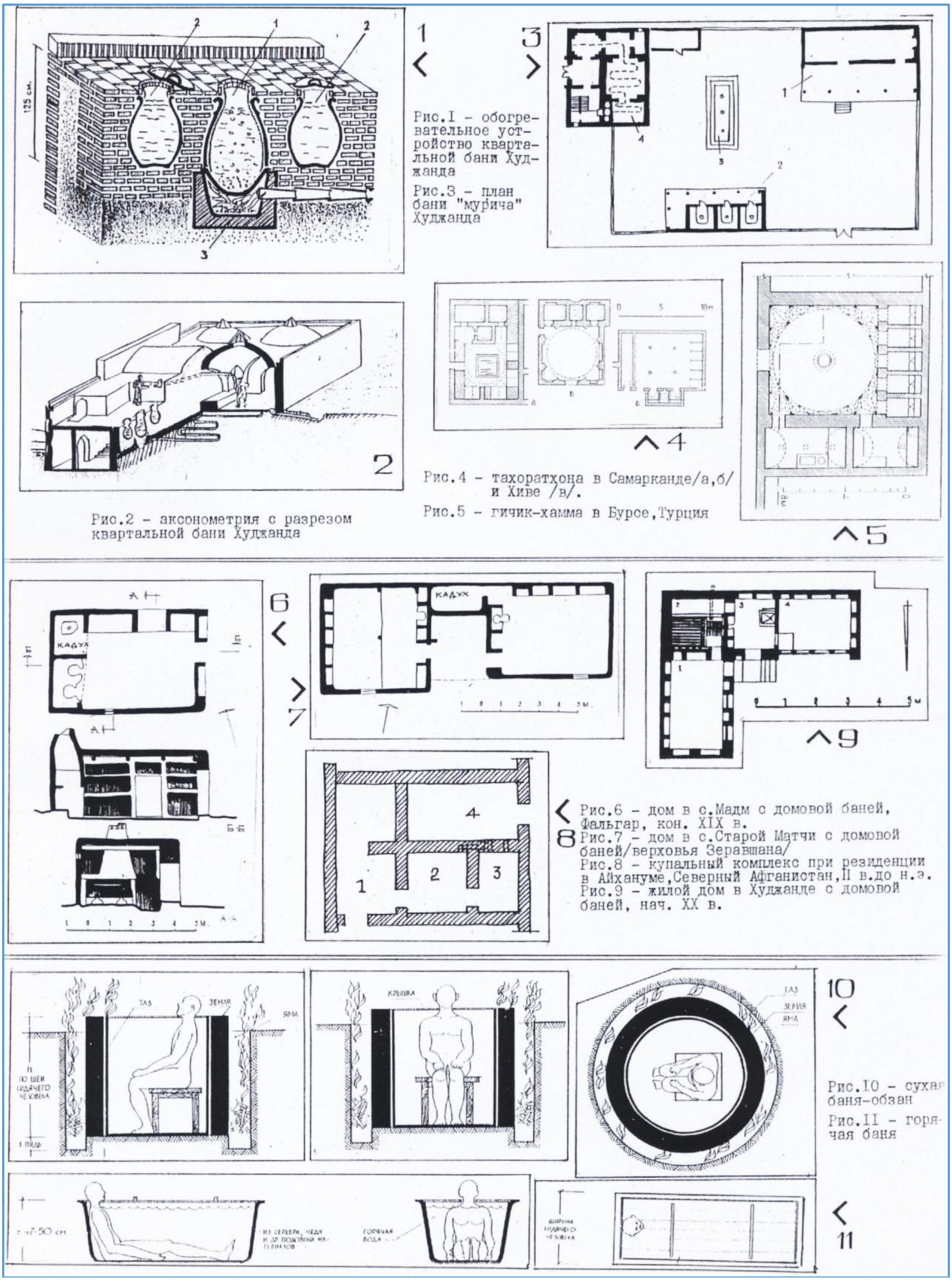

Рис.-табл. 5. Разновидности бань-хаммомов (по С.Р. Мукимовой).

На территории современного Таджикистана банные сооружения возводились как в городах, так и в сельских поселениях. По данным археологии и письменных источников, наиболее ранние упоминания об общественных банях в этом регионе датируются IX - X веками [3,178]. Например, в Афрасиабе - значимом городском центре эпохи Саманидов - в результате археологических раскопок были обнаружены остатки пяти банных комплексов, расположенных в кварталах, прилегающих к центральной части древнего городища. Особое внимание заслуживает их функциональное устройство: наряду с различными по форме и назначению купелями, здесь присутствовали специальные резервуары, предназначенные для приготовления ароматических составов, настоев на основе лекарственных трав и минеральных добавок [14, 127, 129]. Среди городов региона Мавераннахра и Хорасана наибольшее число банных сооружений, по историческим данным, приходилось на Бухару (порядка 20) и Балх, где их насчитывалось до 500 [11, 59; 5,41; 4].

Восточные бани (хаммамы) обладали целым рядом архитектурных особенностей, отражающих как климатические, так и культурные условия региона. Основной принцип их устройства заключался в последовательном переходе из одного помещения в другое с нарастающей температурой воздуха. Система подогрева, как правило, обеспечивалась через тёплый пол, а само название «хаммам» происходит от арабского глагола хамма, что означает «нагревать». О терапевтическом значении подобного температурного градиента упоминал и Ибн Сина (Авиценна), подчёркивая, что первая комната оказывает охлаждающее и увлажняющее действие, вторая - согревает и увлажняет, а третья – одновременно согревает и подсушивает организм [1,196].

В исторической традиции Таджикистана, как и других регионов Средней Азии, со временем сформировалось три основных типа банных сооружений. К ним относятся городские бани, располагавшиеся, как правило, в центральной части города; квартальные, обслуживавшие население отдельных жилых участков; а также сельские бани, предназначенные для жителей деревенских поселений. Эти типы хорошо описаны в научной литературе, включая работы таджикских исследователей, поэтому детально рассматривать их не будем. Ниже остановимся на отдельных особенностях бань, которые демонстрируют оригинальные технические решения мастеров того времени.

Несмотря на редкие сохранившиеся примеры, исторические и архивные данные подтверждают широкое распространение бань в городах Таджикистана. В середине XIX века в Ура-Тюбе насчитывалось пять бань [16, 691], в Худжанде -две [13,67], а в Бухаре - восемнадцать [3, 411]. По данным А. К. Мирбабаева и Р. С. Мукимова, к началу XX века только в Восточной Бухаре действовало около 50 бань [10,66]. Купольные бани сохраняли своё функциональное значение и продолжали использоваться в таких населённых пунктах, как Канибадам, Исфара, Чоркух, Пенджикент и другие **(см. рис.-табл. 4).** В отдельных случаях, особенно в XX веке, их строительство осуществлялось мастерами из Ферганской долины, которые опирались на проверенные временем традиционные технологии и приёмы.

Бани квартального типа, известные как «мурича», отличались лаконичным архитектурным решением: они включали одно-два моечных помещения с купольным перекрытием, предбанник и зону с печью и цистерной для нагрева воды. Они часто строились при мечетях и включали в состав комплекса тахоратхону и мустабхону [8,163]. Обогрев осуществлялся через подземные жаровые каналы и дымоходы, встроенные в стены **(рис.-табл. 5).** В бане квартала Чукурак, как отмечает А. К. Мирбабаев, на крыше было семь дымоотводов – дудбаро [8,164]. Ходжентские цистерны отличались сложной конструкцией: для усиления тепла над котлом создавался тепловой кожух из смеси песка, извести, золы, яиц и патоки. По краям размещались вкопанные в землю сосуды-хумы, обеспечивавшие дополнительный запас воды.

А.К. Мирбабаев отмечает существование домовых бань, известных под названиями «кадух» и «гармоба» [9,160]. В ряде жилых домов Худжанда удалось выявить подобные помещения, использовавшиеся для семейного купания в определённые дни. Так, в одном из жилых домов по улице Стаханова, 50, с торца здания была оборудована небольшая затемнённая комната с пониженным уровнем пола. В её передней части находилась деревянная решётка, установленная над щелью для слива воды, которая выводилась за пределы строения **(см. табл. 5, рис. 5).**

Такое помещение использовалось в качестве кадуха. Однако для совершения тахората оно не применялось: для ритуального омовения в доме имелась специально отведённая площадка в помещении оштонхона, где размещался впитывающий колодец, а вода подогревалась в мури. В горных районах, таких как Восточный Фальгар и Старая Матча, возле очагов-мури часто устраивали небольшие углубления с водоотводом – своеобразные домашние тахоратхоны.

В ряде авторских исследований, посвящённых традиционной архитектуре Верхнезеравшанского региона, а также таких городов, как Худжанд, Ура-Тюбе (современный Истаравшан), Чоркух и других населённых пунктов, детально анализируется планировочная организация и конструктивные особенности как сельских, так и городских банных сооружений [10,64;11,56].

Отмечено, что сельские хаммомы были многофункциональными и по устройству напоминали городские «мурича». В горных поселениях, где инфраструктура была ограничена, часто единственными общественными зданиями выступали мечеть и баня, которые нередко объединялись под одной кровлей **(табл. 5, рис. 5).** Это объясняется схожестью их социальных функций. Как мечеть, так и хаммом выполняли роль своеобразного центра общения, места встреч и религиозных практик. Поэтому их объединение в одном объёме было вполне логичным, при этом главенствующее значение имела мечеть, а баня зачастую исполняла функции тахоратхона.

Анализ традиционной архитектуры горных районов Таджикистана позволил выделить два основных типа бань в зависимости от их размещения в пространственной структуре поселения. Первый тип – отдельно стоящие постройки, возводившиеся независимо от других сооружений. Такие бани были распространены, в частности, в Пенджикентском районе, по долине Исфарысая, в Кофарнихоне, а

также на окраинах Канибадама, Худжанда и Истаравшана. Второй тип - бани, интегрированные в архитектурный ансамбль с мечетью, – преимущественно встречались в высокогорных сёлах Верхнего Зеравшана, Каратегина и Дарваза.

Одним из зафиксированных примеров отдельно расположенной сельской бани служит здание, расположенное в селе Похуд Айнинского района. Впервые оно было документировано в 1950-х годах исследовательницей В.Л. Ворониной [5, 187; 6,176-178], а впоследствии, в 1980-е годы, более подробно обследовано и описано в работах С.М. Мамаджановой и Р.С. Мукимова [15,697].

Характерной иллюстрацией второго типа банного сооружения служит архитектурный ансамбль, расположенный в селении Дашт (регион Восточного Фальгара) и относящийся к XIX веку [15, 696]. Хотя баня здесь представляет собой отдельную постройку, она функционально и композиционно объединена с мечетью и общим внутренним двором, имеющим единый вход – дарвозахона. В непосредственной близости находится большое частное домовладение, имеющее собственный вход.

Планировочное решение банного сооружения предусматривает наличие просторного зала для отдыха, оформленного четырьмя колоннами, а также комплекса моечных помещений, перекрытых сводчатыми конструкциями. Непосредственно перед зоной омовения расположен небольшой альков, выполняющий функцию раздевалки. Моечные камеры оборудованы лежанками, размещёнными вдоль стен, и соединены с котельной-резервуаром, в которой осуществляется нагрев воды. Вблизи расположена печь, имеющая отдельный выход наружу.

Архитектура сельской бани отличается сдержанностью форм и отказом от декоративных элементов, благодаря чему здание гармонично вписывается в окружающую жилую среду и не конкурирует визуально с главным архитектурным акцентом ансамбля - мечетью с открытым айваном. Подобно городским аналогам, в подобных постройках акцент сделан на внутреннее пространство. Планировочная структура предполагает чёткое функциональное зонирование: светлый зал с балочным перекрытием, опирающимся на четыре искусно вырезанные колонны, контрастирует с компактными и монументальными моечными помещениями. Такой контраст усиливает выразительность внутреннего объёма и придаёт пространству эмоциональную глубину. Вероятно, это приём был осознанно использован народными зодчими. Композиционное соседство бани и мечети также неслучайно: несмотря на различие функций, в их совмещении прослеживается стремление к гармоничному архитектурному решению общественного центра селения.

Все изложенное подтверждает высокий уровень мастерства народных зодчих, которые, не обладая профессиональным архитектурным образованием, интуитивно достигали гармонии в композиции и функциональной организации пространства. Их подходы демонстрируют глубокое понимание градостроительных принципов и значимость передачи строительных традиций в рамках ремесленных сообществ.

Опыт традиционного устройства бань остаётся актуальным и сегодня. Особенно ценным он представляется в сельской архитектуре, где подобные постройки от-

личаются экономичностью, простотой возведения и адаптацией к местным условиям. Использование местных материалов и топлива делает их удобными в эксплуатации. Инженерные решения прошлого могут быть адаптированы к современным санитарным и техническим требованиям, способствуя развитию устойчивой архитектурной практики в сельских регионах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абуали ибн Сино. Канон врачебной науки. - Кн. I.-Ташкент: Изд. «Фан», 1954. – 400 с.
2. Бабур-Наме. Записки Бабура/Перев. И коммент. М.Салье. - Изд. 2-е. - Ташкент: Гл. Ред. Энциклопедий, 1993. - 529 с.
3. Борнс А. Путешествие в Бухару. - СПб, 1848. – 514 с.
4. Воизи Балхи, Абубакр. Фазоили Балх, - Тегеран, 1350 х. – 396 с. (на фарси яз.).
5. Воронина В. Л. Бани-хаммом у народов Советского Союза и стран Зарубежного Востока // АН. – 1983. - М. - № 31. – С. 98-133.
6. Воронина В. Л. Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана// СЭ. – 1953. - М. - № 3. - С. 176-188.
7. Кашгари, Мухаммад Садык. Кодекс приличий на Востоке. (Адаб-уль-салихин): Сборник / Мухаммед Садык-и- Кашкари; Пер. с тюркского Нил Лыкошин. - 63 с.
8. Мирбабаев А. К. Историческое наследие Худжанда. – Душанбе: Изд. «Ирфон», 1995. – 160 с.
9. Мирбабаев А. К. Ходжентские квартальные бани «мурича» - одна из древнейших традиций среднеазиатской миниатюрной бани // Исследования по истории и культуре Ленинабада. - Душанбе: Изд. «Дониш», 1986. - С. 160-174, ил.
10. Мирбабаев А.К., Мукимов Р.С. Городское хозяйство Мавераннахра и Хоросана в IX-X вв. // Тр. ТТУ. Серия: Строительство и архитектура. - Вып. 5.- Душанбе: ТТУ, I994. - С.64-67.
11. Мукимов Р.С. Своеобразие архитектуры таджикской сельской бани Верхнего Зеравшана XIX-начала XX вв// Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. - Душанбе: Изд. «Дониш»,1981. С.112- 125, ил.
12. Пугаченкова Г.А. Архитектурные памятники Нисы // Тр. ЮТАКЭ. – Том.1.- Ашхабад: АН Туркм.ССР, 1949. – С. 191-201.
13. Турсунов Н.О. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX в. -Душанбе: Изд. «Ирфон», 1975. – 302 с., ил.
14. Шишкина Г.В. Городской квартал VIII-XI вв. // Афрасиаб. - Вып. 2.- Ташкент: АН Узб.ССР, 1973. - 235 с.
15. Энциклопедия памятников арийской культуры Центральной Азии. Таджикистан. Книга первая. /Авторы-составители: Мамаджанова С. М., Мукимов Р.С., Каримов М.К., Сайёра Мукимова, Саодат Мукимова. Под общей редак. Мукимова Р.С.. – Душанбе: ООО «Контраст», 2012. – 740 с.
16. Южаков Ю. Наши приобретения в Средней Азии // Отечественные записки. - № 4, том 171. - С. 560-789.

БАНЯ - ХАММОМ КАК УТИЛИТАРНО – БЫТОВАЯ ПОСТРОЙКА СРЕДНЕВЕКОВОГО ВОСТОКА

В статье рассматривается баня-хаммом как важная часть общественной и инженерной инфраструктуры средневекового Востока. Особое внимание уделено её санитарным, лечебным и социальным функциям, а также архитектурным и техническим особенностям. Анализируются различные типы бань, распространённые в Таджикистане, их планировка, система отопления, декоративное оформление и роль в повседневной жизни. Показывается преемственность строительных тради-

ций и актуальность исторического опыта в современных условиях. Материал основан на письменных источниках, археологических данных и полевых исследованиях. Статья подчёркивает значимость бань как культурного феномена и памятников народного зодчества.

Опыт традиционного устройства бань остаётся актуальным и сегодня. Особенно ценным он представляется в сельской архитектуре, где подобные постройки отличаются экономичностью, простотой возведения и адаптацией к местным условиям. Использование местных материалов и топлива делает их удобными в эксплуатации. Инженерные решения прошлого могут быть адаптированы к современным санитарным и техническим требованиям, способствуя развитию устойчивой архитектурной практики в сельских регионах.

Ключевые слова: *баня, архитектура, Средней Азия, традиции, система отопления, инженерной инфраструктуры.*

ҲАММОМ ҲАМЧУН ИНШООТИ КОММУНАЛӢ - МАИШИИ АСРИ МИЁНАИ ШАРҚИ ИСЛОМӢ

Дар ин мақола ҳаммом ҳамчун ҷузъи муҳимми инфрасохтори иҷтимоӣ ва муҳандисии Шарқи асрҳои миёна баррасӣ мешавад. Ба вазоифи санитарӣ, табобатӣ ва иҷтимоии он, инчунин ба хусусиятҳои меъморӣ ва муҳандисии ҳаммомҳо таваҷҷуҳи махсус дода мешавад. Намудҳои мухталифи ҳаммомҳо, ки дар Тоҷикистон паҳн шудаанд, нақшаи меъморӣ, низоми гармидиҳӣ, ороиши дохилӣ ва нақши онҳо дар ҳаёти ҳаррӯза таҳлил мегардад. Пайвастагии анъанаҳои сохтмонӣ ва аҳаммияти таҷрибаи таърихӣ дар шароити муосир нишон дода мешавад. Мавод тибқи манбаъҳои хаттӣ, маълумоти бостоншиносӣ ва таҳқиқоти саҳроӣ таҳия гардидааст. Мақола аҳаммияти ҳаммомҳоро ҳамчун падидаи фарҳангӣ ва ёдгории меъмории халқӣ таъкид мекунад.

Таҷрибаи сохтмони анъанавии ҳаммом имрӯз хам аҳаммияти калон дорад. Махсусан дар меъмории деҳот арзиш доранд, ки ин гуна биноҳо бо сарфаю сариштакорӣ, осонии сохтмон ва ба шароити маҳал мувофиқ буданашон фарқ мекунанд. Масолеҳ ва сӯзишвории маҳаллӣ истифодаи онҳоро осон мегардонад. Қарорҳои муҳандисии замони гузашта метавонанд ба талаботи муосири санитарӣ ва техникӣ мутобиқ карда шаванд, ки ба рушди амалияи устувори меъморӣ дар деҳот ҳамаҷониба мусоидат мекунанд.

Калидвожаҳо: *ҳаммом, меъморӣ, Осиёи Миёна, анъанаҳо, гармидиҳӣ, биноҳои ҷамъиятӣ, инфрасохтори иҷтимоӣ.*

HAMMAM BATHHOUSE AS A UTILITARIAN AND DOMESTIC STRUCTURE OF THE MEDIEVAL EAST

This article explores the hammam bathhouse as an important component of the public and engineering infrastructure of the medieval East. Special attention is given to its sanitary, therapeutic, and social functions, as well as its architectural and technical features. Various types of bathhouses found in Tajikistan are analyzed, including their lay-

out, heating systems, decorative elements, and their role in everyday life. The study highlights the continuity of construction traditions and the relevance of historical experience in modern conditions. The material is based on written sources, archaeological findings, and field research. The article emphasizes the significance of bathhouses as a cultural phenomenon and as monuments of vernacular architecture.

The experience of traditional bathhouse construction remains relevant today. It is especially valuable in rural architecture, where such buildings are distinguished by their economy, ease of construction and adaptation to local conditions. The use of local materials and fuels makes them easy to use. Engineering solutions from the past can be adapted to modern sanitary and technical requirements, promoting the development of sustainable architectural practices in rural areas.

Key words: *hammam, architecture, Central Asia, traditions, heating, public buildings, engineering infrastructure.*

Сведения об авторе: Мукимов Рустам Саматович - доктор архитектуры, профессор, старший научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. E-mail mukimovr@mail.ru

Дар бораи муаллиф: Муқимов Рустам Саматович - доктори илми меъморӣ, профессор, ходими калони илмии Шуъбаи таърихи қадим, асрҳои миёна ва муосири Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. E-mail:mukimovr@mail.ru

About the author: Rustam Samatovich Mukimov - Doctor of Architecture, Professor, Senior Research Fellow at the Department of Ancient, Medieval, and Modern History, A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Tajikistan. E-mail: mukimovr@mail.ru

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

ИЛМ АЗ ҲИЛМ НЕКПАЙ ГАРДАД...

Элбон ҲОҶИБЕКОВ рӯзи 12 - уми августи соли 1955 дар Ҷамоати деҳоти Поршневи ноҳияи Шуғнони Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон дар оилаи омӯзгор ба дунё омадааст. Баъд аз хатми дабистони зодгоҳаш соли 1972 ба факултети таърихи Университети давлатии Тоҷикистон ба номи В. И. Ленин дохил гардида, онро соли 1977 бомуваффақият хатм карда, бо роҳхати Вазорати маорифи Ҷумҳурии Шуравии Сотсиалистии Тоҷикистон моҳи сентябри соли 1977 барои кор ба мактаби миёнаи № 7-и шаҳри Хоруғ ба номи Юрий Гагарин (ҳозира ба номи Ш. Шонаврӯзов) фиристонида шуда, то моҳи сентябри соли 1995 ба сифати муаллими фанни таърих ва ҷомеашиносӣ дар мактаби зикршуда кору фаъолият кардааст.

Аз моҳи сентябри соли 1995 барои кор ба Донишгоҳи давлатии Хоруғ ба номи Моёншо Назаршоев даъват шуда, то соли 1997 дар вазифаи ассистенти кафедраи таърихи умумӣ, солҳои 1997 - 2001- аспиранти шуъбаи ғоибонаи Институти илмҳои гуманитарии дар Помир будаи Академияи милли илмҳои Тоҷикистон таҳсил намуда, солҳои 1998 - 2000 ба ҳайси ассистент ва муаллими калони кафедраи мазкур ифои вазифа кардааст. Моҳи декабри соли 2002 дар Шурои диссертатсионии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон дар мавзуи «Пирони тариқати исмоилӣ ва нақши онҳо дар ҳаёти ҷамъиятӣ - сиёсӣ ва мадании Шуғнон (нимаи дуюми асри XIX - солҳои 30-юми асри XX)» рисолаи илмиашро муваффақона ҳимоя намуда, сазовори унвони номзади илмҳои таърих гардид.

Солҳои 2004 - 2017 дар вазифаҳои мудири кафедраи таърихи умумӣ, солҳои 2022 - 2023 мудири кафедраи таъриху ҳуқуқи ДДХ ба номи М. Н. Назаршоев шуда кору фаъолият кардааст. Ба сипоси хадамоти тулониаш Э. Ҳоҷибеков бо нишони «Аълочии маорифи халқи ҶШС Тоҷикистон» (соли 1985), унвони муаллими дараҷаи олӣ (соли 1994) сарфароз гардидааст. Бо қарори Шурои олимони ДДХ ба номи академик М. Назаршоев таҳти рақами 607 аз санаи 22 - юми декабри соли 2014 ва қарори самти таърихи Президиуми РАЕ-и Федератсияи Россия сазовори унвони илмии профессорӣ (18-уми сентябри соли 2015), унвонҳои фахрии «Корманди шоистаи илм ва маориф» (аз санаи 30-юми сентябри соли 2015) ва доктори илми Федератсияи Россия гардидааст.

5 майи соли 2021 дар Шурои диссертатсионии назди ДМТ дар мавзуи «Тараққиёти сотсиалӣ-иқтисодӣ ва мадании ВМКБ дар замони Ҳукумати Советӣ» (солҳои 1917-1991) рисолаи докториашро муваффақона ҳимоя карда, бо қарори КОА-и Федератсияи Россия сазовори унвони доктори илмҳои таърих гардидааст.

Элбон Ҳоҷибеков муаллифи маҷмуаи мақола ва очеркҳо оид ба таърих, фарҳанг, забону адабиёт, ҳикмат ва мазҳаб ва этнологияи мардуми Бадахшон ва «Қиссаҳои таърихӣ ва ривоятии Шуғнони Тоҷикистон ва Афғонистон», рисолаҳои илмии «Исмаилитские духовные наставники (пиры), их роль в общественно-политической и культурной жизни Шугнана (вторая половина Х1Х - ХХвв)», «Социально-экономическое и культурное развитие ГБАО Республики Таджикистан в годы Советской власти (1917-1991гг.)» ва инчунин муаллифи зиёда аз 75 мақолаи илмӣ оид ба таърихи ВМКБ ва таърихи ислом (исмоилия) мебошад.

Бар замми ин мавсуф дорои методикаи ба худ хоси дарсгузаронӣ дар мактабҳои таҳсилоти миёнаи умумӣ ва муаллифи якчанд китобҳои дарсӣ ва дастурҳои методӣ ба ёрии муаллимони фанни методикаи таълим дар макотиби олӣ ва инчунин як қатор корҳои илмӣ низ мебошад. Аз ҷумла, асарҳои «Нақши пирони мазҳабӣ дар худихтиёрӣ ба Россия ҳамроҳ шудани Помир», «Таъқиботи солҳои 30-юми асри ХХ дар Бадахшон», «Ҳиссаи пирони мазҳабӣ дар инкишофи фарҳанг», «Нақши пирони исмоилӣ дар ҳамроҳ намудани Помир ба Россия», «Нақши пирони мазҳабӣ дар худихтиёрӣ ҳамроҳ шудани Помир ба Руссия», «Саид Козум Саидфаррухшоев ва саҳми мардуми Бадахшон дар ёрӣ ба фонди мудофиаи Давлати Шуравӣ дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ», «Закоти исмоилиёни Бадахшон (солҳои1900 - 1925-и асри ХХ», «Ақл ва мазҳаб дар асари «Фазилатнома»-и пир Саид Ҷалолишоҳ валади Саид Шоҳкалон». «Ривояте чанд оид ба пир Машнари Сабзалӣ» ба қалами ӯ тааллуқ доранд.

Нигоштаҳои илмии Элбон Ҳоҷибеков ба масъалаҳои таърихи сиёсӣ, фарҳангӣ, мазҳабӣ, адабӣ ва этнолингвистии Бадахшон ва минтақаҳои ҳамҷавор бахшида шудаанд. Ӯ дар осори худ саҳми ходимони ҷамъиятӣ дар ташаккули ВМКБ, суннатҳои мазҳабӣ, ҳаракатҳои иҷтимоӣ, мероси адабӣ ва андешаҳои гуманистии шахсиятҳои барҷаста, аз ҷумла Ҳаким Носири Хусрав, Ҷалолиддини Балхӣ, Рӯдакӣ, Муҳаммади Ғазолӣ ва Имом Абуҳанифаро таҳқиқ намудааст. Дар як қатор мақолаҳо масъалаҳои шӯриши Маҳрамбек, суннатҳои маросимӣ, ракс ва ойинҳои мардумӣ, инчунин вазъи забони шуғнонӣ аз дидгоҳи этнолингвистӣ мавриди таҳлил қарор гирифтаанд.

Илова бар ин, ӯ муаллифи мақолаҳои илмӣ-оммавӣ оид ба таърихи Хатлону Бадахшон, масъалаҳои мубрами таърихнигории тоҷик, авзои иҷтимоӣ-сиёсии минтақа, ҷашну ойинҳои мардумӣ, нақши зан дар ислом ва бархе падидаҳои муосири ҷаҳони ислом мебошад.

Ба ифтихори 70-умин солгарди зодрӯзи олим, аҳли қалам ва ҳайати таҳририяи маҷаллаи илмӣ - назариявии «Муаррих» ӯро самимона шодбош гуфта, сухани ҳаким Саноиро ҳусни анҷоми ин нигошта қарор медиҳанд:

Илм аз ҳилм некпай гардад,
Санг бе санг лаъл кай гардад.

Мухбирҷон КЕНҶАЕВ,
ходими илмии ИТБМ АМИТ

БА ТАВАҶҶУҲИ МУАЛЛИФОН

Маҷаллаи илмӣ-назариявии «Муаррих» нашрияи расмии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон буда, нашри он мутобиқи Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи матбуот ва дигар воситаҳои ахбори омма» амалӣ мегардад. Маҷалла ба нашри мақолаҳо аз самтҳои гуногуни илми таърих ихтисос дорад.

ҲАДАФҲОИ МАҶАЛЛАИ ИЛМӢ-ТАҚРИЗШАВАНДАИ «МУАРРИХ»

– Инъикоси саривақтии натиҷаҳои пажӯҳишҳои илмии олимони Ҷумҳурии Тоҷикистон, инчунин муҳаққиқони кишварҳои хориҷии наздик ва дур оид ба самтҳои зерини илм: таърих, таърихнигорӣ, бостоншиносӣ, мардумшиносӣ, сиккашиносӣ, таърихи илм ва техника, таърихи муносибатҳои байналмилалӣ ва сиёсати хориҷӣ, таърихи санъат, фарҳанг ва фалсафа;

– Тақвияти ҳамкориҳои байналмилалӣ дар соҳаҳои таърих, таърихнигорӣ, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ;

– Фароҳам овардани имкони нашри натиҷаҳои таҳқиқоти илмӣ барои муҳаққиқон;

– Барарсии масоили мубрами илми таърих ва самтҳои умедбахши рушди он;

– Ҷустуҷӯи донишҳои нав барои рушди иҷтимоиву фарҳангии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва минтақаҳои он;

– Тарғиби дастовардҳои илмии олимони институт, муассисаҳои таҳсилоти олӣ ва дигар ниҳодҳои илмии кишвар.

ШАРТҲОИ НАШРИ МАҚОЛА ДАР МАҶАЛЛАИ «МУАРРИХ»

– Ҳайати таҳририяи маҷалла мақолаҳо, тавзеҳот ва тақризҳои илмии қаблан дар ҳеҷ нашрияи чопӣ ё электронӣ интишорнаёфтаро мепазирад, ки дорои навовариҳои назариявӣ ё амалии асоснок дар соҳаи илми таърих бошанд;

– Қарор дар бораи қабул ё радди мақола тибқи аҳаммият, навигарӣ ва арзиши илмии мавод қабул карда мешавад;

– Муаллиф (ё ҳаммуаллифон) барои саҳеҳияти иттилооти илмӣ ва ҳамаи маълумоти дар мақола, тавзеҳ ва тақриз зикршуда масъул аст;

– Ҳамаи маводи пешниҳодгардида тавассути низоми «Антиплагиат» мавриди санҷиш қарор мегиранд. Дар асоси натиҷаҳо, ҳайати таҳририя дар бораи қабул ё радди мақола ба муаллиф хабар медиҳад;

– Маводе, ки аз санҷиши плагиат гузаштаанд, ба таҳлили таҳқиқотӣ аз ҷониби мутахассисони соҳавӣ (тақризи дохилӣ) ирсол мешаванд;

– Мақола бояд тибқи талаботи сомонаи расмии маҷалла таҳия гардида, ба тавсияҳои муқарризон посухи дақиқ дода шавад;

– Ҳайати таҳририя метавонад хатоҳои имлоӣ, услубӣ ва техникӣ-муҳаррирро бе мувофиқа бо муаллиф ислоҳ намояд, аммо дар ҳолатҳои муҳими мазмунӣ ин ислоҳот бо муаллиф мувофиқа карда мешаванд;

– Мақолаи такмилшуда бояд дар муҳлати муқарраргардида ба таври чопӣ ва электронӣ ба идора баргардонида шавад;

– Мақолаҳои радшуда баргардонида намешаванд, аммо ҷавоби расмии асоснок ба муаллиф ирсол мегардад;

– Тақризҳо тибқи дархости шӯроҳои коршиносии КОА (Комиссияи олии аттестатсионӣ) пешниҳод мешаванд.

ТАЛАБОТ БА ТАҲИЯИ МАҚОЛА (ТАВЗЕҲ ВА ТАҚРИЗ)

1. Ба маҷалла мақола, тавзеҳ ва тақризҳои илмии мутобиқ ба ихтисосҳои 5.6.1-5.6.7 қабули чоп мешаванд, ки пештар интишор наёфтаанд.
2. Муаллифон бояд ҳуҷҷатҳои зеринро пешниҳод намоянд:

– Матни мақола ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ (бо тарҷумаи ҳатмии унвон, фишурда ва калидвожаҳо ба ду забони хориҷӣ);

– Мактуби роҳнамо бо имзои роҳбари муассиса ва имзои аслии муаллиф дар шакли чопӣ;

– Тақризи доктор ё номзади илм, бо мӯҳр ва имзои роҳбари муассисаи кории муқарриз;

– Маълумотнома барои магистрантҳо ё аспирантҳо;

– Нусхаи чопии ҳуҷҷатҳо бояд ба нишонии зерин ирсол шаванд: **734025, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ 33, Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш, бинои асосӣ, ошёнаи 1, ҳуҷраи 21, тел.: (+992 37) 221-37-42**;

– Нусхаи электронӣ ба почтаи: **istorik.tarena.tj@yandex.ru**.

МАҚОЛА БОЯД ДОРОИ УНСУРҲОИ ЗЕРИН БОШАД:

– Индекси УДК (аз тарафи чап, дар сатри алоҳида);

– Ному насаб, унвон ва дараҷаи илмӣ, ихтисоси илмӣ, ҷойи кор ва шаҳру кишвари муаллиф (ба се забон);

– Унвони мақола бо ҳарфҳои калон ба се забон, ҳуруфи Times New Roman 14;

– Фишурда ба забонҳои русӣ ва англисӣ, 100-250 вожа, бо зикри ҳадаф, вазифа ва натиҷаҳои асосии таҳқиқ;

– Калидвожаҳо (5-7 адад) ба русӣ ва англисӣ, курсив, бо вергул ҷудо карда шаванд;

– Рӯйхати адабиёт (танҳо сарчашмаҳои истинодшуда), бо риояи алифбо ва талаботи ГОСТ;

– Иқтибосҳо дар қавсайни квадратӣ бо зикри рақами сарчашма ва саҳифа: [3, 15], [4, 25; 7, 88];

ТАВАҶҶУҲ: Матни пешниҳодшуда бояд нусхаи таҳриршудаи ниҳоӣ бошад ва ягон ғалати имлоӣ, услубӣ ва фактологӣ надошта бошад. Мақолаҳои номувофиқ мавриди баррасӣ қарор намегиранд.

Масъулияти илмӣ ва ҳуқуқии муҳтаво ба дӯши муаллифон ва муқарризон вогузор карда мешавад.

Идораи маҷалла

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

«Историк» – научно-теоретический журнал Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, который публикует материалы по историческим наукам в соответствии с законодательством Республики Таджикистан «О печати и средствах массовой информации».

ЦЕЛЬЮ И ЗАДАЧАМИ НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ИСТОРИК» ЯВЛЯЮТСЯ:

– Оперативное освещение результатов исследовательской деятельности учёных Республики Таджикистан, а также учёных стран ближнего и дальнего зарубежья в следующих отраслях науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии;

– Развитие международного сотрудничества в сфере истории, археологии и этнографии;

– Предоставление возможности исследователям публиковать результаты научных изысканий;

– Освещение актуальных проблем и перспективных направлений исторических наук;

– Поиск новых знаний для духовного и социального развития населения Республики Таджикистан в целом и её регионов;

– Пропаганда достижений научно-исследовательской деятельности учёных Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, а также исследователей других вузов и учреждений образования и науки Республики Таджикистан.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ИСТОРИК»:

–редакционная коллегия журнала принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, рецензии, научные обзоры и отзывы, которые ранее не были опубликованы в печатных и электронных изданиях. Эти материалы должны содержать научные идеи, результаты и достижения фундаментальных теоретических и прикладных исследований по следующим отраслям исторической науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии.

–решение о публикации или об отказе в публикации принимается на основе актуальности, новизны и научной значимости представленных материалов.

–авторы (соавторы) несут полную ответственность за достоверность представленной научной информации и всех данных, содержащихся в статьях, отзывах, обзорах и рецензиях.

– все поступающие в редакцию журнала материалы подлежат обязательной проверке на оригинальность в системе «Антиплагиат». После этого редколлегия извещает авторов (соавторов) о результатах оценки рукописи и сообщает о принятии материала к дальнейшему рецензированию или об отказе от рецензирования.

– поступившие в редакцию статьи, отзывы, обзоры и рецензии, в случае положительного решения после проверки на сайте antiplagiat.ru, направляются на внутреннее рецензи-

рование с целью экспертной оценки ведущими специалистами в соответствующей отрасли науки.

– статьи, допущенные к внутреннему рецензированию, должны быть оформлены в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям на сайте журнала: *https: //istorik.tarena.tj/ru.*

–Если рецензия содержит рекомендации по исправлению или доработке статьи, автору направляются замечания и предложения рецензента (без указания сведений о нём) для доработки и исправления материала.

– Доработанный материал представляется автором в редакцию журнала и направляется на повторное рецензирование вместе с ответом автора по каждому пункту замечаний.

– редколлегия вправе редактировать статьи без изменения их научного содержания. Орфографические и стилистические ошибки исправляются корректором без согласования с автором (авторами). При необходимости правка согласуется с автором (авторами).

–вариант статьи, направленный автору (авторам) на доработку, должен быть возвращён в редакцию в оговоренный срок с внесёнными исправлениями и изменениями в электронном и распечатанном виде.

–статьи, не принятые к опубликованию, не возвращаются автору (авторам). В случае отказа от публикации материала, редакция направляет автору (авторам) мотивированный отказ.

– по запросу экспертных советов ВАК при Президенте Республики Таджикистан, редакция журнала предоставляет им рецензии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ (ОБЗОРОВ, ОТЗЫВОВ, РЕЦЕНЗИЙ), ПРИСЫЛАЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ИСТОРИК» ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. А. ДОНИША НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА

Для размещения в журнале принимаются ранее нигде не опубликованные научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.2. Всеобщая история; 5.6.3. Археология; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 5.6.6. История науки и технологии: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

Авторы в обязательном порядке предоставляют в редакцию следующие документы:

– текст статьи на русском или английском (по возможности с переводом на русский язык), или таджикском языке с обязательной подписью автора (авторов) на печатном варианте статьи;

– рецензию доктора или кандидата наук, заверенную в отделе кадров по месту его работы;

– справку с места учёбы (для аспирантов и магистрантов).

Печатные варианты документов направляются в редакцию по адресу: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 33, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, главный корпус, 1-этаж, кабинет 21. Электронные версии по адресу электронной почты: *istorik.tarena.tj@yandex.ru* Телефон для справок: (+992 37) 221-37-42; адрес сайта журнала: *https: //istorik.tarena.tj/ru*

В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ ВАК ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РТ, СТАТЬЯ ДОЛЖНА СОДЕРЖАТЬ:

– индекс УДК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);

– фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;

–учёную степень, учёное звание автора (авторов), наименование и шифр научной специальности (согласно номенклатуре), по которой ведётся исследование, на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;

–аспиранты, соискатели, преподаватели, докторанты указывают кафедру и учебное заведение (магистранты - направление подготовки) на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;

– указание на должность, место работы, город, страну на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;

– e-mail и номер телефона автора или соавторов для связи;

–название статьи на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт Times New Roman 14 или Times New Roman tj 14, выравнивание по центру);

– аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, выравнивание по ширине, от 100 до 250 слов с указанием цели и задач исследования, краткого хода работы и основных выводов, содержащих научную новизну);

–ключевые слова на русском и английском языках (5-7 слов или словосочетаний из двух или трёх слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание - курсив, выравнивание по ширине);

– статья в обязательном порядке должна содержать список использованной литературы с указанием только цитируемых работ. Список литературы приводится в конце статьи с общим объемом страниц источника. Список использованной литературы оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ.

– ссылки даются в скобках, в которых указывается номер использованного источника согласно списку использованной литературы, а затем цитируемая страница.

Статьи принимаются в течение года. Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.

Текст, присылаемой рукописи является окончательным и должен быть тщательно выверен и исправлен. Статьи, направляемые в редакцию с нарушением вышеперечисленных требований, к рассмотрению не принимаются. За компетентность и содержание публикуемых материалов несут полную ответственность авторы и рецензенты.

Редакция журнала

ИНДЕКСИ ОБУНА: 77771

МУАРРИХ - маҷаллаи илмӣ - назариявӣ

Муассис: Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон

Назари ҳайати таҳририя метавонад бо дидгоҳи муаллифони мақолаҳо мутобиқат накунад. Муаллифон масъули муҳтавони мақола ва саҳеҳии ҳақоиқи он ҳастанд. Дар суртаи чопи муҷаддади комил ва ё ҷузъӣ ба ҳар наҳве истинод ба манбаъ ҳатмист.

Мусаҳҳеҳ: **Манзура ҲАСАНОВА**
Котиби масъул: **Абдумавлон ОДИНАЗОДА**
Муҳаррири техникӣ: **Мухбирҷон КЕНҶАЕВ**

Ба матбаа 10.12.2025 сол таҳвил шуд. Ба чопаш 17.12.2025 имзо шуд.
Андозаи 70x100$^{1}/_{8}$. Коғази офсетӣ. Чопи офсетӣ. Ҷузъи чопӣ 24.
Адади нашр 100 нусха

Дар матбааи ҶДММ «Ганҷи хирад» ба табъ расидааст.
734025, шаҳри Душанбе, кӯчаи Бофанда 5/1, тел: 227-71-01

ПОЧТОВЫЙ ИНДЕКС: 77771

ИСТОРИК - научно - теоретический журнал

Учредитель: Институт истории, археологии и этнографии
им. Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы. При полной или частичной перепечатке или воспроизведения любым способом ссылка на источник обязательна.

Корректор: **Манзура ХАСАНОВА**
Ответственный секретарь: **Абдумавлон ОДИНАЗОДА**
Технический редактор: **Мухбирджон КЕНДЖАЕВ**

Сдано в типографию 10. 12. 2025 г. Подписано в печать 17.12. 2025 г.
Формат 70x100$^{1}/_{8}$. Офсетная бумага. Офсетная печать. Печатный лист 24.
Тираж 100 экземпляр

Отпечатано в типографии ООО «Ганҷи хирад»
734025, г. Душанбе, улица Бофанда, 5/1, тел: 227-71-01